

Юнна ХМЕЛЕВСКАЯ

...Мы разучились
и рабский и сиротинский
и ползкий. Мы неслись
и вонзались в башню,
Мы стиснули и стиснули
приворот и парализацию,
на первом выжидательном
привороте,
Да, омерзели тайны,
Ужасный выжидательный
выжидательный стискивалась
наше дыхание,
«Вот так тайна, —
переладил Пушкин,
И рождалась утешитель,
ситуация»
— Пушкин, когда вы знаете
правду и тайну. Потому,
тут была и тайна.

Тайна

Annotation

Попытка во что бы то ни стало раскрыть тайну странных развалин, странных людей, ведущих крупную игру в казино, странного поведения двух молодых людей и маленького мальчика вынуждает героиню романа «Тайна» ввязаться в небезопасные приключения. Когда погибают или таинственно исчезают люди, происходят весьма странные события, перед которыми становится в тупик пани Иоанна, — на помощь приходит старый испытанный друг, всегда весёлый Гутюша. Вдвоём (правда, не без помощи милиции) им удаётся раскрыть страшные преступления...

- [Иоанна ХМЕЛЕВСКАЯ](#)
 - [* * *](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
-

Иоанна ХМЕЛЕВСКАЯ

ТАЙНА

(Пани Иоанна — 9)

* * *

Я разглядывала свою физиономию в зеркале придирчиво, дотошно и неприязненно.

Мерзость. Глазёнки несуразные, нос какой-то нелепый, лобик этакой умственной кретинки, к тому же вроде лысоватый, ротик тоже так себе, уши... Ну уж хватит, уши нормальные, даже не особенно лопухие, только их все равно не видно. А вот волосики, смилуйся Боже, все равно что ворох сена на скудной земле...

Я осмотрела себя вполне безжалостно, после чего подвела итоги. Половинкой ума оценивала собственную красоту в зеркале, а другой половинкой удивлялась, как нечто подобное могло вызвать восторг у мужчины. Разве что у психа или слепца. Каким бы ни блистала я интеллектом, оригинальностью и прочими скрытыми достоинствами, нет, тип не мог влюбиться до смерти, даже до лёгкого гриппа...

Разумеется, спровоцировал сию уничтожающую самокритику именно тип, и следует признаться, на этот раз тип достался мне и в самом деле уникальный. Мало того что красавец, к тому же загадочен донельзя. Несколько лет я пыталась его раскусить, несколько лет что-то не сходилось, ускользало, а теперь как раз весь мой жизненный опыт вопиал: взыскующая связь входит в критическую фазу. Да, пожалуй, не грех и подумать кое над чем: красотой не блещу, значит, что-то тут ещё...

От зеркала в ванной меня оторвал телефон. Звонила Зоя.

— Ко мне не забежишь? — соблазняла она. — В наш район не собираешься? Поговорить бы надо.

— А что случилось?

— Да ничего особенного. Не по телефону. Или мне приехать?..

— Я собираюсь в город, буду недалеко от вас. Зайду часа через два. Ладно?

— Идёт. Жду. Привет.

Я вернулась к зеркалу. Коль скоро придётся выйти из дому, надо оштукатурить унылую мордель. Ещё немного полюбовалась своей персоной, так, из чистого мазохизма, и вдруг утешилась: да ведь дай Боже, чтоб при виде такой физиономии кто-нибудь плюнул мне вслед... Сей момент полетела бы я играть во что придётся; такой плевок — это ж лучше не придумаешь, выигрыш гарантирован. Правда, сегодня, похоже, только вхолостую разбазарю отличную примету.

И я занялась косметикой, мрачно размышляя насчёт типа. Да, сознаюсь, он мне необходим. Все ещё необходим. Надо его завоевать, безоговорочно пленить. Только вот чем? Ведь не этой же моей морделью! Пластическая операция, понятно, отпадает, нет, здесь необходимо сенсационное открытие, успех...

Какая-то жалкая серая извилина шевельнулась в голове и пискнула: при чем здесь открытие или успех. Все было хорошо, пока в рот ему смотрела, все пошло к черту, когда терпёжу не хватило. Дурацкая это привычка — все подмечать да иронизировать, любовь должна быть слепа, пожалуй, лишку прозрели мои глупые глаза...

И я опять прибегла к помощи глупых моих глаз, дабы осмотреть внимательно себя в зеркале. По ходу размышлений подкрасилась: все более или менее нормально, нечего преувеличивать, даже вовсе не так уж плохо, кое-что изменилось на плюс, вроде бы и не такая уж лысая и нос не особо щеголяет своей красой. Ворох сена удалось причесать, правда, заблуждаться не стоит: лёгкий ветерок, да что там ветерок — дуновение, и хана!

Лестничная площадка непонятно почему пробудила во мне объективность. Я внезапно возмутилась. Между четвёртым и вторым этажом мне предстала и обратная сторона медали, что само по себе было фантастикой, ибо до сих пор я преуспевала лишь в страусиной политике и в самоедстве. В конце концов, будем беспристрастны: не только из-за меня и по моей вине!

У моего кумира тот ещё характерец: эгоист, эгоцентрист, мегаломан и к тому же лицемер. Симулирует перед самим собой благородные побуждения, а цель у него всегда оправдывает средства. Снисхождения и сочувствия в нем примерно столько же, сколько в каменном надгробии, а что до чувства юмора — тут и гиппопотам дал бы ему сто очков вперёд. Любое дело доводит до шедевра: мытьё стёкол в машине, ремонт чемоданной ручки, необходимая постирушка, равно занятие любовью и выращивание помидоров — все должно быть блеск-лоск. Решительно в любом занятии только превосходная степень, не иначе: а вдруг, Боже спаси и сохрани, кто-нибудь где-нибудь сделает что-нибудь лучше! Верно, комплексы какие с раннего детства...

И это скопище совершенств к тому же блистательно упаковано. Высокий, богатырская грудь, красивое лицо с удивительно правильными чертами, меланхолия в сапфировых глазах, осенённых ресницами кинозвезды, Грета Гарбо стучится, покрасневшись от зависти. Блондин, естественный завиток надо лбом... Завиток, правда, такой же

естественный, как я архиепископ, но уложен-то втайне, никто знать не знает.

И все это вместе взятое, конечно же, обрушилось на меня. Блондин, никуда не денешься, вечная моя судьба... Пробивался росток великой любви между нами, пробивался, да так и не пробился. Больно уж много во мне дефектов: во-первых, моя, извините за выражение, красота, во-вторых, всякие огрехи ума и воспитания. Может, здесь и есть зёрнышко правды — что же ещё, кроме врождённой глупости, заставляет меня постоянно себя пилить. Я раскаивалась, пыталась вырваться из самоедства, пока меня не отрезвило наконец следующее рациональное наблюдение: при таком умственном отставании я бы просто-напросто не закончила среднюю школу. И вообще сомнительно, почему научилась читать-писать. А научилась-таки, да к тому же четыре арифметических действия одолела, таблицу умножения на память вызубрила, более того, знаю даже, что Илья Эренбург — вовсе НЕ БЫЛА последней любовницей Гитлера и даже различаю ферму от ферматы. А посему высокий градус дебилизма просто отпадает, ох, не так все просто...

Где-то между двумя маршами того самого второго этажа долбанула меня жуткая обида. Заполучить кумира хотелось ведь, да ещё чтоб кумир проникся ко мне неземной любовью!.. Отступать не в моем характере, а посему вместе с обидой стартовала надежда — вдруг да случится что-нибудь сногшибательное и он узрит во мне чудо, вспыхнет, падёт к моим ногам, умоляя простить столько лет своей слепоты, вот только бы себя самого переделал, а собственно, почему бы и нет, ведь порыв безумного счастья все изменит...

На последней ступени лестницы я уже отлично знала: ничего из всего этого не выйдет. И он себя не изменит, не загорится, не вспыхнет ко мне. Красавица я или уродина, умная или дура — все чепуха, и никакие мои достоинства не помогут, пора расставить все точки, а бредовые иллюзии подложить под скорый поезд.

Но до расстановки знаков препинания так и не дошло. Растеряла всю решимость, видно, на последней ступеньке лестничной клетки и влетела в таинственные события, поразительные и ужасные...

* * *

— Ничего особенного, — успокоила меня Зося. — Возможно, понапрасну бью тревогу, просто надо взять себя в руки...

Но взяла она в руки почему-то не себя, а стаканы и кружки: то расставляла их на столе, то снова убирала в буфет, рассеянно осмотрела свою ужасающе чистую кухню — что-то её явно не устраивало: в конце концов отобрала у меня пепельницу, нервно вымыла и убрала на полку.

— Во-первых, сдаётся, ты заразилась от Алиции, — констатировала я с неудовольствием, потому как все это напоминало сцену, которую мне довелось наблюдать много лет назад. — Правда, Алицию давно уже отпустило. А во-вторых, отдай пепельницу, иначе придётся пепел стряхивать на тарелку.

Зося посмотрела на стол и на полку.

— А, прости, пожалуйста. Глупости, вовсе я не заразилась от Алиции. У неё нет детей, а я из-за Павла... Не очень-то охота оповещать об этом всех и каждого. Послушай, твой Дарий... Чем он, собственно, занимается?

— Что касается оповещения, так у меня нету громкоговорителя, — заметила я сухо. — А в чем дело?

— Ну, молчать-то он, надеюсь, сумеет?..

— По-всякому. На некоторые темы только и делает, что молчит.

Зося погасила газ под чайником и прислонилась к буфету, озабоченно поглядывая то на меня, то в прихожую за моей спиной. Я тоже смотрела на неё и прикидывала, как бы она отреагировала, если открыть правду об имени так называемого Дария.

Его звали вовсе не Дарий, а Божидар, и я сама предпочитала об этом не вспоминать. Возможно, для своих родителей он и был даром Божиим, но все же, по-моему, соображать надо, каким имечком снабжаешь младенца. Скажите на милость, что делать с таким именем в наше время? Такое имя пристало мужу в рыцарских доспехах, с рапирой и стилетом или, на худой конец, с гусарскими крыльями [\[1\]](#), но уж никак не мужчине с зонтиком. С горя я переделала Божидара в Дарика, и все были убеждены, что Дарик — уменьшительное от Дария. Эту самую правду про его имя я скрывала изо всех сил...

Зося вдруг очнулась, заварила чай, сгребла со стола пол-литровый горшок в красный горох и достала нормальные чашки.

— Чай сейчас настоится. Так вот... Думаю, он все-таки как-то и где-то функционирует...

— Наверно. Не знаю где.

— Неважно. У него есть свои ходы. А ты, кажется, от него совсем обалдела...

— Было, — честно призналась я. — По-моему, уже проходит. А ты что, узнала какие-нибудь его тайны? Охотно послушаю, изреки наконец, в

чем дело.

Зося пожала плечами, разлила чай и села за стол.

— Чушь. Я на твоего вовсе не молю, а вдруг все-таки поможет. Очень боюсь за Павла, подозреваю, он увяз в наркотиках. Нет, не потребляет, хуже — торгует.

Ошарашила меня Зося фундаментально.

— Ничего себе, хуже?! Все лучше, чем травиться, торговля не вредит здоровью! А вообще, как это тебе в голову взбрело, позволь осведомиться?!

— Встретила его с весьма сомнительными парнями... В последнее время деньги у него завелись, у меня совсем не просит...

— А ты с ним говорила?

— Поссорились. Велел не лезть не в своё дело, ответил как нормальный сын нормальной матери. Я расстроилась и наорала, что он, мол, на моем содержании и я за него морально отвечаю....

— Сама понимаешь, как они все это любят...

— Ещё бы! Ума не приложу, как теперь с ним помириться. А может, твой Дарий..., как ты считаешь?

И тут-то моя страждущая душа почуяла добычу и вцепилась в неё всеми когтями. Деятельность Божидара была окружена непроницаемой тайной, никогда ещё мне не удавалось не только туда прорваться, но даже разнюхать что-нибудь, и вот, пожалуйста, такая возможность. На наркотики мне плевать, Павел, конечно, беспокоил, но самое главное — не удастся ли познакомиться с делами Божидара, подбросив ему ситуацию с наркотиками.

— Бог его знает, но попробовать стоит. Он постоянно лезет в такие дела и возится с какими-то подозрительными юнцами. Ходы у него наверняка есть. Может, Павел и будет в претензии, но раз уж влип, не до церемоний. Самое тяжкое преступление сойдёт со скидкой, учитывая его полную незапятнанность. А то втянется, сама понимаешь, хуже будет.

— Не пугай меня.

— Да я не о том. Просто сейчас покамест первые шаги. А запустишь — все осложнится. Сейчас влип по глупости, по неведению и сразу же опомнился — не за что цепляться. Хочешь с ним поговорить?

— С кем? С Павлом? Ведь я тебе...

— Нет, с Дариком.

— А... Нет, сперва ты. Намекни и сориентируйся, что скажет.

— Тогда объясни подробнее, что и где видела и прочее.

— На задах Нового Свята. — Зося перестала колебаться. — Я искала скорняка, он вроде бы там работает в будке, реставрирует и всякое такое.

Будки не нашла, зато увидела собственного сына в тёплой компании. Просто подонки!.. Нет, постой, не просто. Подонки — да, а кроме них ещё парень с девушкой, знаешь, такие ословелые, худые и несуразные, а подонки — явные комбинаторы. Сразу видно. Шахеры-махеры явно вели между собой, конспиративно. Хуже всего, за ними наблюдал хмырь, совсем на них не похожий. Старался им не показываться, возможно, сыщик.., нет, пожалуй, нет, понимаешь, я даже убеждена, тут что-то другое...

— А как он выглядел?

— Средних лет, средней упитанности, среднего роста. Физиономия гладкая, обычная, вот нос, как бы это сказать.., клёцкой... Такая длинная мягкая клёцка, а сам нос вовсе не длинный, нормальный, только совсем без хряща и без кости. Будто из теста слеплен. Видок у этого типа, знаешь, ужасно лицемерный. Глядел на Павла. Я специально постаралась его запомнить, ох, у меня все как-то путается, понимаешь, главное — тамошняя атмосфера...

— Погоди, — прервала я. — У тебя великолепно получается.

Нарисованная Зосей физиономия так и замаячила у меня перед глазами. Уверена, видела эту морду в натуре и определила бы её в идентичных выражениях, а вот когда и где видела, Бог знает. Клёцка вместо носа, а вдруг кто другой, просто похожий, и где я эту физиономию лицезрела?..

— А что?.. — забеспокоилась Зося.

— Да ничего особенного, кое-какие ассоциации...

Я в свою очередь описала субъекта, и обнаружилось явное сходство. Что касается Павла, мы решили: у страха глаза велики, не так страшен черт и тому подобное. Деньги, убеждала я Зося, ещё ни о чем не говорят. Павел мог получить за уроки или за ремонт — хорошо разбирается в машинах. Божидара следовало подключить на всякий случай, а скорее всего, для моей личной выгоды.

Только я вернулась домой, позвонил Павел и коротко спросил:

— Ты дома?

— Дома.

— Так я заскочу. Привет.

Через десять минут я уже открывала ему дверь. Поглядела пристально — все нормально, забота вроде бы его не гложет. Однако я ошиблась.

— Меня заело, — сообщил он таким тоном, будто выиграл в лотерею. — Расскажу, о чем речь, и так уж мать, кажется, успела кое-что телеграфировать: я видел твою машину у нашего дома.

Я обрадовалась — услышу донесение прямо от виновника торжества.

— Валяй!

Павел начал складно, видать, заранее все обдумал.

— Понимаешь, вонь учуял. Не полез бы туда, кабы не смердело. Из-за одного тут, приятель ещё из школы, хотя и не кончил её. Ключнул на пудру, дальше — больше, теперь сидит на игле, словом, развалина от человека осталась. Я ему денег одолжил...

— Кретин.

— А ты бы на него посмотрела. Гниль одна, да жалко ведь. Знаю, не отдаст, да что там! Не в этом дело. Известно, откуда все берётся: аптеки, привозят-продают и так далее, а у меня, знаешь, так выходит, глупо даже признаться: подонки сбывают эту дрянь при полной поддержке властей.

Он взглянул на меня вопросительно. Что я могла ответить?

— Давай дальше. Откуда у тебя такие сведения?

— Обернулось все так... Случайно напоролся, ну, пожалуй, не совсем случайно, знаешь, заинтересовало. Жульё и наркоманы в полном симбиозе, сечёшь? Это уже точно, только однажды я нарвался на мужика.., вовсе неподходящий какой-то, что-то странное... Не исключаю, может, и он нарвался на меня: я входил, он выходил из одной такой шмаги — притона то есть. Не знаю, как сказать, впечатление не то, такие персоны там не случаются, места другие. И вообще все не клеилось. Вскорости менты загребли братию вместе с товаром, а на другой же день все они благополучненько цвели на свободе. Знаю людей, малость поспрошал, да пасть все на замке держали. А спрашивал я осторожно, ведь недолго и ножом схлопотать. Выглядело все так: вышли на свежий люфт — и убытков не понесли, как мыслишь, что бы сие значило?

— А менты какие?

— Один в мундире из комиссариата болтался, а двое так — ни то ни се.

— И все уехали вместе с сыщиками?

— И тот в мундире с ними, правда, похоже, по дороге потерялся.

— А тот неподходящий здесь при чем?

— Вот именно. Сменили место. Было несколько пунктов, я все проверил и заземлился — ни одного нету. Пошевелил головой, получается: смыло их с горизонта сразу после того, как тот неподходящий мэн к ним наведалься. Может, тут и никакой связи, только нюхом чую — есть что-то. Перетаскились в другое место, где мне их не сыскать, все вместе смердит — мочи нету, не знаю, что делать.

— А тебе зачем?

— Хочу, — заартачился Павел. — Жив не буду, хочу дознаться, в каком

болоте живу и есть ли там дно. А если есть, то на какой глубине.

— Пойми, в этой стране все стоит на голове, а значит, дно высоко наверху. Я тоже хотела бы кое-что увидеть, да только зря задираю голову. Мать колотун бьёт, рассказал бы ей все.

— Так она же крик подымет. А я хочу дознаться, хоть тресни. Тот неподходящий покоя не даёт, мелькнул всего разок да исчез — не возит ничего, не посредник и не наркота, а всю музыку знает. Наверняка. Опекун?.. — Да-а... — протянула я. — Слушай, а как насчёт проблем, что за проблемы?

— Ерунда. Сама понимаешь. Чтобы малость влезть в интерес, смекнуть, что да как, симулировал участие в деле. Посредничал три раза, шепнул про меня тот кореш, почти что взяли в штат, а когда я попятился, стали угрожать. Извиваюсь помаленьку, как змей, а надо бы сразу отсечь. Они всех шантажом держат, мордобитьем грозят и даже финиш обещают. Да плевать мне.

— Ты на этом заработал?

— Не без того же! А вообще-то весь мой доход из мастерской, вкалываю не надрываюсь, а насобачился здорово. В афёру я влез не из-за денег.

У меня мелькнуло, что на месте Зоей я бы тоже психанула, хотя дела обстоят не так уж плохо. Парень вроде бы знает, что делает, старается держаться по краю трясины, надо бы только стеречь, чтоб не спихнули. Задача прямо-таки для Божидара.

Павел поёрзал и решился на признание: если уж по правде, так не со мной хотел поговорить, а как раз с ним. Я с восторгом согласилась.

Мы увиделись на следующий день, но Павла разговор с Божидаром разочаровал, а я просто вдрызг расстроилась. Божидар нас не просветил, зато дал понять, ничего, дескать, нового мы ему не сообщили, все знает сам. Спорить с нами не пожелал. От всех афёр с наркотиками потребовал отвалить, выводы мы делали идиотские, взяточничество в стране — дело обычное, и факт, что торговцев выпустили на волю, ни о чем ещё не свидетельствует. Неподходящий мэн явно кто-то посторонний, а то и вовсе оптический обман.

Павла подстрахуют где надо, дабы выкарабкался без ущерба для здоровья, а вот кто подстрахует и как, нам не объяснил.

Павел своё разочарование попытался скрыть. Поумней меня оказался, а верней, ему было плевать на доброе отношение моего кумира. Я же, напротив, после его ухода стесняться перестала, откровенно все выложила, и меня призвали к порядку. Взбешённый моей назойливостью, Божидар

сперва саркастически предложил мне самой и удовлетворить своё любопытство, а после категорически запретил вступать не в своё дело. В свою очередь, я так взбеленилась, что вся эта наркотическая чепуха вкупе с неподходящими подозрительными делами из пустяковой занозы превратилась в целое копьё! Решила не сдаваться. Пусть думает что хочет, сама все разузнаю, распутая все секретки, если таковые существуют, перестану поджигать хвост и раз и навсегда покончу с дебильной кретинкой, какой меня почитают!

Короче говоря, меня захватил долгосрочный амок.

* * *

Павел позвонил через две недели под вечер и отчеканил без предисловий:

— Встретил тех двоих. Парень с девушкой, наркоманы, это они там все время путались, посредники. Встретил случайно. Ехали в трамвае на Прагу.

Так, вот она — моя проблема, я сразу поняла, о чем он говорит.

— Те, что скрылись? — удостоверилась я.

— Именно. Я поехал за ними. Хочешь поглядеть, где это?

Конечно, я хотела. Зачем мне это, не очень-то представляла, но всяческие осмотры всегда считала в высшей степени полезными; кроме всего прочего, поеду назло Божидаму. Договорились с Павлом через полчаса у ювелирного магазина в Аллеях Иерусалимских, и я вылетела из дому с такой силой отдачи, что только на лестнице сообразила проверить, не забыла ли юбку.

На месте оказалась раньше договорённого и посему зашла в магазин, чтобы зря не торчать на улице. Сразу же увидела пани Крыскову, с которой завела приятельские контакты в «Орно». Она стояла у витрины в углу, рядом какой-то пан, а напротив них продавщица. Больше в магазине никого не было. Я направилась к ней, цокая каблуками, пани Крыскова оглянулась и махнула мне рукой так, словно это она назначила мне здесь свидание, а не Павел.

— Вы только взгляните, — завела она. — У нас редко такие вещи встретишь.

Я подошла. Все они, возбуждённые, в красных пятнах, что-то внимательно рассматривали. Я тоже поглядела: бриллиант, не очень большой, но глубокий и невероятно чистый, голубой воды. На чёрном

бархате коробочки лучился, словно живой.

— Четыре и восемь десятых карата, — сообщила пани Крыскова вполголоса. — Почти пять. И вы ни за что не поверите, сколько стоит. Гроши! А ведь советский.

Она назвала сумму. Двести двадцать тысяч и в самом деле при нынешних ценах чепуха. Ещё не полностью усвоив сообщение, я обалдело уставилась на камень и наконец спросила:

— И его можно купить?

— Наверно, — заколебалась продавщица. — Мы получили камень для продажи...

— Вот это так оказия, — шепнула пани Крыскова, выразительно акцентируя слова.

Пан ничего не говорил, только пожирал глазами драгоценность. Я по-прежнему блаженно балдела, поскольку меня это не касалось: не было двухсот двадцати тысяч не только с собой, но и вообще. Если постараться изо всех сил, смогла бы наскрести половину. А пани Крыскова продолжала шёпотом искушать меня:

— Подумайте, ведь задаром! Исключительный случай, вы продадите камень в три раза дороже, да ещё и спасибо скажут! Я вам помогу...

Идея наконец дошла до меня и даже заинтересовала. Но как прикажете понимать: цена по меньшей мере вдвое меньше настоящей, а бриллианты за бесценок на земле не валяются. Конечно, без пани Крысковой мне бы и в голову не пришло покупать камень — я никогда в жизни не блистала оборотистостью в делах. Бриллиант стоил дёшево несуразно, и, если бы не мнение знатока, я решила бы, что он фальшивый или с каким-нибудь дефектом. Пани Крыскова многие годы работала с драгоценными камнями, без сомнения, дело знала профессионально, сама занималась куплей-продажей, и коли теперь соблазняла меня, то наверняка хочет помочь подзаработать. Соблазн был, разумеется, велик. Я горестно вздохнула:

— Нету столько денег. И сегодня не успею собрать, а вот завтра... Нельзя ли этот камень оставить за мной? — Как это оставить за вами? — спросила продавщица без всякого энтузиазма.

— Да так, обыкновенно. До завтра, до одиннадцати утра. Приду первой, к одиннадцати.

— Разве что в одиннадцать... Ладно...

— Надо будет её отблагодарить, — прошептала мне на ухо пани Крыскова.

Я кивнула. Бриллиант все больше привлекал меня. Молчаливый пан вдруг очнулся.

— Кто первый, тот и получит, — решительно заявил он. — Вдруг мне удастся раздобыть деньги раньше?..

— Сами решайте, — сухо прервала продавщица. — Подожду до открытия магазина и ни минуты больше.

Я не собиралась пререкаться с этим паном. Он не тянул на человека, располагающего суммой выше ежемесячной пенсии, к тому же и так все это дело представлялось мне весьма туманным, а потому я покорно согласилась с приоритетом более богатой особы. Успеет раньше, пусть купит. Сегодня вряд ли удастся, магазин через полчаса закроют, а завтра пусть будет, как будет.

Продавщица спрятала камень. Выходя из магазина, в дверях я наткнулась на Павла. Пани Крыскова последовала за мной.

— Вот как дело обстоит, — начала она, игнорируя Павла. — Мне в принципе запрещено покупать такие вещи, я ведь работаю в этой сфере, впрочем, у меня тоже нет нужных денег. Предлагаю на паях. Вы будете его продавать?

— А что делать? Деньги я займу, их отдавать надо.

— Ну, а я войду в долю. Если вы согласитесь. У меня с собой семьдесят тысяч, могу вам дать сейчас же. А потом соответственно поделимся. Согласны?

Я обрадовалась. Участие пани Крысковой придавало солидности всему предприятию. Я взяла деньги, пани Крыскова спешно простилась и вернулась в магазин. Павла прорвало.

— Это что такое? Покупаешь бриллианты?

— Вот именно. Не слишком много, пока что всего один. Эта пани понимает толк. Едем?

— Едем... Погоди-ка... А ты всерьёз покупаешь бриллиант?

— Собираюсь, а что?

— Да нет, ничего. Потрясно. Не привык к таким покупкам. Ладно, поезжай прямо на Прагу, а после я покажу куда.

Поехали, уже на мосту Павел заговорил о главном.

— Они не хотят, чтобы их все знали. Сама понимаешь, поставщики наркотиков не любят светиться. Во всяком случае, некоторые. У них там есть один такой...

— Перестань мямлить со мной как со слабоумной, — прервала я раздражённо. — Об этом все знают, давай конкретно!

— Ну так вот, парень с девушкой были как раз посредниками, за посредничество и за молчок получали свою долю. И они тоже смылись. А тут в трамвае их увидел, ну и рванул следом.

— Ас тобой что? Отбрехался или как?

— Думаю, да. Потерял доверие, но, видно, трогать не станут — вокруг тишь и благодать. Даже странно, думал, хуже будет. Или Дарий что предпринял?..

Я всерьёз задумалась, слегка недовольная необходимостью вообще шевелить мозгами на эту тему.

— Возможно, и не потребовалось. Давай рассуждать здраво. Полети ты сейчас с доносом, что бы ты мог сообщить? Продавали наркотики там-то. Ну и что? Они ведь давно уже смылись... И собственно, что дальше?

— Мог бы их узнать в лицо.

— Я думаю, кому надо, тоже их знают. В лицо.

— А я в курсе насчёт цен...

— Они тоже. Та ещё сенсация. Ещё что-нибудь?

Павел призадумался.

— Пожалуй, нет. Стоило им смяться, я все козыри потерял. Раньше были шансы так все подстроить, чтобы их захомутали прямо на стыке, или, к примеру, учитывая то да се, помочь добраться до главного поставщика, а теперь уже хана. Знаешь, ты права, я для них просто фуфло, им на меня плевать. Неглупая организация.

— Вот именно, чего же тебе ещё нужно?

— Как это чего — докопаться хочу! Вляпался, чувствую — смердит, а откуда? Хочу их найти, навести кого надо и поглядеть, что из этого выйдет. И здесь уже кое-что раскопал, только вот тропки в логово нету.

— А те двое не навели тебя?

— Нет, я, слава Богу, не чокнутый и за руку их не хватал. Вышли из трамвая, поплелись, я за ними, на дистанции, конечно. Через какие-то проходные подворотни и дворы, я даже не знал, что такие заныры есть ещё, понятия не имею, на какой улице все это числится. В одном дворе мои голубки куда-то скрылись, и тью-тью... Покажу тебе, где это, и у меня предложение. Поглядеть...

— погоди, у меня тоже предложение. Покажешь, купишь газету и уткнёшься в неё.

— Зачем это? — изумился Павел.

— Да просто чтоб не светился твой циферблат, так, кажется, говорят. Самое лучшее — газета. Они тебя знают, раз отцепились, не лезь по новой, иначе займутся тобой поэнергичнее. А меня никто не видел. Пойду одна.

Павлу это не понравилось.

— Я бы хотел тоже...

— Или ты покупаешь газету, или я поворачиваю оглобли. Всему есть

границы, даже лопухости. Учти, я сама на материнских позициях много лет. Тебе бы не газету, а чугунок на башку насадить. Тоже хорошо заслоняет.

Я оставила его в машине с «Подругой», иной прессы в киоске не нашлось, и отправилась в указанном направлении. Трассу Павел описал подробно, прошла две подворотни и два двора, потом ещё улицей и проходным коридором в каком-то доме, пока не упёрлась наконец в подвальную дверь, наглухо запертую на засов. Из человеческих экземпляров встретила худющую нищую бабу с огромной продуктовой сумкой, а также грязного сопляка с фонарём под глазом. Повернула назад, выглянула на соседний двор-колодец, по-видимому, двор уже вёл в ненужном мне направлении, вернулась обратно — сопляк как раз отодвигал засов на двери в подвал. Интересно, что он здесь делает? Я притаилась в закутке, где он не мог меня заметить. Тут-то и сообразила, чем занимаюсь: таскаюсь по Праге по каким-то подозрительным закоулкам, вместо того чтобы искать у знакомых деньги на дело! Все эти развалюхи не зайцы, никуда не денутся и до будущей недели, а бриллиант подождёт только до одиннадцати...

Не будь семидесяти тысяч от пани Крысковой, очень даже возможно, махнула бы я рукой на выгодное капиталовложение, полезла бы за сопляком в подвал, и покой мне обеспечили бы навсегда. Однако легкомысленно взятые деньги, как ни крути, обязывали, и времени у меня оставалось в обрез. Бросила я сопляка, дворы, наркоманские проблемы и в темпе рванула к машине, так что даже напугала Павла.

— Что случилось? За тобой погоня?!

— Нет, — ответила, трогаясь с места. — Только пора и о делах подумать — мне сейчас надо насобирать денег! Пока ничего интересного, а ты не дрейфь, вернусь, как только проверну бриллиантовую афёру...

* * *

В ювелирный я и в самом деле явилась первой. Продавщиц было две, моя вчерашняя стояла у прилавка, вторая что-то укладывала в витрине.

— Добрый день, пани, — поздоровалась я вежливо. — Вот деньги. Покупаю этот бриллиант.

Она бегло взглянула на меня, и, клянусь, взглянула опасливо. А может, мне показалось...

— О чем речь? — холодно спросила она, помолчав.

— Да о бриллианте, который вы отложили для меня. Мы ещё вчера вечером рассматривали его...

— Бриллиантов нет, — отрезала она бесстрастно и показала на застеклённую витрину, где лежали серебряные кулоны. — Вот наличный товар.

Я и разочароваться не успела, подумала только, не набекрень ли у неё зрительная память.

— Да нет же. Я напомним пани. Бриллиант советский, четыре и восемь десятых карата. Мы смотрели камень вчера в половине седьмого, была здесь и пани Крыскова...

— Пани Крыскова здесь не работает.

Я удивлённо воззрилась на неё.

— В чем дело? Вчерашний пан купил, да?

— Никакой пан ничего не покупал... Мы не даём сведений о клиентах!

Она говорила сухо, нетерпеливо и не больно-то вежливо. Я обалдело оглянулась. В магазине уже собралось несколько покупателей, а к часовщику стоял хвост из трех человек, но мы разговаривали в самом конце прилавка, в стороне, и никто нас не подслушивал. Что это на неё наехало? Верно, продала камень ещё вчера вечером и не с руки признаться. А почему, собственно? Не выжму же я из неё второй бриллиант!

Итак, ловкая афёра накрылась. Это было столь естественно, нормально и в полной гармонии с моим жизненным опытом, что я даже не расстроилась. Пани Крыскову я уведомила насчёт фиаско только вечером, по телефону.

— Знаю, — отреагировала она сразу же. — Этого и опасалась, думала только, что не успеют. — Кто и чего не успеет?

— Разговор не телефонный. Не зайдёте ли ко мне завтра?

— Разумеется, я ведь должна вернуть вам деньги. В котором часу?

— В начале второго всего удобнее... Явилась я на Старе Место в великой надежде что-нибудь узнать — положеньице меня заинтриговало. Пани Крыскова в служебном помещении была одна — сослуживцы ушли на обед, только кто-то остался дежурить в магазине. Мы могли говорить свободно, но все-таки пани Крыскова понизила голос.

— Сняли с продажи перед самым закрытием магазина, — сообщила она мрачно. — Официально именуется: пошёл на переоценку; но дело вовсе не в этом. Кое-кто камень купил.

— Знакомый?

Пани Крыскова пожала плечами.

— В известном смысле. Все они знакомые, покупатели таких вещей...

— И кто же они?

— А вы не знаете?

Я наивно паялилась на неё.

— Понятия не имею... Сотрудники?...

— Какие там сотрудники! Подумайте сами. Те, наверху...

Хотя я никогда не задумывалась, кто же, собственно, правит в моей стране, и политикой не интересовалась, недоумение моё прошло быстро. Даже и мой идиотизм имел пределы.

— Ну ладно. А зачем продавщица откалывает такие штучки? Не могла просто сказать, не удалось, мол, камень оставить, и привет? Я бы ведь не покусала!

— Вы же могли крик поднять, — пояснила пани Крыскова. — Она вас не знает, а покупатели на все способны. Боялась. Не имела права вообще камень выставлять, такие вещи проходят только через подсобки, товар для посвящённых. Да ещё при такой цене. Бриллиант почти пять каратов, голубой воды, глубокий, знаете, сколько он стоит на самом деле? Миллион двести, и это абсолютный минимум!

— Откуда же взялись двести двадцать тысяч?..

— Пересчёт по официальному курсу рубля на злотые. Камень-то советский...

Крыша у меня совсем поехала.

— Время от времени приходят от них такие вещи, — терпеливо объясняла пани Крыскова. — Цены ничтожные, на прилавок это не попадает, директор магазина получает распоряжение, а тут как раз директорши не было на месте, продавщица показывала камень тому пану, не мне же, я оказалась там случайно. А пан этот чей-то родственник. Кабы имел с собой деньги, купил бы сразу, вы же видели, денег у него не случилось... Помните, когда-то официальная цена доллара была двадцать четыре злотых, а на чёрном рынке более ста, и с официальным пересчётом на рубли то же самое...

Я расстроилась не из-за потерянного наvara — обычное моё невезение, — а из-за мошенничества как системы. Закулисные махинации, крутые тропки и окольные пути — да.., здесь правды не доищешься... Пани Крыскова вздохнула.

— А я уж понадеялась, что по случаю удастся воспользоваться, — призналась она грустно. — Я как раз без денег, из-за дочери, они дом строят, все деньги ухнули. И попался же мне этот бриллиант, как слепой курице зёрнышко, кабы знать!.. Возобновлю-ка я старые знакомства, драгоценные камни вообще-то идут через магазины, только никто их в

витрине не выставляет...

Я старалась просчитать всю комбинацию, да плохо получалось, слишком много неизвестных. Ни с какой торговлей бриллиантами, открытой или потайной, никогда не имела дел, а валютный пересчёт всегда был для меня за семью печатями.

— И что, после продают? — спросила я неуверенно.

— Кто?

— Да те, кто покупают.

— Продают, как не продавать. В основном в Вене...

Мы посмотрели друг на друга. Один за другим возвращались сослуживцы пани Крысковой, и она замолчала. С дальнейшими пояснениями пришлось повременить, я попрощалась и вышла. Пани Крыскова, прощаясь, приложила палец к губам...

* * *

Недоумок позвонил как раз в тот момент, когда я наконец двинула мыслительный процесс в действие и приступила к обдумыванию разведки переулков на Праге. Субъект с клёцкой на морде валандался где-то на обочине моего разума, и я почти чувствовала его топотание по моим мозговым извилинам. Божидар, упорно не желая пылать чувствами, надменно пренебрегая всеми моими, надо честно признаться, довольно мизерными сведениями, выбивал меня из равновесия со дня на день все больше и больше. Жизнь и так не баловала меня, а звонок сразу же сбил с темы и лишил всякой благожелательности.

Недоумок добрых лет восемь меня боготворил и липнул, как заграничный пластырь. Он, видите ли, решил стать поэтом. Стихоплетствовал вовсю и умолял, чтобы я правила эту потрясающую мазню, занятие весьма тяжкое, ибо в его, с позволения сказать, «поэзии» нечего было править. «Она стояла, она бледнела, смотрели все, она сомлела...» Это у него сцена со свихнувшейся от ревности дамой, которая намекает друзьям, что покончит с собой, только вот раздумывает, не кокнуть ли сперва своего неверного аманта. Сюжет был мне поведен изустно, прозой, ибо из поэтического текста никакими силами невозможно было его дедуцировать. К тому же из сего месива решено было изготовить эпос на манер «Пана Тадеуша» Адама Мицкевича или просто «Илиады»...

Я старалась намекнуть автору, что поэзия ему явно не даётся, лучше бы поискать иное применение таланту. Он в конце концов согласился и

выдал рассказик. Честно говоря, опус получился слабоват сравнительно с сочинениями третье-клашек-второгодников, особенно если наставниками у них были малоквалифицированные учителя. При полном отсутствии содержания, вся новеллка была ни о чем, да к тому же ни в одном предложении грамматика не учитывалась вовсе. Единственное, что у него не хромало — орфография: не делал ошибок.

Новеллка взбесила меня окончательно, и я посоветовала отправиться с ней на телевидение — мол, заинтересует, сделают сценарий. Он обрадовался столь оригинальному совету и, кажется, в самом деле им воспользовался, так как на длительное время оставил меня в покое.

Когда мы познакомились, он, понятно, представился, только его фамилия моментально вылетела у меня из головы. А визитку я потеряла незамедлительно. По телефону тут же узнавала его и сразу же отзывалась: «А, это пан», а посему он считал, что все о'кей, и не называл себя.

Звонок оторвал меня от увлекательных планов. Недоумок занудно умолял о встрече. Я попыталась наврать что-нибудь, но, будучи занята иной материей, нужного аргумента не нашла. Пора было, кстати, оплатить счета на почте ввиду скандального опоздания — от очередей я просто шарахалась, — так что хорошо бы совместить оба сомнительных развлечения. Вспомнила про кафе «Мозаика» около почты и назначила ему свидание. Он напирал на спешку, ну и ладно, пусть будет завтра в шесть вечера.

— Нет, я в последнее время не писал, — заявил он с ходу, и я вздохнула свободно. — Всякие неприятности, знаете ли, и в смысле вдохновения туговато. Хочу с вами посоветоваться. Извините за высокие слова, но ведь вы таки самая умная.

Я поперхнулась первым же глотком кофе. Господи Иисусе...

— Я того, понимаете, ничего не понимаю. На компьютерах сижу, а тут на тебе, чудеса в решетке. Ну, привезли машины, в Австрию за ними ездили, ведь они и сами могли прийти, а они все же поехали и сопровождали. Оказалось — лом один.

Я изо всех сил изобразила интерес.

— Что лом? Эти машины?

— А как же. Ни на что не годятся. Вроде бы привезли для работы, а велели разобрать на части; приблизительно говоря, вообще все не то.

Я понятия не имела о компьютерах, но сейчас мне показалось, что речь не только о науке.

— Расскажите все ещё раз. Я в компьютерах ни бум-бум. Для какой работы, и что не то?

— Так они для расчётов же — не просто прибавить-отнять, а для расчёта, например, движения. И для управления. А привезли все совсем другое, проще гораздо, на базе таких плат, которые работают по-разному, и если получается, то открывается заслонка. И потому когда в них что есть, то вылетает.

Вроде бы говорил обычные слова, а смысла в них было столько же, сколько в его поэзии. Я уразумела так: «вылетает», потому как что-то испортилось.

— А будь все в порядке, тогда не вылетит? — спросила я. Казалось, над столиком в кафе нависла какая-то абракадабра.

— Да нет, напротив. Именно должно вылетать. А в тех, что привезли, что-то сбоят, поэтому то вылетает, то нет. Машина заклинивается, а такого не должно быть. Программа как бы испорчена.

В голове мелькнула вдруг глупая ассоциация:

— А на чем заклинивается?

— Да вот именно, не на числах или хотя бы графиках. Какое там, крутятся какие-то игрушки — подковки, карты, ну там дамы, валеты, а то вдруг апельсины или сливы...

Тут меня осенило, и я очумела, собственным ушам не поверила.

— Так это же игральные автоматы! Вам просто-напросто привезли игральные автоматы!!!! Он сразу обрадовался.

— Ну вот, я же говорю, вы самая умная. Я позабыл слово, а это оно самое. Они итальянские. Мне ведено их разобрать на части, все блоки отдельно, а что дальше с ними делать будут, не знаю. Документация у меня вообще на другие, какие-то английские. И это все служебная тайна: ведь я же знаю, что деньги на них ушли те самые, отложенные на настоящие компьютеры, только меньше — ведь этот хлам дешевле. Впрочем, я не того, не знаю, они могли и просто так получить, всякие обломки, а только сказали, мол, заплатили. Небось взяли и подделали счета.

Я судорожно вспоминала что-нибудь про его работу. Нет, я никогда не интересовалась, а он, наверно, не говорил. И что за организация пускается на такие фокусы?

— А где вы работаете? — спросила я, уже с искренним интересом.

Недоумок даже обиделся.

— Как это, я думал, вы совсем в курсе, я ведь говорил. В мастерских при проектном бюро. И в самом бюро — то тут, то там, где понадоблюсь.

— А в каком проектном бюро?

— Ну.., в нашем. У нас там все отрасли. В ведомстве.

И в каком таком ведомстве, Боже милостивый?! Что он под этим

понимает?! Я посмотрела на него Горгоной, недоумок смутился, поёрзал на стуле — тяжёлый, неумолимый мой взгляд возымел своё страшное действие.

— Ну, знаете... На Раковецкой...

— В Главной школе сельского хозяйства или в тюрьме? — чеканила я безжалостно.

Недоумок взглянул на меня. В глазах его выражался столь горестный упрёк, что Горгона скукожилась. Ладно уж, видать, название организации в горле застряло, а на этой Раковецкой мало что осталось.

— МВД?..

Он едва кивнул. Окаменел бедняга, а я тем временем собралась с мыслями. И чего они все боятся — ну ясно, на тему МВД все окутано непроницаемой тайной, Божидар тоже об этой организации прямо никогда не говорит. Наваждение какое-то да и только. Ясно, пустились в странную афёру, не первую, да и не последнюю, подделка счётов — подумаешь тоже, а вот на кой черт им испорченные игральные автоматы?.. Собственное казино собираются открыть? С испорченными?!..

— А их легко починить? — У меня мелькнули кое-какие соображения.

— Что починить?

— Эти автоматы.

Недоумок вышел из гранитного оцепенения, пошевелился, вздохнул, покачал головой.

— Подкупить бы кое-какие части, почему нет. Скорее да. Но они вовсе не покупают. И вообще не велят ничего исправлять, просто разобрать. И зачем им это, ведь нельзя же их переделать. Значит, не годятся никуда, только для игры. Или ещё на что-нибудь.

Дело меня заинтриговало всерьёз. В игровых автоматах я очень даже понимала толк. Зацикленный автомат может платить бесперебойно, надо только его заставить в нужный момент... Минутку, но ведь все это механическое, барабанное. Какое отношение они имеют к кибернетике? Наверное, какая-нибудь новинка...

Недоумок уставился на меня как на святую, и в его взгляде отражалось одно лишь благоговение, что явно тормозило мыслительный процесс.

— И что? — спросила я нетерпеливо. — Что же вас во всем этом беспокоит? И чем я могу помочь?

Моя горячность не особенно его наэлектризовала, однако вялое выражение лица сменилось некоей озабоченностью.

— Ну, я не знаю. Мне все кажется, что-то не так. Я думал, вы посоветуете, честно говоря, дело ведь в другом. Я начал с автоматов,

потому что мой знакомый, коллега, значит, он с ними работал. И пропал. Вот я сейчас вместо него и работаю.

Поначалу я никак не могла сориентироваться, что его угнетает: то ли пропажа коллеги, то ли его работа.

— Ну?

— И я все не могу узнать, что с ним случилось.

Уразумев, что все-таки речь о коллеге, я попросила рассказать подробнее.

Недоумок явно оживился.

— Так он не пришёл на работу. Значит, это я понял, что его нет, потому как меня перетащили на этот хлам вместо него. Нормально, допустим, не пришёл так три дня, а его все нету. Я думал — заболел, позвонил — никого нет, я и ходил к нему несколько раз — без толку. В кадрах спросил осторожно, уволили или в отпуске, хотя если бы так, он бы мне сказал. Не в командировке ли? Ничего не узнал. Это уже, постойте, пять, нет, шесть дней, как пропал.

— А семья? Жена, дети?..

— Что семья?

— Его семья.

— У него нет жены. Родителей тоже нет. Вообще никого, одинокий. Девушка есть, я с ней повиделся, а она тоже ничего не знает, правда, они уже как бы разошлись, вот она и думала, потому, мол, он и не звонит. У неё ключи есть от его квартиры, мы с ней туда пошли, вот мне и захотелось с вами повидаться.

Кажется, недоумок подбирался наконец к главному.

— И что? — нажимала я.

— А там у него все не так.

— Как не так? Объясните!

Она говорит, эта Пломбир, её так смешно называют — Пломбир, все так зовут, я даже не знаю, какое у неё имя. Так вот, Пломбир говорит, больно уж большой порядок в квартире. Всегда бардак, то есть с вещами и так далее, только бумаги были в порядке, а теперь наоборот. Вещи все уложены, в шкафу и везде, а в бумагах ералаш.

— В каких бумагах?

— А в разных, в каждом доме полно бумаг, а у него ещё больше, чем у других. Даже свидетельство об окончании школы и табели школьные за все годы, только диплом в отделе кадров. Всегда порядок в письменном столе, блокноты, календари, много всего, — а теперь недостаток. Пломбир считает, что больше было и разложено кое-как. Она нашла такую записку,

даже несколько — он всегда все записывает: например, что купить, потому как ему неохота все помнить, так вот, хлеб, значит, лампочку либо масло... А на одном листочке написано такое странное...

Он достал бумажник, порылся в нем и осторожно пододвинул ко мне маленькую бумажку в клетку.

— Пломбир говорит, это мне.

Я взглянула на бумажку, он придерживал её пальцем на столике. Меня бы но удивило, подсунь он бумажку и обратной стороной.

Текст выглядел так:

Пломбир

Пышка

Знание

молоко XXXXXX

крыса

календарик за прошлый год

чипы пэ

Пиявка

Я внимательно прочитала и посмотрела вопросительно.

— А почему это вам? И что все вообще значит?

Недоумок ответил по очереди.

— Пломбир сказала — для меня, а уж она знает; все из-за этой Пышки. Он меня так звал иногда, я раньше был толстый. Такой пухленький, значит, мы с ним знакомы ещё со школы. Задумай он купить пышки, то и написал бы «пышки», одну пышку зачем покупать, да ещё с большой буквы. Вот и выходит, что это я, а Пломбир мне должна передать. А про остальное понятия не имею. А вам как раз и хотел показать, вдруг вы поймёте.

Вера в меня и надежда на меня просто-таки расцвели на его физиономии: я почувствовала себя обязанной проявить максимум проникательности, даже ещё больше, хоть и годилась для такой задачи, как вол для кареты.

— Ну ладно, давайте подумаем. Пломбира и Пышку долой. Знание. Так? О чем он мог знать или вы?

— Я ничего не знаю, видимо, он... Сразу скажу, молоко не в счёт.

— А почему?

— Перечёркнуто. Эти крестики. Он все перечёркивал так ещё со школы. Не чертой, а крестиками рядом. На молоко давайте не обращать внимания.

— Ладно. Итак, допустим, он нечто знал. Теперь крыса...

Он сразу прервал меня шёпотом.

— Крыса — это не крыса. То есть не животное. Мы так между собой называем одного типа на работе.

Я ляпнула не думая первое, что пришло в голову.

— В таком случае получается, были у него подозрения насчёт Крысы. Может, имел какие-то сведения. Что это за субъект?

— Гнида такая, хуже не бывает, извините за выражение. И что он мог про него узнать, давно всем известно — жуткая сволочь.

— Так, похоже, наоборот? Крыса что-то пронюхал?..

При этих словах недоумок весь передёрнулся. Раскрыл рот, помолчал, снова закрыл.

— Сохрани Господь Бог, если Крыса докопался до чего-то, о чем ему знать не надо. Уж тут обязательно случилось бы что-то кошмарное...

Не имея понятия о предполагаемых кошмарах, я пока что напрягалась насчёт этого листочка бумаги.

— Минутку. Попробуем дальше. Календарик за прошлый год. Вы что-нибудь понимаете?

Недоумок по новой отмолчал своё, видно, оторопь ещё не прошла.

— Я не знаю, а Пломбир говорит, календарик исчез. Где-то под конец года. Ещё когда был нужен. Пропал и все тут, а он думал, украли. Даже нервничал.

Исчез. Календарик. И владелец календарика тоже исчез...

— А знаете, похоже, дело вовсе не в календаре, а в его пропаже... Уж очень много всего наисчезало, вы упоминали и про другие бумаги?.. Говорите, Пломбир считает, будто бумаг меньше, значит, и они исчезли?

На добродушной глуповатой физиономии, в честных, наивных глазах появился смертельный испуг.

— Ох, эта ваша догадка вполне возможна. От ваших слов у меня в голове проясняется, я знаю, вы очень умная. О Боже, вдруг и в самом деле...

— Ладно, дальше. Чипы пэ. Это что такое?

— Чипы первичные, — глухо прошептал недоумок. — Это про автоматы. Мы об этом разговаривали, их ведь велели разобрать на первичные блоки, и между собой мы так и называли...

Некая схема постепенно вырисовывалась в моей голове. Смутная, естественно, и необязательно правильная. В тексте осталось ещё последнее, пожалуй. Итак, ещё вопрос:

— Пиявка?

Недоумок взмок. Я, видимо, принуждала его к невероятному труду: если столь же тяжело ему давались поэтические творения, ничего удивительного, что получались не наилучшим образом...

— Вот именно, я над этим думал и думал, потому как стало кое-что совпадать, только я думал, может, не так думаю. У нас в школе была учительница, Пиявкой её прозвали, то есть это не фамилия, это между нами, учениками. Ужасно была, как бы это сказать, настырная. Если прицепится, прямо как пиявка — не оторвёшь. Не приведи Бог самому руку поднять, она вроде бы спрашивала что-нибудь одно, а если какой дурак вылезал с ответом, так она вцеплялась в него мёртвой хваткой. Про все начинала спрашивать, давила, как удав. Человек даже и мог ответить, да остерегался, как бы случаем язык не распутить...

Сопоставления уже сами напрашивались. По-моему, я приближалась к разгадке всего шифра.

— Не знаю, так ли это, но, похоже, ваш коллега с чем-то выступил против Крысы, — развернула я свою аргументацию. — И либо в связи с этим исчезли его бумаги, либо сам он решил исчезнуть — ему угрожали. Бумажку написал на всякий случай, в расчёте на то, что вы поймёте. По-видимому, надеется на вашу помощь или просто хотел предостеречь. С Пломбиром вы об этом говорили?

От такого изобилия соображений недоумок растерялся. Его рот непроизвольно открывался и закрывался, и вместо гримасы отчаяния на его физиономии изобразилась неуверенность и беспокойство. Короче, полная дезориентация. В конце концов он выдавил:

— Ну, того... С Пломбиром — да, ведь она нашла записку и отдала мне — это, говорит, явно тебе. И о календарике. Прочитала и сказала: календарик за прошлый год у него потерялся. А все прочее она не понимает, но тут что-то нечисто.

— Неглупая девица, — похвалила я. — Насчёт Крысы знает?

— Представления не имею, пожалуй, нет, мы об этом никому не говорили, у нас такой шифр был, как бы сказать, секрет между нами. Правда, возможно, он ей кое-что и намекнул — Я снова взглянула на листочек, недоумок уже начал потихоньку тянуть его к себе.

— Чипы первичные. Сведения, надо полагать, касаются именно автоматов. Что-то тут подозрительное. Крыса связан с ними?

— Ну как же. Напрямую. Распоряжается, решает и так далее, даже сам работает, по профессии он электронщик...

И тут-то до меня дошло, какой беды он так боялся: его мрачные предчувствия, по всей видимости, оправдались. Какие только махинации

нельзя было провернуть с помощью этих игральных автоматов! Афёра вырисовывалась весьма чётко. Хотя бы недоумок был малость посмекалистей. А то проворством мысли он напоминал дождевого червяка.

— Не хочу вас огорчать, но боюсь, с вашим коллегой дело обстоит плохо, — сказала я возможно мягче. — По-видимому, он разгадал фокус с этими автоматами и нарвался на неприятности. Вам бы лучше ради собственной пользы в эту афёру не вступать, хотя, должна признаться, она меня до чёртиков интересует.

Недоумок, который таращился на меня изо всех сил, откинулся на спинку стула и тяжело вздохнул.

— Понимаю, как не понять. Так все и было, как вы говорите, я всегда верил, что вы мне поможете. Мало того, он понял, так ещё объясняться к Крысе полез. А про то, о чем знал, наверняка все записал — любил делать заметки для себя. А заметки-то и пропали, заодно и другие записки, потому и бумаг оказалось меньше. Но я этого так не оставлю. Я дознаюсь, что случилось с Казиком, с моим коллегой значит, — ведь, возможно, он просто скрылся. Как вы думаете, что бы такое сделать?

— Заявить в милицию, что ли?..

Услышав подобный вздор, всякий нормальный человек постучал бы весьма энергично пальцем по лбу. Недоумок же отреагировал спокойно, как пень.

— Заявить-то я могу, только какой толк. Не захотят у нас, так и милиция ничего не поделает.

А у нас запретят, это точно. Мне чего-нибудь наврут, и дело с концом. А я вот размышляю: если Казик убежал, как вы, пани, думаете, куда?

Афёра заинтересовала меня не на шутку, гораздо больше, чем наркотики и бриллианты, поэтому я сдержала раздражение и не фыркнула даже: каким образом, черт побери, могу представить, куда подевался абсолютно чужой мне человек. Посоветовала прижать к стенке эту Пломбир, ведь должна же она знать хоть что-нибудь о своём многолетнем хахале. Проваландались вместе вроде бы лет шесть, наверное, ездили куда-нибудь, может, укромные уголки у них были в лесной глуши или ещё что в таком роде. Слышала же она от него хоть что-нибудь, видела его приятелей...

— Так из приятелей только я один, — вздохнул недоумок. — Но вы правильно мыслите. Я попробую, а Пломбир вполне посодействует, потому как она расстроилась. И вообще мне-то нельзя, а ей ничего не стоит попробовать пойти в милицию. Если что, так я вас, пани, уведомлю...

Тадеуш, мой приятель ещё по прежней работе, позвонил на следующий день, ужасно озабоченный: у него прострел, даже с постели встаёт с трудом, а тут спешная работа, и я аккурат могу помочь.

— По-моему, ты всегда любила делать предварительное обследование, обмеры, — напомнил он неуверенно и просительно. — Надеюсь; у тебя это не прошло?

— Нет. По-прежнему люблю. Пристрастие не очень-то обыкновенное, но таки есть. А что, у тебя планы какие-то?

— Не столько планы, сколько совесть замучила. Взял работу, подписал договор — частное поручение, в принципе должен быть проект — капитальный ремонт: обследование и обмеры, как понимаешь, необходимы. И так по-дурацки сложилось, никого не могу найти. Эва со мной возится, да ещё на работу ходит...

— Все ясно. А участок большой?

— Не хочу тебя пугать, но, честно говоря, впечатляет. Строение и солидный кусок территории на Праге, все довоенное и неизвестно, в каком состоянии. То есть известно в каком — ремонту капитальному подлежит, только вот этот чёртов прострел — не успел рулетку взять в руки.

Он назвал адрес. До этого момента я колебалась: с одной стороны, обследованием всегда любила заниматься, да и неловко отказать Тадеушу, а с другой, времени нету, голова занята совсем другими делами. Мне не больно-то хотелось вступать в эту канительную работу, от которой уже отвыкла, но, услышав адрес, я с ходу загорелась энтузиазмом. Именно там находился возможный новый притон, его-то и хотел разыскать Павел, а меня от поисков оторвала бриллиантовая блажь. Может, и не в том самом строении, где-нибудь рядом, но и то хорошо. К радостному удивлению Тадеуша, я согласилась без уговоров.

— Постой-ка, ведь второго человека надо, есть помощник?

— Я так и знал, что могу на тебя рассчитывать. Помощник есть, я тебе на десерт оставил. Он работал бы один, если бы ты не согласилась, он у меня в напарниках по этому заказу. Гутюша с тобой будет работать.

— Гутюша!..

— Я так и думал, ты обрадуешься... Правильно думал, я сразу повеселела. Я просто обожала Гутюшу, он был работяга добросовестный, да ещё и развлекал меня на полную катушку. Он жонглировал польским языком самым удивительным образом, особенно когда нервничал, так что

договориться с ним порой бывало трудновато. Но тут все мог объяснить Тадеуш, а мне оставалось лишь приятное общение с Гутюшей. Посему я согласилась на Гутюшу без всяких оговорок.

— Работа срочная?

— Да. Если уж точно, начать следовало неделю назад. Ты могла бы завтра приступить?

Само собой — как раз планировала с завтрашнего дня шастать на Праге в поисках притона.

— Ладно, обследование и обмеры сделаю, но чертить будет Эва, у меня и приборов нет. С Гутюшей ты договоришься или мне самой?

— Да я с ним уже договорился, ты только позвони, в котором часу и прочее. Телефон его у тебя есть? А в моей благодарности не сомневайся. До гроба не забуду...

— Гутюша, а что там будет? — спросила я по дороге назавтра утром.

Гутюша на сей раз пребывал в спокойствии и высказался более или менее внятно.

— Кооператив это получил. Многоотраслевой. Мелочёвкой малой будут заниматься, а все вместе — производство, бюро и так далее. Комнаты гостевые, столовка и так далее. Этакая веерная программа, и сдаётся мне, себе кусок урвут — квартиры понаделают и так далее.

— А сейчас там что?

— Да всякая всячина. В основном люди живут, только жить там так же удобно, как волю в полушубке щеголять, сама увидишь. До войны склады понатыканы были, теперь тоже мешанина всякая. Поликлинику себе тоже отгрохают.

— А куда одеваются все, кто там сейчас?

— Никуда. Все к этому кооперативу относятся, так, попеременно туда-сюда и здание приспособят к новому профилю.

— А нам рабочее местечко отвели?

— Отвели. На третьем этаже, номер четырнадцать. Ключ у меня.

— Сперва покажешь мне объём работ, ведь Тадеуш говорил что-то об участке. Погода как раз что надо, так что начнём с помещений, но глянуть на место хотелось бы.

Моросил дождь, когда мы подъехали. Вход был с другой стороны, не там, где я успела побывать, но я сразу сориентировалась: строения и участок вместе образуют как бы угол двух улиц и могут иметь общие входы-выходы. Хмурый, обшарпанный четырехэтажный дом настроения не прибавлял.

Наша комната оказалась на третьем этаже и была в некотором смысле

оборудована: два стула, стол, электроплитка, какие-то полки, шкафчики и ящики, и даже — ошеломительный комфорт — кошмарного вида уборная. Я выглянула в окно. Большой двор с трех сторон ограждали строения вроде нашего, а четвертую замыкал одноэтажный барак и старая ржавая сеточная ограда. По неприглядности двор вполне соперничал с нашей уборной: разорённый, захламлённый, в выбоинах и ухабах, в одном углу возвышалась груда щебня и мусора, поросшая сорняком, далее — утрамбованная земля, бетон и строительные отходы. В процессе осмотра я локализовала проходные дворы и подворотни, где шлялась в поисках наркоманского притона, они находились левее: если бы я тогда определила дорогу по азимуту и могла напрямик протаранить стены и ограды, оказалась бы в нашем дворе.

Гутюша знал об окружении все.

— Тот барак — дом призрения. Детский сад или что-то в этом духе, во всяком случае для детей малость того, развитых наискосок. Пока неясно, что с ним делать, может, и снесут, а обмерить придётся. Весь участок наш, до той сетки. Дом, высунься поглубже в окно, увидишь весь от левой водосточной трубы до кучи щебёнки направо. Щебень тоже надо обмерить — его уберут. Остальное нас не касается.

— А сия возвышенность?

— Развалины. Ещё после этого, как его, пожара войны. Что-то стояло, обрушилось, возможно, остались подвалы. Место спорное.

— То есть как?

— Утрясают. Заказчик хотел бы все оттяпать, да, пожалуй, не получит, и вон ту четвертушку, — Гутюша описал рукой небольшое полукружье, — отдадут другим, а Тадеушу придётся делать забор. Изолироваться. Нам тоже начхать, как там решат.

Да, работка предстоит что надо. Понятно, почему Тадеуш собирался сделать все сам: обследование территории под снос можно поручить кому угодно, а обследование для перестройки и ремонта требует точности и дотошности. Гутюша для меня был сущим даром судьбы: монтаж, электрическое и санитарное оборудование знал превосходно, хотя в принципе и работал конструктором.

Начали мы с четвертого этажа, пока что оставив в покое чердак, потому как я не взяла с собой халат, а пыль там скопилась с допотопных времён. Через три часа спустились этажом ниже.

— Эва не начнёт чертить, пока мы не дойдём хотя бы до какого-нибудь конца, — буркнула я озабоченно. — Работа на срок?

— Две недели, — ответил Гутюша. — Было три, да одна пролетела. Я

потом тоже сяду за чертежи. Ничего, поддадим жару, пойдёт.

Я осмотрела ближайшую дверь.

— Что там? Не дай Бог, квартира?

— Квартира. Не страшно. Если жильцов нет, придём попозже.

На звонок открыла пятнадцатилетняя девочка, которую вовсе не интересовали наши проблемы. Она уселась с книгой за стол, игнорируя наше присутствие. Любопытно, что придумает Тадеуш, — на жилое помещение эта квартира не годилась ни в коем разе.

— По-моему, все столярные работы делать заново, и вообще следует пробить окна, если это для людей назначается, а не для коров, — заметила я критически.

— Да уж, надо бы, — согласился Гутюша. — Запиши в объяснительной, у них тут напряжение.

Я уже не искала причин, почему в жилой квартире вместо окон электропроводка высокого напряжения — времени не хватало. Гутюша локализовал выводы электрических проводов и обмерил расстояния от розетки до стены и до пола. К девочке зашла подружка. Я удивилась: в такую пору обе должны быть в школе.

— Эта психопатка ко мне пристала, — начала подружка прямо от двери. — Почему не сказала мне, что её выпустили?

Вдруг увидела посторонних в соседней комнате и примолкла. Девочки зашептались, с минуту как будто спорили, иногда повышая голос, так что до меня доносились отдельные слова.

— Каська просто дура, — горячилась подружка. — Он из неё верёвки вьёт.

Они ещё пошептались про какую-то Каську и про что-то ещё, потом наша хозяйка заглянула к нам.

— А вы ещё долго здесь будете? — спросила она вежливо. — Нам к часу пора в школу.

Я почему-то порадовалась, что девочки не прогуливают.

— Вам далеко? — спросила я, взглянув на часы.

— Нет, близко, минут пять ходу.

— Сейчас половина первого. Успеете. Нам тут ещё работы на пятнадцать минут.

— Даже меньше, — поправил Гутюша. — Уборная без канализации по вертикали.

— Стенки надо проверить. Беги с нулём к внешней.

Девочек наши занятия не интересовали, они шептались и хихикали, сидя на топчане. Через десять минут мы ушли.

— Что, тут живёт какая-то психопатка? — спросила я Гутюшу с лёгким беспокойством, обмеряя коридорчик у лестничной клетки. — Я предпочитала бы обойтись без психов, с ними хлопот не оберёшься.

— Два семьдесят восемь, — ответил Гутюша. — Есть, но она приходящая. Бывает изредка. Кажется, какая-то мамаша какого-то ребёнка из этого малолетнего исправительного дома. Погоди, тут не хватает калорифера. Есть выход и зашпунтовано.

Какое-то все-таки облегчение, что не я буду заниматься проектированием, а Тадеуш. Не позавидуешь такой творческой работе.

Помещение рядом оказалось единицей административной. Три присутствующих работника совершенно нас проворонили, увлечённые без памяти обсуждением несправедливости чего-то распределённого. Здесь была газовая плита с духовкой и ниша с ванной, где не наблюдалось водопровода.

На втором этаже мы решили отдохнуть.

— Приведи в порядок эти наброски, — порекомендовала я Гутюше. — Если собираешься чертить, лучше сам это сделай. А я пересчитаю обмеры, поглядим, на сколько не сходится.

— Надо бы про ключи смекнуть, — ответил Гутюша, разворачивая фольговый пакет с завтраком. — Эти чинуши пойдут домой, а нам здесь торчать. Подожди, я схожу к ним, глядишь, чайник одолжу и стаканы, пообедаем, а то с голодухи много не нафурычишь.

Я отвыкла от Гутюшиной лексики за последние годы: очевидно, он имел в виду, что голодному работа не в радость. Гутюша-снабженец оказался на высоте: позаимствовал все, даже кофе и чай, забыл только про ложки. Размешивая сахар в стакане шариковой ручкой, сообщил, что на первом этаже два частных суперпредприятия: дворничиха держит нечто вроде публичного дома, а экс-работник кооператива, ныне пенсионер, торгует водкой. Блудилище владельцу не мешает — дворничиха на хорошем счёту и частная инициатива поощряется, а пенсионер зашибает бабки на паях с кадровиком и потому почитается священной коровой. Никто ничего не видит и не слышит — ликвидируй эту малину, кадровик потерял бы вторую зарплату.

Обмеры четвёртого и третьего этажей разошлись у нас всего на десять сантиметров, это значило: primo — обмеряли мы тщательно, secundo — с домом покончили на удивление добросовестно. Сложили вместе листки с эскизами, и набросок объекта начал явственно вырисовываться.

После трех дней каторжных мучений мы очутились наконец в подвале.

— Что бы это такое могло быть? — спросила я, похлопывая рукой по неструганым доскам, напоминающим дверцы стенного шкафа. — Что за ними? Это наша крайняя стена.

Гутюша щёлкнул затвором рулетки, и лента со свистящим шорохом уползла в футляр. Подошёл к доскам и приложил ухо.

— Кажется, был подвальный ход дальше, — решил он. — Ничего не вижу — темно, как в негритянском чёрном кофе.

Таинственный проход не на шутку заинтересовал меня. Пробраться в том направлении — это же награда за нашу галерную работу. Гутюшу не требовалось долго уговаривать, ведь Тадеушу необходимо знать такие вещи, придётся что-нибудь тут придумывать и обмеры необходимо сделать. Не трата лишних слов, Гутюша ухватился за одну доску.

— Сделано на совесть. Смотри-ка, вот тут малость подаётся. Ты придержи, а я надавлю.

Получилось наоборот: мне пришлось надавить, а Гутюше рвануть, но в данном практическом случае нас не особо заботило правильное употребление глаголов. Однако доску оторвали понапрасну, оказалось, дверная — в ней с одного боку врезан защёлкивающийся замок, а с другого прибиты петли. Открывались двери на нас, только вот ручки не было — решила дело оторванная доска. Гутюша энергично рванул и отлетел назад, а у меня железка, подобранная для придавливания бумаг, вывалилась из рук.

Я заглянула в тёмную нишу и потянула воздух.

— Вонь какая-то. И опять дверь. По-моему, у нас фонарик есть, поглядим, где тут петли.

— Холера, занозу всадил, — поморщился Гутюша. Он пососал палец, огляделся и достал из сумки фонарик. — Эта штука, наверно, противостоит наперекор всему.

Учтя Гутюшины соображения, я подумала, что вторая дверь открывается от нас, но наваливаться всем телом было неохота. Гутюша посветил сперва туда, потом сюда, обе стороны выглядели одинаково — неровная поверхность сколоченных досок. Ниша пропиталась каким-то странным запахом.

Занятые дверью, мы внимания не разбазаривали и только теперь, в поисках петель, увидели ещё кое-что. Гутюша обвёл фонариком это нечто, луч света на мгновение замер, после чего рывком вернулся влево.

От увиденного совсем перехватило дыхание, и так уже затруднённое из-за смрада.

Довоенные стены подвала оказались двойные, между ними находилась дилатационная щель. Две стены рядышком, обе в полтора кирпича, вместе — почти восемьдесят пять сантиметров, между двумя дверями из неструганых досок должны образовать ровную поверхность, разделённую посередине двадцатисантиметровой щелью; с правой стороны такая поверхность имелась. А с левой было выдолблено, вернее, выкрошено узкое вертикальное углубление, а в углублении стоял.., человек. Да, да, неестественно вытянутая человеческая фигура.

— Так и сердчишку недолго с копыт долой, — пробурчал Гутюша. — Вишь, где прятки себе затырили.., да из башки вон...

Шалая фразочка Гутюши отвлекла меня от страшного первого впечатления: пока над ней размышляла, присутствие духа, усколавшее было добрым галопчиком, снова вернулось. Скопытиться от сердца и в самом деле можно было с ходу, запрятали по-идиотски, именно «затырили» — притащили и позабыли. Из-за налипшего слоя какой-то дряни трудно было сразу распознать в фигуре витринный манекен, старый и заплесневелый, изображавший, надо полагать, мужчину.

Мне удалось наконец пошевелиться, сделать шаг назад и шепнуть Гутюше:

— Не трогай, ещё развалится, а нам придётся убирать.

" — Ты что?! — возмутился Гутюша. — Труп, что ли, щупать?

— Какой труп, спятил? Разве труп способен сохранять вертикальное положение? Это старый манекен, наверно, его украли и спрятали, пожалуй, ещё до войны.

Гутюша с недоверием посмотрел на меня, на манекен и снова на меня.

— Думаешь?.. Возможно. Еврей портной, к примеру, спрятал перед немцами...

— Не перед, а от немцев, — поправила я машинально. — Нет, пожалуй, от немцев он бы сам себя прятал, а не манекен... Или ты думаешь, внутри у него что-нибудь есть? Ценности — в куклу, а куклу в подвал?

Гутюша оживился от моей догадки. Предложил осмотреть с пристрастием, вдруг да обнаружится что-нибудь ценное. Я ничего не имела против, только сначала отделаться бы от работы, кроме того, здесь стоял странный и крайне неприятный запах. Я опять потянула воздух, приняхалась и подытожила:

— Только не сейчас. Сколько времени проторчал, так проторчит ещё

немного, проветрится к тому же. Не чувствуешь разве, как пахнет? Похоже, какой-то консервант.

Я отошла, так у меня заслезились глаза. Запах, казалось, знакомый, только с парфюмерной примесью и ещё чем-то, так что драло горло и резало глаза. Гутюша сосредоточенно принюхивался.

— Лак для полов, — решил он. — Только более элегантный — древесный, наверно.

Я охотно согласилась — кой черт голову ломать и придумывать несусветные объяснения. Конечно, он прав: лак для пола на совесть дерёт горло и глаза, правда, здесь он благоухал деликатней и послабей, чем при целевом употреблении, да ещё какой-то парфюмерной кислотой отдавал. Я бросила заниматься обнюхиванием и вернулась к проблеме дверей.

— Потом все осмотрим спокойно, сперва закончим весь интерьер, — решила я. — Если насвинячим, затолкаем все в эту щель и делу конец. Убирать мусор не собираюсь.

— Оставлять на виду нельзя, ещё стрельнет что кому-нибудь в башку, — рассудительно поддержал Гутюша. — Смотри, вот тут петли, дай-ка я пихну...

Пихание эффекта не достигло. Вопреки нашим предположениям, вторая дверь открывалась так же, как и первая — к нам, то есть её надо было потянуть, только вот за что? По всей видимости, пройти можно было в одну сторону — оттуда сюда, а не отсюда туда. В области темени у меня засвербило нечто вроде мысли.

— Обследуем после, без спешки. Давай обмерим только дверной проем и уйдём — в носу щиплет невыносимо.

Гутюша послушно обмерил, задвинул на место полуоторванные доски и призадумался.

— Слушай-ка, а вдруг это не манекен, а самый обыкновенный труп?..

Я записала обмеры и постучала по лбу карандашом. Гутюша, похоже, совсем обалдел, хотя.., черт его знает... Правда, мне не доводилось слышать, чтобы труп сам собой держался вертикально и благоухал лаком для пола, но всяческих консервирующих средств изобретено в последнее время до холеры и все возможно. А вдруг он просто-напросто висит? Мы ведь не разглядывали внимательно, запах тошнотворный и видок такой — любоваться, в общем, не тянет. На первый взгляд — манекен как манекен, только старый и облупленный...

А окажись манекен трупом, последствия катастрофические! Вместо обмеров даём показания, милиция рыщет повсюду, нас выбрасывают из подвала, пломбируют вход, забирают бумаги, к тому же нас, упаси Боже,

подозревают, все кувырком, препятствия неодолимые, а обследование надо закончить в срок...

— Гутюша, типун тебе на язык, — заартачилась я. — Не городи чепухи, ещё накличешь. Будь хоть сто трупов, а для нас манекен и точка. Подумай логически, у нас чертовски мало времени. Гутюша, вопреки видимости, умел думать логически, а потому решительно отвернулся от трупа. В подвалах нас ожидал ещё миллион мучений: километры разных проводов и кабелей, к тому же действовала местная котельная. Самое жуткое место во всем здании!

Дождь давно перестал лить, но с домом мы разделались и выбрались во двор только на третий день.

Кооперативный дворник прицепился к нам, как репей к собачьему хвосту. Заявил, ему, мол, ведено соблюдать закон, и представил нам вбитые в землю колышки, означающие границу территории. Колышки дугой огибали развалины, и по ним требовалось установить ограду. Таскался сторож за нами повсюду, смотрел в руки и все нудил, чтобы мы случаем не переступили запретной черты — за что последовало бы страшное наказание. Какое — он не уточнял, равным образом непонятно было, кто оное наказание понесёт: мы, Тадеуш или заказчик. Убрать из проекта эти завалы всем было на руку, отпадала проблема расчистки и вывозки щебня, а посему дворницкие директивы нас устраивали.

Мы опустили с крыши шнур, на конце которого привязали камень, и Эва могла теперь взяться за чертежи. Словом, со всем обмеренным хламом мы отправились к Тадеушу.

— Да, с самого начала говорили, там кусок двора принадлежит к соседним владениям, — поддержал Тадеуш дворницкое занудство. — Вроде что-то там утрясали, но я им довёл до ума все преимущества, если плюнут на эти щебёночные бугры, и они поспешили прийти к согласию.

— И верно, — поддакнул Гутюша в своей манере. — Кобыла с возу, бабе легче. Разве что сделали бы санки с горки.

— Санки с горки остались теперь тем детям, — заметила Эва, привычная к Гутюшиной манере. — Где остаток территории?

— Пока нету, тебе что — мало? И так хватает дел с этим кусочком. А ты вообще-то была на месте?

— Была разок. Поеду ещё осмотреть, потому как эта жертва прострела пока ещё ни туда ни сюда. Одного его надолго не оставишь.

Тадеуш уже не валялся в постели, а геройски передвигался по квартире, хотя спина совсем не сгибалась. Надеялся, правда, через неделю начать вкалывать.

— Самое главное сейчас — барак для детей, — сказал он задумчиво. — Обмерьте вы эту заразу с дотошностью часовщика, предвижу, начнутся баталии и каждый винтик будет важен. Выиграет наверняка кооператив, у него своя рука где надо, пусть хоть детям дадут что-нибудь приличное.

Я решила немного пооткровенничать насчёт моего рабочего рвения, ведь Тадеуш мог оказаться весьма полезен.

— Любопытные дела творятся вокруг объекта, — подкинула я косточку.

— А на что мне вокруг? — удивился Тадеуш. Я рассказала о наркотиках, о таинственном притоне, находящемся где-то рядом. Призналась, что намереваюсь туда проникнуть под предлогом более полного обследования местности.

— Кое-что я уже разведала и знаю направление, да пока что не хватало времени на дополнительный осмотр.

— Ну! — подтвердил Гутюша. — Я под конец понял, куда её несёт. Только в проходе стоит то ли труп, то ли манекен. И воняет.

— И что, это входит в проект? — взволновался Тадеуш.

— Нет, стоит за дверью, — успокоила я. — Прямо в дилатационной стене. Как закончим, хорошо бы симулировать продолжение работ. Сделаю вид, необходимо, дескать, дополнительное обследование подвалов, и погляжу, что там такое.

— Судя по всему, делать вид не очень-то понадобится, без дополнительных обмеров и так не обойдётся, — деловито заметила Эва. — А общество в лице Гутюши тебе обеспечено.

— В случае чего подтвердите, что я там шастаю в качестве легального труженика. А то вообразят ещё, что я шпионка или ещё кто... Террористка, например.

— В силу моей восторженной признательности засвидетельствую не глядя все, что пожелаешь, — торжественно поклялся Тадеуш. — А нельзя ли узнать, на кой тебе сдалась эта наркоманская берлога? Замешан кто-то?

— Ну как же, небось Дарий велел, — съязвила Эва.

— Убратся он мне велел. А меня снедает любопытство. Есть мнение, что во всем этом замешаны крупные шишки.

— Если её когда-нибудь не пришьют, то я Паганини, — пророчески изрёк Тадеуш и, поморщившись, сел за стол, где были разбросаны эскизы.

— А мне-то казалось, ты без ума от милиции! — фыркнула Эва.

— Да при чем здесь милиция? Добросовестная милиция такую малину с удовольствием бы ликвиднула. На мой взгляд, здесь орудуют важные

лица. Жуткий клубок, кто в нем запутан, не поняла ещё, а предполагаю самое худшее; честно говоря, до правды докопаться винтиков не хватает.

— Дай Бог здоровья, а умишко и такой сойдёт, — вдруг наставительно брякнул Гутюша. Я повернулась к нему.

— Гутюша, ты, надеюсь, понимаешь, что я открыла тебе страшную тайну и трепать языком не следует?

— Я что — себе враг, садист что ль набекрень, — обиделся Гутюша. — С кем попало носом не трусь.

— Умоляю, сделайте этот барак до того, как вас посадят на много лет, — зажалобился Тадеуш. — Мне чертовски неохота делать смету дважды...

* * *

— А все эта Сушко, пани начальница. Мне сдаётся, она сама забрала ребёнка и куда-то подевала. Милиция в конце концов найдёт его...

— Шляется и шляется: чокнутая, так запереть надо и всех делов. Вы пошлите кого-нибудь, ради всего святого, ведь живёт же она где-то.

— Да я сама пойду...

Шепчущиеся бабы заметили меня и замолчали. Их секреты меня совсем не интересовали, я сидела на корточках почти у их ног, в конце коридора, так как Гутюша не мог добраться с рулеткой до противоположной стены и передвигал какой-то хлам, а я держала ноль. Мы честно выполняли поручение Тадеуша и старались замерять точно. Детей как раз отправили гулять, и мы вкалывали высунув языки, чтобы успеть до их возвращения, но меблировка барака сводила на нет героические наши усилия.

Все строение представляло собой нечто чудовищное. Строили барак из любых попавшихся под руку материалов, злостно смешав их без складу и ладу, в довершение бед часть барака занимала поликлиника, снабжённая безумным количеством изощрённых установок. Возводил этот монстр не иначе как маньяк.

— Гутюша, присядем на минуту и сообразим, что есть что, — предложила я, закончив детские помещения. — У меня тут дерево, кирпич, бетон, гипсолит и прочее. Давай отметим все на нашей мазне, иначе потом не разберёмся.

— Держится все на старом кирпичном фундаменте, — сообщил Гутюша, усаживаясь рядом со мной на останках старой стены под

открытым окном какой-то комнаты. — Сохранился фрагмент подвала, но часть барака, вон та, другая сторона — бетон.

Мы начали обозначать материал стен на листочках набросков. Дети уже возвращались с прогулки, тихие и покорные. Они медлительно и неуклюже переваливались через порог и исчезали в бараке, видно, усталые, хотя трудно понять отчего. Они не бегали, не играли в мяч, правда, я в то время работала в помещении и могла не заметить их повадку.

— Иди, пощупай два последних окна, — поручила я Гутюше. — У нас записано — менять, а я не знаю что на что. Дерево на кирпич или кирпич на дерево.

Гутюша встал и отправился к дальнему краю строения. В помещении за моей спиной раздался шум: кто-то вошёл и начал набирать по телефону номер — явственно слышался треск, а потом гудки. На другом конце взяли трубку.

— Пан поручик? — заговорил женский голос почти над моей головой. По-видимому, телефон стоял недалеко от окна. — Ну так я не знаю, того ребёнка нет. Заведующая не хочет заявлять... Думает, мать забрала мальчика... Та, чокнутая... Да, Сушко... Я сама её видела, заявила и сидела с ребёнком... Какая там загородка, и половины нету... Кто должен поставить? Так, знаете, пан поручик, фондов нету, рабочего нету... Позавчера, да, под вечер. Пожалуй, около шести... Да я звонила, только вас не было, а после не смогла — она тут в канцелярии торчала... Что?.. А, какое там, чепуха всякая, что у панов магазин, или ещё там что... Да в основном дети болтают, а я слышала... Ладно, только после восьми, раньше не могу...

Щёлкнула положенная трубка. Одновременно вернулся Гутюша.

— Пани Ната, — очевидно, за стеной появилась другая женщина, — заберите все эти полотенца, у малышки опять кровь носом пошла...

— Кирпич, — объявил Гутюша и потянулся за эскизом. — С этой стороны кирпич, а с той — дерево.

Я сразу не смогла сообразить, о чем он, так меня заинтересовал телефонный разговор. Какая-то ненормальная.., похоже, та, проходящая, украла собственного ребёнка. По непонятным причинам факт должен сохраняться в тайне. Черт-те что, вечные тайны...

Одноэтажный барак занял два полных дня. Мы сообщали всем, кто попадал под руку, что ещё вернёмся уточнить детали. Таким образом открылся путь к наркоманскому притону, нужному мне, в общем-то, как дыра в мосту.

Божидар объявился на следующий день вечером и принял меня

упрекать; заходил, видите ли, трижды и не заставлял. Желая избежать никчёмной перепалки, я не стала напоминать о том, что предупреждала его насчёт своей работы, и поспешила похвалиться добытыми сведениями.

— Там провоняло все, не только кукла, — суммировала я, дав ему полный отчёт. — Ничего определённого, но что-то зловещее в атмосфере. Проход в подвал ведёт в одну сторону, словно бы специально, если придётся сматываться; ребёнок у них пропал, заведующая избегает милиции, а какая-то пани Ната по-тихому доносит обо всем. Я ещё там буду, что мне проверить, как думаешь?

— Где это находится точнее? — спросил Божидар, слушавший до сих пор молчаливо, с каменным лицом.

— Я сказала адрес.

— Предпочитаю проверить сам...

— А я обещала Гутюше, что без него к манекену не притронусь!

— Меня интересует не кукла, а пропавший ребёнок. Не нравится мне все это. Мальчик мог... Он замолчал. Пауза затянулась.

— Что мальчик?

— Ничего. Как все дети. Мог спрятаться где-нибудь, ты говоришь, там много строительных завалов...

Память стартовала спринтом, перед глазами возникла картина, виденная четыре дня назад. Гора щебёнки, колышки, воткнутые в землю, и сторож, размахивающий руками, злобно оберегающий эту границу. Я смотрела ему в спину, собственно говоря, не смотрела, лишь взглянула, но общий вид запечатлелся в моем мозгу. Пригорок в одном месте словно выгрызен, видимо, обвалился — из-под слоя земли проступала часть стены и подвального свода, упавшая тонкая берёзка уже слегка завяла. И дети... Дети, играющие в песке... Детям все равно, что у них под руками: песок, разбитый кирпич, гравий, угольная крошка, земля...

Мне представилось страшное продолжение... Дети играют на грудах мусора около обвала — копают большую яму, щебень осыпается на одного ребёнка, присевшего на корточки... Дети недоразвитые — вялые, равнодушные — могли никому и слова не сказать...

Меня просто катапультировало со стула.

Уже стемнело, когда мы доехали до места, горели фонари. Мои видения Божидар не комментировал, молчал почти всю дорогу. Осмотрел весь участок, потом барак с детьми, прочитал все надписи и вошёл, велел мне дожидаться во дворе, да ещё так, чтобы не бросаться в глаза. От пояснений воздержался.

Я уселась на знакомой стенке. Разобранная оградная сетка, местами

вообще оторванная от столбов, лежала на земле. На этой опрокинутой сетке стояли двое, парень и девушка, оба молоденькие. Стояли неподвижно — статуи да и только. По одежде — хиппи. Через пару минут в повисшую на единственной петле калитку прошёл милиционер. Форма, надо полагать, обязывала его избрать законный путь, хотя через заваленную сетку было ближе, а может, и вправду принял тех двоих за вкопанные в землю статуи. Во дворе оглянулся и не спеша двинулся в барак.

Ещё через пару минут из барака появилась баба, подошла к двум статуям и что-то спросила. Парень промолчал, даже не взглянул на неё, девушка еле-еле покачала головой, но трудно было понять, соглашается или отрицает. Баба, по-видимому, спросила снова; не получив ответа, рассвирепела и заорала:

— Зачем языком молоть, мол, чего-то знают, коли пасть разинуть лень! Милиция пришла, можно и уважить человека, так нет! Только голову морочите.

Двое отрешённо смотрели в пространство. Баба злобно передёрнула плечами и вернулась в барак.

Окно, под которым я сидела, на сей раз было закрыто. Вдруг там зажёгся свет и послышались голоса. Я встала, заглянула в окно, увидела Божидача, милиционера и заведующую, ту самую, что шепталась, когда я на корточках сидела у неё под ногами. К ним присоединилась недовольная баба.

Я некоторое время рассматривала их, ничего не разбирая в нечленораздельном говоре, потом отвернулась, снова уселась на место и посмотрела на сетку.

Двое бесследно исчезли. Смылись, пока я пялилась в окно. И вдруг меня осенило: ведь они наверняка знают о пропавшем ребёнке, хотели сказать, да не решились. Я совсем расстроилась. Господи Боже, что тут происходит?!..

Вся компания из барака выкатилась на улицу. Я встала.

— Нету их, — нервничала баба, беспомощно переминаясь. — Вон там стояли. Лабуда какая-то, молчали и пялились...

— Спугнули вы их, вот что. Эх, меня бы позвать, — ворчал милиционер. — Пойду погляжу, может, ещё где попадутся. Имени не сказали?

— Какое там. Глухонемые, одно слово. Божидар элегантно попрощался, кивнул мне, я прошла в основное строение и подождала его у выхода.

— И что?! — спросила я судорожным, тяжёлым шёпотом.

— Ничего. Щебнем не засыпало — позднее все видели этого ребёнка. А второй раз ничего не осыпалось.

Меня немного отпустило.

— И что? — повторила я чуть спокойней.

— Ничего. Наверно, мать забрала. Я займусь этим.

Я решила не отставать. — А ну как этот притон в самом деле где-то здесь, а мальчик увидел чего не надо. Но не стали же они его... Ведь не убили же. Боже праведный, а вдруг похитили и спрятали?..

— Можно допустить что угодно. Не знаю. Тут ещё какие-то молодые люди замешаны, не видела их?

— Видела.

— Куда они пошли?

— А я знаю? Как раз в окно заглядывала, а их и след простыл.

— Ну конечно, тебе необходимо смотреть в окно, чтобы и тебя заодно увидели. А я оставил тебя во дворе специально, ты должна была за всем следить, для чего же я ещё тебя с собой брал? Ладно. Где этот ваш манекен?

Я скрипнула зубами и показала пальцем в подвал. Про мальчика и наркотики подробней поговорить не удалось. Божидар был весьма недоволен мной. И мне внушалось, что моё вступление во все дела лишь умножает препятствия и что как следопыт я ни к черту не гожусь. Я снова разозлилась и в сердцах забыла рассказать ему о недоумке, бракованных автоматах и пропавшем коллеге. Представившаяся мне ужасная картина оползающего щебня и гибнущего ребёнка ещё дома оборвала моё сообщение, а теперь, после суровой нотации, мне захотелось буквально забиться в какую-нибудь щель. Мальчик пропал, приятель пропал, эти двое тоже пропали, эпидемия пропаж разразилась на всю катушку. Намеревалась все обсудить с ним как с человеком, не хочет — не надо, тайна на тайне едет и тайной погоняет, я тоже обзаведусь тайнами, и пусть все катится к черту!

Рассталась я с моим хмурым кумиром злая, надутая и готовая объявить войну.

* * *

Где-то после двенадцати позвонил Гутюша и сообщил, что нам необходимо попасть на склад. Там где-то есть выводное отверстие водопровода, которое мы сдуру прошляпили. Найти необходимо и лучше

всего сейчас же.

Пожалуйста, могу и сейчас.

— Сани смазаны, — встретил он меня весело, когда я подъехала на условленное место. — Сдержим сроки. Эва взлетела свечой, половину уже оттапала. Я бы мог и один, да первое ргіто — склад забит полками, неохота мебелировкой заниматься, а ты всегда поможешь; второе ргіто — при такой оказии загляну-ка я в этот экспонат.

Половину дороги я размышляла над его системой ргіто и пришла к такому выводу: первое ргіто, лёгкость скольжения саней, сравнивалось с темпом работы, второе же ргіто, свеча, ассоциировалось со взлетающим реактивным самолётом, а третье ргіто, экспонат, означало манекен. Я кивнула и согласилась с последующим текстом:

Гутюша планировал намертво запереться в подвале, дабы нам не помешала дворничиха или сторожиха.

Запасные ключи пока ещё находились у нас. Мы разделились с работой и спустились в подвал уже частным образом. Гутюша накрепко закрыл дверь, достал из портфеля фонарик и потянул уже сорванную доску.

Манекена в нише не было.

Мы стояли в тесном проходе и таращились на неровно выдолбленный простенок. Гутюша светил фонариком так, словно манекен был с таракана, чуть ли не в цементные выбоины заглядывал. Я занервничала, где-то под ложечкой ёкнуло.

— Ну, горчица вся вышла, — откомментировал Гутюша. — Куда он подевался?

— А мне откуда знать? Наверно, кто поставил, тот и забрал.

— Портной, что ли?

— Какой портной?.. А! Ты спятил, еврейский портной со времён войны, скорее всего, давно уж умер! Нет, тут побывал кто-нибудь другой...

Да, очередная тайна. Ужасные подозрения вперегонки сменялись одно другим.

— Вот так номер, — поразился Гутюша. — Нет чтоб сразу раскурочить, теперь весь сейф из-под носа увели. Наверняка ему брюхо распотрошили — искали что-то, на черта он сдался иначе, гнильё эдакое. И смердел.

Я решила уточнить ситуацию.

— Гутюша, обмеры закончили, пора взглянуть правде в глаза. Боюсь, труп был настоящий.

Гутюша оставил в покое пустую выдолбленную нишу, повернулся и разочарованно посмотрел на меня.

— Так ведь я с самого начала говорил! Только почему он стоял? Фокус какой-то. Ты серьёзно думаешь, труп?

— Подозреваю.

— Ну, манатки пора паковать, и деру.

— А что?

— Если был труп и стоял, не сам же он встал по стойке смирно? И сам не лакировался этим лаком? Его убили, ясно, криминал. Стой он тут со времён войны, и стоял бы дальше, а его нет, значит, этот фрукт созрел куда позднее, совсем свежий. И что делать?

— Спасибо сказать, что его вообще нету. Чего шебаршиться без толку: здесь ничего нет, а было ли, кто знает?

— Ты меня окончательно запутала. Ведь мы его видели?

— А тебе что, приспичило откровенничать на эту тему? Кто в курсе, когда мы обмеряли проем? Могли и сегодня, ведь мы делаем же дополнительные обмеры, а сегодня здесь ничего нет. До конца работы спокойствие обеспечено. Заглянуть бы, что там дальше, не лежит ли в следующем подвале?

Гутюша вполне оценил преимущества спокойствия и не заметил в моем предложении вопиющего абсурда. Он приналёг на вторую дверь, что-то там подковырнул инструментами, и нам удалось открыть на себя дверь без всяких поломок. Я пошарила наверху, нашла выключатель и зажгла свет.

Этот подвал был просторный, основательно захламлённый, точнее говоря, склад картонных коробок и разломанных фанерных ящиков. Между ними валялись останки какой-то мебели, бочек, железяк и Бог знает чего ещё. Мы добросовестно обыскали все углы, ни трупа, ни манекена не нашли, и на этом наше обследование закончили, ибо подошли к очередной двери в конце помещения. Дверь была заперта.

— Здесь его нет, и мне плевать, — категорически заключил Гутюша. — Но вообще, ежели фрукт был зрелый, я дознаюсь, как это он шастал взад-вперёд.

Любопытно, что он имеет в виду? Я перестала ощупывать замок на двери и отправилась в обратный путь через доски и коробки.

— А как ты дознаешься?

— Есть у меня один такой. Если посчитать, то и побольше таких найдётся...

Пока мы добирались до машины, не на шутку zaangażированный Гутюша успел поведать, что «таких» в общей сложности трое, занимаются расследованием преступлений, только разными методами. Все более или

менее связаны с милицией и прокуратурой, с одним Гутюша вместе учился в школе и через него познакомился с остальными. «Один такой» вовсе не летает по городу с бамбером и с дубинкой, а сидит в кабинете и работает мозгами. Второй вкалывает таксистом, а третий усердно позирует в одном учреждении.

— Это порядочный тип, — рассказывал Гутюша. — Разные документы к нему вдут, а он перекладывает их с места на место — ходу-то им нету — и скрежещет зубовьями, аж эхо отдаётся. По бумагам такое получается, что нервы горят коротким замыканием, ну ничего, говорит, подождём — уверен, что все изменится. Я им скажу об этом трупе, пусть знают, чтоб знали. Может, что и вытанцуются.

— Если в самом деле труп, — заметила я. — А вдруг все-таки манекен?

— Все равно интересно. Был, сам не ушёл, забрали его, а дверь закрытая. Это уже не лейки-переливайки. Афёра изо всех дыр не прёт.

Я поняла, что Гутюша имеет в виду таинственность дела.

— Вот бы знакомого из судебной экспертизы заиметь! — вздохнула я, трогаясь с места. — Так, на всякий случай. Попади к ним и в самом деле труп, уж знали бы, когда помер, недавно или много лет назад. Может, и ещё что откопали бы — только черта с два до сути довинтишься.

— Я малость покручусь где надо и тебе все по кабелю перекину, — обнадёжил Гутюша. — Одного из прозекторской тоже неплохо знаю. Он из этих лесных домоседов, сам когда-то нашёл ногу в лесу и по ноге целого человека отыскал.

Я заинтересовалась.

— Нашёл всего человека?

— Да нет, выдедуцировал. Остального человека не было, наверно, кто-то сожрал в лесу, ни следа не осталось, одна нога.

— И что надедуцировал?

— А был один такой, принимал участие в чертовски крупной акции по отлову торговых контрабандистов. Всех их поймали прямо на суёте с багажом, да кое-что там с товаром случилось. Пропал, испарился, как сон. И тот один тоже пропал.

— И это все у твоего знакомого из одной ноги выстроилось?

— Нет, объясняю же: из ноги сотворил человека. В ноге был старый перелом или что, так этот нашёл его по рентгену, тот всего только год назад ногу снимал, а мой нашёл. Ну, малость нажал, где следует...

Разговорчивый Гутюша представлял собой настоящий кладёз сенсаций. Я решила вцепиться в него зубами и когтями. Закинула удочку,

не слышал ли чего про наркотики.

— А то как же, — отрапортовал Гутюша. — Одного тут знаю, на том и сидит. Он игрок, во все играет, на этом пункте у него вороной конёк, а денег вечно не хватает. Пару раз что-то там растрезвонил, и бенц. Он, правда, не знает, что я знаю. А вообще-то он их ловит.

Так, секунду! Растрезвонил?.. Ага, растратил, наверно!

— Погоди. Кого он ловит?

— Да тех, кто торгует. И поставщиков. И товар ловит.

— Понимаю. А товар разок спустил на свои делишки?

— Ну да. Не все, понемногу, только это дорого, так он и сбацал, чтоб на игру было. А кто там считает, сколько наловили. Хочешь, могу с ним перегукнуться.

Ещё бы я не хотела. Изю всех сил хотела. Тайна ужасная, от которой кровь в жилах стынет, и хватит с меня роли дуры во всем этом спектакле. Душа моя упёрлась всеми лапами на тернистой дороге к разгадке. Дороге!..

Ожидала меня не дорога, а окольные тропки да блуждания по буеракам.

* * *

— Бесподобно выглядишь, — оглоушил меня Божидар, когда я вылетела в коридор на скрежет ключа в дверях.

Вот удивил так удивил! Я с трудом удерживалась от желания помчаться к зеркалу, украдкой взглянула на себя лишь через пару минут. Все совершенно обычно, ничего не изменилось, и что, черт побери, он во мне высмотрел? Может, поиронизировал? Он шутливо улыбался, в глазах пробегали смешинки: все это столь же неожиданно, словно развеселилась, к примеру, статуя Командора. Боже милостивый, ну и качели: неужели моя личная жизнь не может протекать малость поспокойнее?.. Да, правда, я ведь сама выбрала... Все ещё ошеломлённая, я с места в карьер выпалила:

— Манекен из подвала испарился. Ты, верно, в курсе?

— А ты как думаешь?

— Так и думаю. Насколько я тебя знаю...

— Слегка. Положим, кое-что мне известно.

— Так скажи на милость, в чем дело. Мы с Гутюшей во второй раз заподозрили, что это не манекен, а труп.

— Честь вам и хвала, молодцы, лучше поздно, чем никогда.

Казалось, после восхищения моей красотой меня уже ничем не

удивишь, а все же... Я, понятно, принялась расспрашивать.

— Удивляюсь твоей недогадливости, — усмехнулся он явно иронически. — Ведь все пропахло формалином.

— Да что ты?! Это формалин?! А я думала — лак для пола!

— Формалин, естественно, очень характерный запах. Сенсаций не жди, труп мумифицировали давно. Вряд ли кто заинтересуется, чьё тело и откуда взялось.

Именно в это самое мгновение в разговор вклинилась сама судьба в виде Гутюши. Позвонил, влетел стремительно в комнату и при виде Божидача слегка окаменел. Я познакомила их, подчеркнув, что Гутюша участвовал в находке. Божидар и бровью не повёл, а Гутюшу, напротив, словно подменили. Я пересказала ему услышанное, попросила Божидача продолжать, однако он заявил, что изложил все и продолжения не последует. Гутюша неподвижно сидел на краешке тахты и молча таращился на него.

— Я того, — изрёк он наконец, еле разжимая губы. — Забежал, проходил мимо и снова бегу. Я за рулеткой.

— За какой рулеткой?

— Ты небось случайно прихватила рулетку. А мне нужна.

По-моему, я рулетку не брала, Гутюша все сложил в свой портфель. На всякий случай заглянула в сумочку, а потом в холодильник — с меня бы стало записать рулетку вместе с продуктами.

— Ну, я уж и не знаю, — огорчился Гутюша. — Ищи вот теперь иголку в компоте. Я думал — у тебя, а если нет, значит, потерял.

— Может, осталась в подвале?

— Возможно. А я мимо как раз, так ближе, чем туда, думал, ты... Ничего, завтра туда забегу. Не буду мешать, спешу.

Закрыв за ним дверь и вернувшись к Божидару, я сразу ощутила перемену атмосферы. Вроде такой же, а прямо-таки полыхает другим настроением, флюидами или чем-то в этом роде. На всякий случай я вышла в ванную и осмотрелась в зеркале: нет, все в порядке, моя красота при мне. Подбросила парочку вопросов — если нельзя о загадочном трупе, пусть прояснит насчёт пропавшего мальчика и о двоих хиппи. Ничего, ноль, все возможно, сомнительно, допустимо и требует расследований. Что касается моей персоны, то я слишком навязчива, нахальна, люблю проехаться за чужой счёт: вместо того чтобы действовать самостоятельно, использую его, Божидача. Радостное оживление у меня мгновенно сменилось менее мажорным чувством и, когда я закрывала за ним дверь, душа моя не просто роптала, но кипела от ярости.

В полную прострацию я не впала лишь потому, что через пять минут после ухода недовольного мной кумира позвонил Павел.

— Есть кое-какие новости.

— Не раздражай меня! — прошипела я свирепо в телефонную трубку. — Говори сразу! Что знаешь, откуда?

— Приятель поссорился со своими предками и слегка раскололся. Под мухой был, факт. Папаша в министерстве внешней торговли сидит, в семействе у них скандалчик случился — папаша дела с коноплём проворачивает...

— Да уж, вышел из конопель по солнышку? — вырвалось у меня.

— Что? Погоди, ты о чем?

— О папаше. Поговорка такая: делишки, значит, на свет Божий вышли.

— Не знаю, может, и в самом деле. Слушай, в жизни не угадаешь, откуда товар. Из Советского Союза! То есть не коноплю привозят, а гашиш.

— Официально?

— Ну, ты даёшь! Официально только на медицину, а с остальным, понятно, крутят бизнес. Адам вообще в контрах, ему давно уж вся наркота поперёк, как и мне, а теперь и вовсе плюнул на бабки и ушёл из дому. А перед тем кое-что разнюхал. От папаши товар плывёт к одному типу, которого Адам знает только по фейсу, папаша перед ним стелется, но кто он такой, Адам не в курсе. Описал мне его, понимаешь, я в отпаде: точно тот ферт, про которого я тебе говорил. Помнишь, я один раз его видел, а после он растворился.

— Это который с клёцкой на морде? Павел ошеломлённо молчал. Мать честная, клёцку-то мы обсуждали с Зосей, а не с ним. Вдруг вспомнила про того типа да и ляпнула наше мнение насчёт клёцки. Павел задумался.

— Точно, так и есть. Ну да, на морде у него и вправду клёцка...

Божидар окончательно вылетел у меня из головы. Привязалась же ко мне эта клёцка! Того и гляди, начнёт сниться разная мучная продукция — галушки, к примеру, лапша в ромбики и квадратики и всякое такое. Господи, где моя голова, Павла-то надо от нашего следствия шугануть, дело очень уж скользкое и опасное, пускай перестанет нарываться!

— Ладно, отваливай от этого предприятия. Скажи только, как фамилия папаши и где живёт.

— А я знаю?

— Как это не знаешь?! Ведь Адам твой приятель!

— Так я ж у него не бывал. Они неплохо законспирировались. К тому же у Адама другая фамилия — официально он от первого брака матери, ловчили из-за каких-то там запретов, чистое средневековье, он под бодуном

проболтался, так может, что и не так. Я усёк — первый муж был для прикрытия, а второй женился позже. Ну, и не стали менять фамилии, потому у Адама своя фамилия; тут, знаешь, высокие партийные боссы, куда мне с моим рылом. У Адама фамилия Погодовский, а как у папаши — не знаю.

— Мать Божия, — охнула я.

— Если надо, адресок расстараясь... Я осадила его.

— Отвяжись, сказано. Мы-то мелюзга по сравнению с ними. Им хоть бы хны, а тут речь о жизни и смерти. Не валяй дурака самолично, адрес — да, а насчёт остального — не смей пальцем шевельнуть без меня.

С великой неохотой Павел обещал не высовываться, но, конечно же, разузнать ему не терпелось не меньше, чем мне, и справедливо опасался, что своим ходом знание не придёт. Впрочем, согласился все же со мной, чем доставил большое облегчение, поскольку я ещё и Зоей побаивалась...

* * *

Гутюша поймал меня по телефону на следующий день вечером.

— Может, выйдешь поговорить... Диво дивное, а внутри у меня полный патефон. Подрулила бы на Черняковскую, я на углу жду.

Согласовали угол, и я приехала через десять минут. Сначала заподозрила — не хотелось ему пешком топать до меня, к тому же и до дому его потом подброшу. Оказалось — ничего подобного, причина была совсем иного рода.

Он объявил мне с некоторой запинкой, что испугался Божида. Побоялся снова его встретить, не хотел рисковать. Я удивилась и даже толком не спросила почему.

— Я, слышь, малость опупел, — объяснил Гутюша. — Не хотел встывать между дверями, потому и не пришёл, чтобы тебя просветить, только когда он, этот твой, такие разговоры говорил, то меня заклинило. Мало ли, вдруг он опять у тебя сидит.

Я ответила, что не сидит и что совсем ничего уже не понимаю. Гутюша помотал головой.

— Петрушка получается, мертвец-то был натуральный и не старый, а свежий. За мумию сошёл — так сверху его воском намазали, облили, значит, расплавленным. Убит самым обыкновенным способом, без вреда для здоровья, следов никаких, значит, этак мягко, постепенно удавили. Формалином после продезинфицировали, а стоял, потому как

пришпандорили к доске вертикально.

Как смысл, так и форма коммюнике оглушили меня основательно. Я молчала. Гутюша продолжал.

— Одно только совпадает, копать официально не будут, хоть и кокнули его недавно. Две недели тому, а может, и меньше. Остальное — потёмки. А кто его из подвала забрал и когда, вообще никто не в курсе. А уж кто его там установил — вообще чёрная могила.

Я обрела голос.

— А он что, в анатомичку попал? Догадываюсь, информация от тамошнего приятеля?

— Ну, как сирота, вроде подкидыша.

— Какой ещё подкидыш?

— Как подкидыш притопал. Кто-то его в наилучшем виде туда доставил, верно тот самый, кто забрал из подвала. А они там такие вещи не выбрасывают в мусорный контейнер, а хватить на стол и давай кромсать. И больше никому не сообщили.

Гутюшина интерпретация событий могла ошеломить сама по себе, а у меня ещё сердце защемило при мысли о Божидаре. Если Гутюша говорил правду, Божидар лгал. Но зачем, Боже милостивый! Может, его самого обманули?

— Гутюша, ты уверен, что это правда? Не взяли тебя на понт?

— Железо, — заверил Гутюша без всякой обиды. — Мой приятель обещал сам это все раскопегарить келейной украдкой. Я уже все знал, когда пришёл к тебе, и язык у меня отнялся: с этим твоим лучше не спорить, потому как того... Ну, как-то не очень...

Гутюшино замешательство вспыхнуло вдруг коротким замыканием. И все-таки я не обратила на него особого внимания (может, тактичность его заела и прочие subtilности). Меня просто замордовали собственные сомнения, а все потому, что сама хотела их иметь. Не могла же я вот так сразу, немедленно и без всякого сопротивления согласиться на детронизацию моего кумира и божества.

Я вернулась домой и на полную катушку предалась отчаянию...

* * *

На следующий день позвонил недоумок. Последний ум у него отбило, отказался говорить по Телефону, и я снова назначила ему свидание в «Мозаике», хоть почта на сей раз была мне ни к чему.

Я не сразу нашла место для парковки и, пока дожидалась, увидела его перед дверью в кафе. Он прощался с девушкой, с минуту они ещё поговорили. Я не видела толком её лица, только силуэт. Форма и посадка головы, линия плеч — все очень характерно, пожалуй малость не правильно, но очаровательно, да и к тому же красивые, длинные ноги. Интересная девица. Я уже начала было раздумывать, что такая девушка нашла в недоумке, но тут мне пришло в голову, не Пломбир ли это. Она ушла, а недоумок вошёл в кафе.

Я села за столик, спросила, кто такая. Недоумок подтвердил, Пломбир, мол, и есть.

— Я уже совсем непригоден к творческой работе, — вздохнул он с глубоким сожалением и к моей вящей радости. — Такой сделался нервный, что не получается. Я вам говорил, мой коллега исчез, помните?

Ничего себе, идиот! Я ведь только что спросила про Пломбира.

— Помню. А что?

— Так нашёлся. Я все знаю... Он умер.

— Не хотела вас огорчать, но так и думала, — сказала я сочувственно. — Расскажите подробнее.

Недоумок снова тяжело вздохнул и понизил голос. Рассказывал почти шёпотом.

— В милицию пришёл снимок неустановленного трупа. Его где-то нашли. Я видел снимок, это он. Доложил Пломбиру, она позвонила, велели прийти, узнала его, сообщила обо мне. То есть, что я его знал лучше и так далее, и мне прислали вызов. Вроде вышло, не я все начал, даже Крыса не спохватился, впрочем, у меня рот на замке, сходил туда после работы и даже отпрашиваться не пришлось. Он, конечно же. Странно выглядел, и мне по секрету сказали, что его убили — задушили. А главный ужас — ещё и забальзамировали.

Я не выказала изумления, напротив, даже как-то обмякла. Недоумок замолчал и посмотрел на меня вопросительно. Не представляю, чего он ждал, возможно, по его мнению, я ещё и эксперт по бальзамированию трупов.

— Как забальзамировали?

— Формалином. Впрыснули или как и положили его сначала целиком в это, не знаю, как все делается. А сверху покрыли воском. И откуда столько воску взяли?.. Всего ведь покрыли — лицо и даже всю одежду. Вовсе ничего не понимаю.

Оцепенение, поглотившее меня вначале, сменилось вдруг лихорадочным возбуждением. Разум интенсивно заработал и принялся

выдавать нечто, напоминающее автоматную очередь: манекен в подвале!.. У меня и раньше мелькнула мысль!.. Гутюша говорит правду!.. Божидар лжёт!.. Коллега недоумка обнаружил притон!.. Его убили!.. Пропавший мальчик, Иисус-Мария!..

На мальчике очередь оборвалась — это уж слишком страшно. Должны же быть границы даже для всякого рода кошмаров и мерзостей...

— Кажется, я теперь понимаю, где вашего приятеля нашли, — произнесла я спокойно через минуту-другую. — Не уверена, но, по-видимому, это был он.

Недоумок оживился и почти обрадовался.

— Я так и чувствовал — с вами, пани, все разъяснится. Вы ведь мне скажете где?

— Скажу. В подвале, в одном доме на Праге. Мы делали обследование территории и строений — капитальный ремонт здания — и наткнулись на труп случайно. Формалин, воск, все так и есть.

Своё личное участие в подобных открытиях я постаралась свести к минимуму. Недоумок был, правда, напуган и, верно, держал бы язык за зубами, но работал в столь серьёзной организации.., на всякий случай я себя не экспонировала.

Он таращился на меня удивлённый, даже ошеломлённый.

— В подвале? На Праге? А что он там делал?

— Ничего не делал, мёртвый уже был. А что он там мог делать, не мешало бы разузнать. Пошёл туда добровольно или кто-то заманил?

— Понятия не имею. Вообще ничего не знаю. Что там находится, в этом доме?

Матерь Божия, ну и свидетель... От такого получить показания... Нет, уж лучше прямо на галеры.

— В доме ничего нет, а вот рядом по всем признакам находится подозрительное место, связанное с торговлей наркотиками. Он этим интересовался?

— Чем?

— Торговлей наркотиками.

— Не знаю. Да зачем ему наркотики, никогда про них не говорили. Какие там наркотики, зачем ему наркотики?

С минуту я пыталась мобилизовать последнее терпение.

— Возможно, он случайно наткнулся. На том листочке было слово «знание». Может, он что узнал и пошёл проверить. Возможно, Пломбир как-нибудь в курсе, мог ведь с ней поделиться. Вы её спросите, не говорил ли о чем-нибудь подозрительном на Праге.

Мой визави с видимым усилием продирался из тумана.

— Конечно, спрошу, хотя, думаю, она тоже в полном недоумении. Что он мог найти на этой Праге?

Я изо всех сил постаралась сдержать раздражение и подкинула парочку версий. Его могли убить, например, в Ломянках и привезти на Прагу уже мёртвого. Ещё раз напомнила листок с шифром. Следуя по цепочке ассоциаций, нельзя не подозревать некоего Крысу...

Недоумок, к счастью, хоть склерозом не страдал. Листок помнил.

— Ага, я припоминаю, все прояснилось благодаря вам, пани. Сейчас. На Праге?..

И вдруг он замер, неподвижно уставясь на меня. В голове у него, видать, что-то звякнуло. Я терпеливо выжидала. Так прошло минуты две, наконец он очнулся, покачал головой и вздохнул.

— Мне как бы показалось, что об этой Праге я слышал. Пожалуй, нет, ничего не слышал. Разве что краем уха. Ладно, я упрямый. Попробую сориентироваться, осторожненько так.

Из него, безусловно, ничего больше не выжмешь, хоть на куски режь. Я тоже вздохнула и упавшим голосом спросила про автоматы. Может, хоть здесь что-нибудь выяснилось?

— С автоматами... А! Так вот, копаюсь в них и копаюсь, к одному даже схему настоящую получил. Мне кажется, начинаю кое-что понимать, только все так странно, я и себе не верю. Посмотрю ещё раз, откровенно говоря, я из-за моего приятеля такой расстроенный ходил, голова совсем не работала. Будет что новое, так я сразу вас извещу.

* * *

Он позвонил через восемнадцать дней, когда я снова запуталась в клубке своих личных осложнений.

В течение двух недель при солидном, хотя и непреднамеренном участии пани Крысковой мне удалось до основания разрушить отношения с Божидаром, что, понятно, никак не входило в мои планы. Пани Крыскова пригласила меня на чай с кексом собственного изготовления. Оказывается, тот советский бриллиант полностью вывел её из равновесия, хотя общее представление об афере имела уже давно.

— Я вам уже говорила, сижу без денег, — заявила она ожесточённо. — Дочь с зятем строятся в Гоцлавке, зять четыре года вкалывал по контракту, сэкономил, как Гарпагон, но все уже исчерпано. Мои деньги тоже ушли, а

тут мимо носа такой заработок. Я не согласна.

Я поддержала её с энтузиазмом. Мало того, мимо носа, так ещё попадает в когти таинственных проходимцев, которые позорят нашу действительность. По данному пункту взгляды у нас совпадали, и потому я с интересом слушала продолжение.

Пани Крыскова всякие сомнения и угрызения уже пережила. Подтвердила, что бриллианты приходят из Советского Союза довольно регулярно, валютный пересчёт смехотворный и официальная их цена — грошовая; по причинам, коих я не уразумела, камни идут через министерство внешней торговли и через центральное управление попадают иногда и в ювелирные магазины, но в продаже их не сыщешь. Некоторое время задерживаются в подсобных помещениях, после чего их отсылают на переоценку, и там они исчезают с концами. Бывает, камень приобретает «случайный» покупатель, старательно выбранный с согласия руководства, а первому встречному бриллианты показывать, мягко говоря, не рекомендуется. У продавщицы из ювелирного магазина в Аллеях Иерусалимских были большие неприятности, теперь работает на фарфоре — перешла по собственному желанию, и в ювелирный ей путь заказан. Кое-кого из руководства пани Крыскова знает лично, и у неё есть шанс стать такой случайной покупательницей. Загвоздка в следующем: нет ходов в упомянутом министерстве, где существует тайный распределитель и где решается, какие камни в какие магазины отослать. Сроков доставки она тоже не знает.

— Но попробую через центральное управление, — заключила она. — Трудно, а вдруг да удастся. А вы мне нужны, чтобы купить.

Я слушала её с довольно противоречивыми чувствами. С одной стороны, меня ужасно интриговали все эти, с позволения сказать, государственные тайны, о которых не имела и понятия, а с другой, уже представляла разговор с Божидаром. Он решительно отрицал возможность таких ситуаций, не допускал даже мысли о коррумпированности уважаемых государственных мужей. И вот, пожалуйста, у меня будет информация из самого источника!

Пани Крыскова продолжала.

— С вами все в порядке, вы в безопасности. Вас не выбросят с работы, правда? Ничего вам не сделают, ничего у вас не отнимут. У меня положение иное. Понятно, необходимо ваше согласие. Прямо говорю — дело скользкое, тайна абсолютная: вы, я, заведующий, прибылью надо поделиться, не будет же он даром рисковать... Это какая-то мафия, тесно сбитая клика, жадная, гнусная, способная на все. Никто не должен знать,

кто вы, чем занимаетесь, никому ни слова, понимаете?..

Ещё бы не понимать! Основная проблема пани Крысковой — доступ в этот конфиденциальный распределитель в министерстве. Я подумала насчёт Гутюши.

— Десять процентов ваши, — заявила пани Крыскова. — И не протестуйте, иначе я буду чувствовать себя неловко.

Я пообещала хранить секрет и, однако, призадумалась. Моё участие в прибыли могло испортить все дело. Сумма, впрочем, будет небольшая, так что куда ни шло. В конце концов я уступила. Пани Крыскова, в отличие от меня, была настроена весьма решительно, видать, здорово достали её семейные заботы.

Сразу же от неё я позвонила Тадеушу, где находился Гутюша, — вторую половину дня и вечера они проводили вместе из-за проекта. Условилась с ним на площади Трёх Крестов и пообещала подбросить домой.

— Эва ругается, мы с тобой вроде не заметили два мусоропровода, — сообщил он, садясь в машину. — Может, замурованы или что. Пусть едет, сама ищет. А ты чего?

Я тронулась на юг.

— Мне нужна государственная тайна, — начала я без всяких вступлений.

— Из нашего бюро? — удивился Гутюша.

— Какое. В министерстве внешней торговли. У тебя там вроде знакомый есть, сейчас скажу, о чем речь.

Я рассказала весьма приблизительно о пани Крысковой и о нашей затее. Услышав про бриллианты, Гутюша принялся подробно расспрашивать, какой камень я видела сама. Пока я все ему выкладывала, моё умственное затмение как рукой сняло, и навалилась такая слабость, что пришлось сбросить скорость как раз в Аллее Собес кого, где стоянка запрещена. Я съехала в Черноморскую и остановилась где попало.

Расстроилась донельзя. Не из-за Гутюши — он заслуживал полного доверия, а при мысли о том, что я могу натворить по своей рассеянности. Ведь не Гутюша сказал о знакомом из министерства, а Павел, к тому же вовсе не знакомый Павла, а отец его приятеля работал там, и, кроме того, не бриллиантами занимался, а гашишем. Гутюша сроду не упоминал о торговых контактах, а я, поклявшись хранить абсолютную тайну, проинформировала его на этот счёт обширно и всесторонне. Что я ещё могу наболтать, Господи прости, и кому?!..

Я прямо-таки застонала.

— Гутюша! Умоляю, держи язык за зубами, а лучше всего нажрись в стельку и забудь мою чёртову болтовню. Я по ошибке, сдуру выболтала тебе секрет! Гутюша безгранично изумился.

— По ошибке? Как же так?

— Да мне померещилось, что ты знаешь кого-то из министерства, а на самом деле ничего подобного, ты знаком с кем-то из прозекторской, насчёт министерства совсем другой.

— А кто это сказал? — возмутился Гутюша.

— Как кто? Да ты же!

— Я? Впервые слышу. Уж такой туманистый-то я не бываю, чтобы вовсе не понимать своих отчётов.

От такого разговорчика у меня вообще голова кругом поехала.

— Постой, ведь ты говорил, что знаешь одного из анатомички, или я опять перепутала?

— Говорил, почему не сказать, коли и в самом деле знакомец есть.

— А про министерство другой говорил, не ты! Или ты тоже знаешь кого-нибудь из министерства?

— Ясно, знаю, почему не знать?

— Анекдот, Богом клянусь... — потерянно пробормотала я.

Гутюша занервничал.

— А почему это не знать всяких и разных людей! С покойником Брежневым, может, и не был в друзьях, а в министерстве — будьте любезны! И могу все это тебе организовать с детской скоростной смекалкой!

Я было снова застонала, но спохватилась — нечего нюни распускать, тут решаются дела поважнее.

— Что ты можешь организовать?

— Да эти бриллианты! В смысле, что там тебе надо, когда они придут и так далее. Я там знаю и женскую цепочку, ну, и некий дамско-мужской клубок, могу узнать подноготную и подколотную!

При мысли, что хоть один раз меня явно выручил склероз, сразу polegало. Я включила первую скорость и поехала.

— Ладно, порядок. А когда удастся разузнать?..

— Да прямо на днях, мне интересно. Только, слушай, Тадеушу ни гу-гу. Он насчёт денег прядной баран...

Я была того же мнения. Извлекла Гутюшу от Тадеуша не только потому, что мне не хотелось ехать далеко на Грохов, была ещё одна закавыка:

Тадеуша посвящать в бриллиантовую афёру не следовало. Веря в

законность с детским упрямством, он пришёл бы в ужас от нашей затеи, да ещё бы и Гутюшу настроил против.

— И вообще никому ни словечка. Пойми, Гутюша, это опасно. Вникни в этот аспект...

Божидар позвонил на следующий день и вежливо осведомился, хочу ли я его видеть. Этот идиотский вопрос он задавал довольно часто, и меня уже давно подымало рывкнуть: «НЕТ!!!» — и бросить трубку, но я сдерживала характерец и мурлыкала медовым голоском. На этот раз пошло легко, потому как меня окрыляла бриллиантовая авантюра.

Когда он пришёл, я сразу открыла огонь — дипломатических талантов Бог не дал — и с места в карьер проиграла дело. Моральная гнилость правящих бонз ударила по мне рикошетом: Божидар заподозрил, что я распространяюсь насчёт этого исключительно с целью злостной диффамации. Логика во всем этом не было ни на грош, но я уже закусила удила и набросилась на него, ни секунды не думая о последствиях.

— Знаю все про манекен из подвала, знаю, где работал, знаю, что недавно ещё был жив. Абсолютно не понимаю, зачем было сказки сочинять о старой мумии. Зачем было скрывать, как обогащаются слуги народа, перемещая русские бриллианты от нас на Mexico-plac. На кой черт надо было меня убеждать, мол, все это ложь и так далее?!

Лучшего способа поджечь ситуацию я просто не могла придумать. О налаживании отношений и мечтать не приходилось: разоблачения Божидар не прощал. И снова я ничего не успела сказать про недоумка — мы расстались, оборвав дискуссию на уголовном кодексе: оказывается, я напрасно не читала его и не затвердила наизусть — таков был его вердикт. Я изо всех сил захлопнула за ним дверь, глубоко убеждённая, что он спятил, обиженная, злая, бунтующая. С какими чувствами удалился Божидар, не имела понятия, и в тот момент меня это вовсе не интересовало.

На волне буйного амока я полетела к Тадеушу, ибо разузнать все вопреки Божидару стало основной потребностью моей души. Я надеялась, какой-нибудь наш недосмотр при обмерах загонит меня на объект и позволит сделать новое сногшибательное открытие. Но, увы, мы выполнили обследование до омерзения тщательно.

— Меня удивляет твоё отношение к результатам собственной работы, — заметил Тадеуш. — Но я все же не забыл из-за своего прострела, что мы так и не обмыли окончание работ. Бутылка вина ждёт своего часа, наворачстаем упущенное. Обед, может, и не столь уж торжественный, а вино неплохое. Может, несколько утетишься?

На обед меня уже успела пригласить Эва. Она принесла из кухоньки

скатерть и прогнала Тадеуша от чертёжной доски.

— А как же Гутюша? — спохватилась я. — Не обидим же его!

— Если Гутюша не появится в момент откупоривания бутылки... — заговорила Эва, но её прервал звонок в дверь. — Вот и он!..

И в самом деле, он. Бросил Тадеушу на стол рулон с планами и проектами с покраской и принялся.

— Обед? — осведомился он с робкой надеждой.

— Холера, я тут кухаркой или ассистентом проектировщика? — с обидой спросила Эва и пошла за тарелками.

Гутюша уплетал обед, обсуждая с Тадеушем проект, игнорируя меня в принципе. Не иначе хитрит — приберёт для меня интересные сведения. Я собралась реагировать соответственно, однако Тадеуш смешал все карты.

— Гутюша, учти, она собирается продолжить обмеры, — предостерёг он. — Артачится, рвётся туда с подозрительной целью.

Гутюша едва не поперхнулся, выпил вина и повернулся ко мне.

— Не пущу!

Я тут же взорвалась.

— А что? Почему бы не пойти? Ишь придумали — не ходи, не смотри, не разговаривай, не проверяй! Удар меня хватит из-за ваших кретинских тайн!

— Вовсе не мои! — возмутился Гутюша.

— А чьи?! И вообще, что за порядки такие?!

— И мы говорим, — вмешалась Эва. — Она сумасшедшая и всегда суёт нос куда не следует.

Гутюша тем временем напихал себе полон рот салата, и сметана попала в нос. Пока он пребывал в вынужденной немоте, я отчеканила своё кредо. Эва постучала пальцем по лбу.

— Куда ты лезешь, это же стая волков! Твой Дарий не может на тебя цыкиуть?

— Пытался. Бесполезно. Я ему больше не верю, и вообще хватит!

Напоминание о Божидаре, как всегда, взбаламутило меня, и я только потом услышала Гутюшу, который снова обрёл дар речи.

— ..от такого одного. Точно никто не знает, а вообще все соответствует. Завели себе склад наркотиков, глядишь, и лабораторию, так на фиг тебе это? Случись что, на обед тебя не скоро дозовешься.

— Не трави меня, — гаркнула я злобно. — А про наркотики я информирована давно. Хочу найти логово. Хочу знать, как до них добраться!

— За покупками? — ядовито осведомилась Эва.

— Как добратся, ты уже знаешь, — слово в слово вторил Гутюша. — Через двери с трупом, закрытые они были.

В моей неугасающей ярости уже ощущалось ослиное упрямство: пойду, ворвусь, не позволю себя убить, найду инструмент для защиты и выложу ему все, что открою и разузнаю.

— Мне пора, пошли вместе, — оторвал меня Гутюша от революционных размышлений. — Едешь в ту же сторону, меня заодно подбросишь. А вообще-то я спешу.

Сказал он это с таким напором, что до меня наконец дошло. Я оставила на время в покое дверь за трупом, притон, Божидара, и мы ушли.

— Я вовсе не спешу, это тебе спешить надо, — сказал Гутюша уже на четвёртом этаже. — Я звонил, да не застал, хорошо, здесь тебя перехватил. Знаю про бриллианты, дело срочное.

— Ну, говори же!

— погоди. Внизу. Тут, может, какое ухо в замочной скважине...

Стиснув зубы, я переждала все оставшиеся этажи.

— Аккурат вчера пришли, — сообщил мне Гутюша, выходя на свежий воздух. — Я видел этот потайной распределитель, одно место хорошо помню: ювелирный магазин на Груецкой, два камня туда отправят. Завтра с утра или даже сегодня. Никто не сказал, я сам хитростью подсмотрел, а тот, кого знаю, наказал мне полный молчок, чтоб нигде ни звука. Он так переполошился, говорю тебе, как перепёлка, но я ему ничего не обещал. Махинации подлые налицо. Потому подвалы пока оставь да остерегайся, чтоб тебя кто не раскамуфлировал.

Я раскритиковала его разведданные. — Один адрес — без толку. Надо было запомнить побольше, а лучше все. Откуда мне знать, где та моя знакомая имеет связи, а где нет!

— Ладно, скажу ещё, но голову на отсечение не дам. Один камень у того, на Аллеях Иерусалимских, а другой на площади Унии. Мельком видел, не ручаюсь. А Груецкую гарантирую.

Я успела перехватить пани Крыскову ещё днём, передала ей сведения и условилась про телефонный звонок. Это усадило меня дома и позволило снова поссориться с Божидаром, который пришёл, явно ожидая раскаяния и просьб о прощении. Поскольку того же я ждала от него, сумбур в моей голове только увеличился. Что-то у меня отчаянно не ладится...

Естественно, именно этот момент выбрал недоумок. По телефону услышала приглушённый голос, искажённый страхом.

— Я все понял. Это просто невероятно. С автоматами и на Праге черт-те что. Поверить не могу. Сейчас ничего не скажу, встретимся где всегда,

лучше сегодня...

Положил трубку, прежде чем я успела ответить. Мы обычно встречались в шесть, и я решила, что это установлено раз и навсегда. Позвонила пани Крысковой, предупредила о своём уходе, в результате опоздала на десять минут.

Вошла в «Мозаику». Посетителей в кафе было мало, и я издалека увидела недоумка, он сидел в углу, прислонившись к стене, и, опустив голову на грудь, рассматривал ножки соседнего столика. Задумался так глубоко, что и мигать перестал. Я подошла. Никакого движения: не встал, не поздоровался. Удивлённая, я села напротив, намереваясь окликнуть его, и вспомнила, что не знаю даже, как его зовут. Обратиться просто: «пан Юзеф» или «пан Стефан» — ведь на знакомый голос реагируют сразу — не могу, а орать «Эй, пан!» как-то глупо. Ну, ничего не поделаешь...

— Эй, послушайте, пан! — Я старалась говорить спокойно и внятно. — Очнитесь!

Ноль внимания. Вгляделась в него и., замолчала. Довольно долго просидела напротив, не шевелясь, ни слова не говоря, потом встала, наклонилась и потрясла его за плечо. Все ещё не доверяя себе...

Он держался в углу достаточно крепко, потому и не упал со стула. Чуть наклонился, но продолжал сидеть, вглядываясь теперь в экран калорифера. Дрожащей рукой я достала из сумки пудреницу. Протёрла зеркальце и неловко приложила к его губам.

Ни следа дыхания. Мёртв. Абсолютно, основательно и всецело...

Мелькнула бредовая мысль: а вдруг он так, мёртвый, и пришёл со мной встретиться? На мгновение представилось, как едет трамваем с таким же выражением лица, с таким же взглядом и в той же позиции. Потом голова у меня заработала, но зигзагами и скачками.

Я осмотрелась. Столики рядом были свободны, никто нас не замечал. Паники, конечно, устраивать не стоит. Что же делать?.. Бежать. Смыться отсюда поскорее. Он собирался сообщить мне важную тайну и умер несколько минут назад... Придёт же в голову такая чушь — ясно, приехал сюда не мёртвый, и никто его не принёс.

Вошёл живой, когда?.. Сколько здесь просидел и вообще отчего умер?! Сердце?.. Господи Боже, вот кретинка, может, его ещё можно спасти?!..

Поначалу я двинулась на ватных ногах, потом быстрее, но не бегом. Едва сама не свалилась трупом, когда кто-то схватил меня за руку.

— Привет, — сказал Гутюша. — Ну и дела — смотришь на меня, а ничего не видишь. Я что, с другой фотографии, или с тобой неладно?

Я взяла себя в руки усилием поистине сверхъестественным.

— Погоди, Гутюша, надо позвонить. Сейчас вернусь.

Нашла заведующего кафе. Телефон в раздевалке меня не устраивал — вдруг одолел страх. Директор тоже не жаждал рекламы и повёл меня к себе.

Позвонила в «Скорую», причём назвалась Софьей Ковальской с Маршалковской, восемь, квартира четырнадцать. Скрыла своё имя как-то не задумываясь, неожиданно. Директор слушал, побледнев, и не обратил внимания, что на Маршалковской, восемь находится театр. Мы вместе вошли в зал, я остановилась около Гутюши и показала пальцем.

— Вон там, в углу...

Заведующий спокойным шагом направился к роковому столику. Гутюша поднялся.

— Что такое? Сначала влетел сюда какой-то, пошептался с тем мужиком в углу и умчался. Потом ты, пошептала с ним и тоже летишь. Кто он такой? Справочное бюро или пульт управления?

Взвинченная, я в момент поняла Гутюшу и молниеносно сделала вывод.

— Ухожу. Ты тоже. Заплати и бегом! Жду тебя в машине.

— Да я вроде заплатил и уже намылился, — ответил Гутюша и вышел вместе со мной.

Отъехали мы недалеко, я остановилась в конце Дворковой. Повернулась к Гутюше.

— Теперь расскажи все ещё раз, подробно.

— Что рассказать?

— Про кафе. Сначала: когда пришёл тот, в углу?

— Без пятнадцати шесть. Я смотрел на часы, потому как условился с одним тут, да он не соизволил явиться.

— Хорошо. Дальше. Когда пришёл тот, который с ним шептался, и как все происходило?

— Как происходило? Да обыкновенно происходило. Без пяти шесть забежал, я смотрел на часы. Сел рядом с тем, в углу.

— И что?

— И ничего. Посидел, потом встал, сказал ему что-то на ухо и ушёл. Потом заявила ты, в шесть десять, опять я смотрел на часы...

— Стой. А тот, в углу? Другой ушёл, а тот?

— Ничего. Сидел себе. А что?..

— Сейчас. Как выглядел другой? Ты бы его узнал?

Гутюша вдруг разнервничался.

— Кончай канитель! Давай кошку из лукошка, иначе я в кусты. О чем речь бежит?

— Он умер, понимаешь? Пришёл ведь живой, так? Гутюша был ошарашен.

— Кто умер?

— Тот, в углу.

— Который там сидел?

— Ну да.

— Как это умер, если сидел?

— Ну так что? В подвале даже стоял!

— Господи, — пробормотал Гутюша, глядя недоумевающе на меня.

Я начала размышлять вслух.

— Пришёл живой. К нему подсел на минутку некто. И потом оказалось, живой помер. На мой взгляд, помер бесповоротно, никакой надежды. Или сам, или помог кто-то. Не знаю как, ножом вроде бы не пырнул, следов нету. Не пырлял?

Гутюша думал на свой манер.

— Слушай, а тебе не показалось, может, он был умирающий труп? Тот ему что-нибудь ляпнул, и этот совсем скопытился...

— Я спрашиваю: ножом не пырлял? Ты ведь все время смотрел на них?

— Ну смотрел, не пырлял. Подержал его маленько за ухо, когда шептал, и ушёл себе. И что все это значит?

— Значит — буза страшная и сплошной ужас. У тебя знакомый в прозекторской, как хочешь, но разузнай, отчего он умер. Ведь он мне звонил, и мы условились здесь. Собирался мне рассказать...

Я замолчала. Ситуация вдруг прояснилась вполне отчётливо. Ведь я с ним договорилась о встрече, выходит, я и убила недоумка. Солгала: зовут меня, дескать, Софья Ковальская, насчёт звонка не отпереться, директор слышал. Сразу после звонка исчезла поспешненько; дура набитая, да разве мало убийц-дураков? С другой стороны, убил его точно тот, шепталычик. Кто-то подслушал, как он со мной условился — ведь открыто сказал, что во всем разобрался и мне расскажет. Враг примчался и убил его до моего приезда. Недоумок ничего не успел передать, кабы успел, так и меня, возможно, кокнули бы...

Да, но ведь они толком не представляют, что именно он мне рассказал раньше, понятия не имеют, что именно мне известно! А ну им придёт в голову обезопасить себя на всякий случай! Как ни глянь, везде клин: для властей — преступница, для мерзавцев этих — головная боль. А теперь ещё сию и болтаю с Гутюшей — вот чума-то, и следующим будет Гутюша...

— Я теперь сию на бобах, погорел, значит, — вздохнул Гутюша, он,

видно, размышлял в том же направлении. — Ты уж рассказывай, какой гвоздь, а то у меня чердак съехал набок. Я так и чуял, плохо дело, сразу, как мумец засмердел...

Я рассказала все, исповедуясь перед будущей жертвой. Коротко, но все. Наркотики, Прага, автоматы, приятель недоумка, серия исчезновений, наконец, и сам недоумок, и моя собственная глупая выходка. Гутюша слушал внимательно, потом заключил:

— Ну, пропал обед. У него носки рёбрышками.

В первый момент я испугалась, не свихнулся ли из-за всех этих передраг.

— У кого?

— У того шепталычика. Остальное все обычное, только носки больно шикарные.

Мне удалось кое-как отделить рёбрышки от пропажи обеда.

Носки, по-видимому, были в полоску. Гутюша, судя по всему, заблудился между зеброй и рёбрами.

— Цветные?

— Ясное дело. Красные и голубые.

У нас за спиной взревела сирена «скорой». Я посмотрела на часы: семь минут. Специально на мокрую работу надел такие носки — отлично бросались в глаза, отвлекая внимание от остального.

Снять их — одна минута, и Гутюша его не узнает. Интересно, заберёт ли недоумка «скорая»... Если заберут, значит, ещё жив и постараются спасти, если оставят — конец, «скорая» мёртвых не возит. Надо проверить...

Гутюша что-то говорил, но я не слышала, развернулась и выехала на Пулавскую. Мне удалось прорваться в противоположную сторону и припарковаться на проходной части прямо перед Олесинской. Стоящую около «Мозаики» машину было видно прекрасно. Гутюша последовал моему примеру и размышлял вслух, обсуждал кандидатуры возможных шепталычиков. Он желал снять с себя всякие подозрения и тем самым снимал их с меня. Очень даже похвально.

Медики вышли из кафе, сели в машину, недоумка не вынесли. Значит, все...

— Ну, я пошёл, — сказал Гутюша. — Это, как его, такими колечками, цепляются друг за друга и звенят...

— Цепь.

— Вот именно. Здесь ждать нечего, я хочу поймать тут одного, пускай поглядит, где пса с цепи раскапывают. Если что надыбаю, сообщу.

Я согласилась. Сама тоже отправилась домой. Шутки кончились, необходимо серьёзно поразмышлять...

Разного рода маний и заскоков касательно прослушивания телефона у меня не наблюдалось, но был период, когда со связью и вправду творилось нечто фантастическое. Набрав наполовину номер, я вклинивалась в чужой разговор, однажды дала какой-то пани медицинский совет, случалось, подняв трубку, соединялась с кем-нибудь намертво, в мои разговоры врывается кто-то посторонний, сумасшедший дом, одним словом!

Я почти привыкла к этому: с минуту могла слушать чужой разговор исключительно из любопытства, сколь долго люди могут трепаться. Благодаря телефону однажды узнала, где можно купить импортные перчатки, чешские, с длинным манжетом, в другой раз поняла, каким способом сопровождающий спёр половину перевозимой арматуры для ванной, а как-то раз услышала нечто, оставшееся в моей памяти навеки.

— ..могильщику из-под лопаты, — сказал какой-то тип.

— Думаешь?.. — сомневался второй.

— Не будь кретином.

— Вот именно, мне тоже так показалось, хотя, по видимости, случайность...

— Какая там случайность, кокнут тебя, идиот, с твоим холерным рвением, тоже мне законник нашёлся! Да отвали ты от этого, откажись!

— И что, дать письменный отказ? Сидеть на заднице и ждать, что им в башку стрельнет?

Оба голоса занервничали. Я слушала не переводя дыхания.

— Ты усвой, — предостерегал первый. — Это не наш старик решает, а выше. На него тоже давят. Откуда звонишь?

— Из будки.

— Ладно, тогда чисто. Тебе просто подфартило. Уверю тебя. Открестись от этого дела, и конец. Переведись, сиди тихо, а после уйди из фирмы по здоровью и займись чем другим. Я диву даюсь, что ты ещё в живых ходишь!

— Благодаря кошке. Пожалел я кошку... С трубкой, прижатой к уху, я застыла как гранитный памятник самой себе. Дышать вообще перестала. К этому второму тотчас же почувствовала живейшую симпатию: исключительно красивый голос, к тому же ещё любит кошек. Честный тип. В самом разговоре ощущалась какая-то особая атмосфера, притягательные интонации, манящая, жутко интригующая неопределённость. Почему-то я была глубоко уверена: беседуют не преступные элементы, а так называемые законопослушные граждане, и таинственная угроза второму

есть результат служебных пертурбаций, а не страшная месть и преследование. Про сопровождающего с арматурой я уже давно слышала, и он как-то невольно связался у меня с тем, что звучало в трубке теперь: этот, с кошками, старается противостоять махинаторам и начальству его сопротивление не по нутру. Приятель ему талдычит, как мужик корове на меже...

— У меня улики, целый ворох, не придерёшься! — мрачно сообщил тот, с кошками.

— Все побросай в болотце, — посоветовал приятель. — Они в курсе насчёт улики?

— Черт их разберёт. Возможно, догадываются.

— Так вот, слушай: я похорон не люблю. Брось ты все это! Где они у тебя, эти улики?

— Не дома же. Ладно, ты прав, убедил, я отваливаю.

— Послушай-ка! Передай все Рысеку. То есть передай, что надо, только так, вроде это и все, а больше ничего нету. Сечёшь?

— Может, и в самом деле в последнее время одурел, да не до такой же степени. Итак, дальше мы с тобой не знакомы?

— Через пару лет познакомимся. Когда будешь вкалывать в кооперативе «Паяц» или ещё где. Или когда и я полечу.

— Нет, тебе не стоит. Постарайся остаться.

— Да уж как выдержу. Не поверишь, но у меня тоже много кое-чего в печёнках сидит. Долго говорим, привет.

— Привет. Бог тебе в помощь...

Они разъединились, и я наконец задышала свободно. Запомнила каждое слово, поскольку каждое слово рождало живые картинки. Передо мной вовсе не стоял мой книжный шкаф, а бежала вереница образов: могильщик с лопатой, какая-то государственная бумага, телефонная будка, кошка, болотце, похоронная процессия под дождём на кладбище, таинственная улика в виде ножа, пачки фотографий большого формата, масса документов в картонной папке и, наконец, отвратительный паяц в клетку. Моя память, как правило, удерживала навсегда подобную серию картинок.

И как раз теперь услужливая память подкинула кое-что из своего запаса. Я неожиданно поняла весь смысл и словно бы сделалась свидетелем продолжения. Кто-то что-то расследовал, настаивал, добивался своего: Павел, приятель недоумка, сам недоумок... Вдруг от страха за Павла сдавило горло. Он тоже говорил со мной по телефону, а ведь подслушали же недоумка. Кто стоял у него за спиной или попросту держал

параллельную трубку?

Вдруг очередь за мной, ведь так или иначе я вляпалась в эту историю! И я применила единственный метод, который мог дать результат: извлекла большой лист в клеточку и принялась рассуждать на бумаге.

Определённо и ясно обозначилось место действия. Все сходилось на Праге: логово перенесли на Прагу, мальчик пропал на Праге, хиппи тоже, недоумок узнал нечто конкретное о махинациях на Праге и тут же был убит. Даже Божидарова ложь касалась подвалов на Праге...

Возможно, я бы трижды подумала, лезть или не лезть в заваруху, если бы не вспомнила о Божидаре. Неприятностей вообще-то и так предостаточно: недоумок на моей совести, терзаюсь из-за Павла, опасаясь за Гутюшу, неужели ещё и столь желанную связь придётся порвать. Словом, с ума я спрыгнула окончательно, а бунтарское, агрессивное, ослиное упрямство подгоняло вопреки всем доводам разума: назло что-нибудь да разузнаю!

Через пятнадцать минут была уже на Праге.

Остатки благоразумия, видимо, ещё сохранила — машину оставила довольно далеко и во двор пробралась пешком с задов. Было ещё светло, сумерки едва надвигались. Проходя в глубь двора, я подумала, что следовало бы захватить рулетку. Какую-нибудь, хоть маленькую, двухметровую — у меня была такая дома — или хоть обычный сантиметр. Черт знает зачем я сюда приехала, а так могла сделать вид, проверяю, мол, обмеры — мы, кстати говоря, забыли о высоте двух ступеней при входе. Но увы, поздно спохватилась.

А вдруг?..

Я прошла четыре шага, размышляя о маленькой рулетке и портновских сантиметрах. Все это валялось где-то дома, правда, рулетка давно не попадалась, хотя всегда лежала в углу на полочке; а как я измеряла ширину полки в магазине, не на глазок же? В сумочке не наводила порядок целые века. На пятом шагу я оказалась как раз около щебневого развала, шестого не сделала. Присела на корточки, поставила сумку на обломок бетона и начала выгребать содержимое.

В косметичке нашла маленькую рулетку и вздохнула с облегчением. Пустячная эта находка здорово повысила моё настроение и чуток утихомирила тайфун в душе и хаос в мыслях. Я отложила рулетку и весь вываленный хлам начала впихивать обратно в сумочку.

В процессе запихивания меня потянуло закурить. Я не особо сосредоточилась на своём занятии, взгляд рассеянно блуждал по развалу. Бог знает, что я намеревалась увидеть. Если и в самом деле там хранилась

какая-то тайна, тайна ведь не имела права вылезать на поверхность, а смотровые щели не входили в расчёт укрывателей. И все-таки я принялась внимательней рассматривать груды щебня и мусора, вяло собирая упавшие с бетонного обломка вещи.

Здесь была настоящая свалка старого хлама. Тут торчала часть оконной рамы с покорёженными петлями, из щебня вылезло дырявое днище какого-то котла. В раскопанной детьми яме высилась труба от буржуйки, с коленом. Дальше высовывалась ванна, заваленная щебнем намертво, — виднелась только часть со стоком, вверх ножками, а на стоке удержался кусок трубы.

Я вдруг насторожилась. На четвереньках перелезла к трубе от буржуйки, приложила ладонь к отверстию, вспомнила разбросанное своё барахло, вернулась, проверила, все ли собрала, и снова полезла к трубе. Что-то она мне напоминала. Заглянуть в неё было невозможно, мешала темнота, мешало колено. К тому же снизу она могла быть согнута таким зетом...

Присев рядом на корточки, я разрешала проблему отдушин и вытяжек и так увлеклась этой вентиляцией, что совершенно забыла, где нахожусь. Собралась было ощупать ванну, потому что кусок трубы на стоке держался непонятным образом...

Однако даже не пошевелилась. Замерла на четвереньках, уже и шея затекла, голову не повернёшь.

За мной что-то стояло. Я ощущала это до ужаса явственно. Мелькнула мысль, что безотносительно к дальнейшим событиям у меня есть шанс остаться тут навсегда. Все проще простого — рухну мёртвой и останусь около этой трубы с коленом до Страшного суда. В лучшем случае мой труп уберут из гигиенических соображений...

Что-то стояло за моей спиной и дышало. Немного сопело, может, насморком мучилось. Только через какое-то время уловила, что посапывают прямо за спиной и, верно, «оно» совсем невысокое — собака, например. Медленно, с усилием, от которого заболела шея, я обернулась.

За мной стояла девочка лет шести и сосредоточенно меня разглядывала, хоть и без особого интереса. Напряжение отпустило меня так внезапно, что я сменила позицию: проще говоря, плюхнулась на землю. Произнести хоть одно слово я была неспособна.

— Фуфко тут фастал, — сказала девочка. Во мне все дрогнуло: Фуфко фастал, Боже милостивый, что это она говорит?.. Может, я не расслышала?..

— Дыла была, — конфиденциально сообщила девочка. — Пан фпал.

Слабость ещё не прошла, но вроде я начала что-то понимать. Девочка, очевидно, была не прочь поболтать, и моё молчание её отнюдь не смущало.

— Че тут делаеф? — осведомилась она недовольно. — Дылы уф нету.

Так. Была дыра, её уже нет. Минутку. Пан спал?.. Очередное героическое усилие — и мой голос наконец, прорезался — чужой, несколько хриплый.

— Тут все рухнуло? — спросила я, показывая рукой.

Девочка швыркнула носом и кивнула.

— Ба-бах, — сообщила она с явным удовольствием.

Видимо, она не выговаривала и "р" и по-своему изобразила обвал. Я совсем успокоилась и продолжила расспросы.

— И получилась дыра? Видно было пана? И он спал? На постели?

Девочка на каждый вопрос согласно кивала, на последний мотнула головой.

— На фтоле.

— Пан спал на столе? Снова кивнула и добавила:

— Он был гляфный. Фу. Мелфость.

— Ты его видела?

Она покачала головой с явным сожалением.

— Откуда ты знаешь, что спал на столе и был грязный?

— Фуфко говолил. Мне.

Она постучала пальцем в грудь, очень гордая таким событием. Фуфко ей говорил... Иисус-Мария, Сушко!..

Я чуть не задохнулась от волнения. Не девочка, а просто кладёз драгоценных сведений, только вот как с ней договориться?! Она, по всей видимости, медлительная и чуть запаздывала в развитии, но память у неё работала...

— Он только тебе говорил? — заволновалась я.

Девочка вполне оценила произведённый эффект: да, ей одной он сказал. Тайна не давала ей покоя, меня же, вероятно, признала достойной доверия — значит, я вела себя правильно. Несколько раз она кивнула резко и энергично.

— Только мне.

— А другим детям? Другие дети знали?

— Нет.

— Понимаю. Только ты. А что он ещё сказал? Что видел?

— Длугой пан, — она показала два пальца. — Такие длугие паны. Мафали его гляфью.

Она несколько раз медленно махнула рукой, подражая жесту

красильщика. Волнение обострило мою восприимчивость. Перед глазами возникла картина: мужчина на столе, двое других намазывают его чем-то грязным. Господи...

Расспрашивать девочку следовало мягко и спокойно. Излишняя настойчивость могла её спугнуть.

— И что он ещё видел?

Девочка не особо задумывалась. Услышанное от другого ребёнка явно заинтересовало её, хотелось высказаться.

— Фаблали пана. И делали магафин. Я перевела. Забрали пана и делали магазин. Почему магазин?..

— Как делали магазин?

— Паки. Больфые. Малые. Вефали. Паковали.

Говорила она плохо, но показывала превосходно. Я больше поняла из жестов, чем из слов.

Были у них большие пачки, доставали что-то, взвешивали, делали маленькие пакетики...

— Мука, — добавила девочка. — Фоль. Мука и соль — белый порошок. Минутку, почему это белый, конопля вроде бы темно-коричневая... Про марихуану не знаю, а вот кокаин и героин белые. Героин в больших пачках?.. Бессмыслица! Может, конопля после обработки тоже белая?..

— Много всякого, — продолжала она. — Много. Иглуфки. Огоньки — миг-миг.

Не знаю, все ли я разгадала бы, не хлопай девочка так энергично глазами. Огоньки мигали, понятно. Труп намазывали воском, наркотики развешивали и упаковывали, какие-то предметы с мигающими огоньками. Боже милосердный, неужели мальчик видел все это за один раз?!..

— И все это было сразу? — спросила я торопливо, с жадным любопытством, потому что девочке это явно нравилось. Она сообщала важные сведения, и к ней относились серьёзно.

Она покачала головой.

— Пан был лаф. Фаблали, и был магафин. А иглуфки фавтла. По-о-о-о-том. По-о-о-о-том.

Я поняла. Мальчик заглядывал минимум дважды, а может, и больше. Один раз видел труп и возню с наркотиками, потом какие-то игрушки и мигающие огоньки. Черт знает, что это такое — может, лампочки для ёлки на экспорт, к тому же нашпигованные героином...

— А потом? Он ещё что-нибудь видел? Девочка с большим сожалением швырнула носом и покачала головой.

— Фаблали его. Наклицали. Дыла бух. И нету.

— И что с ним случилось? Где он, этот Сушко?

— Фаблали.

— Кто забрал? Те, что накричали? Она снова повертела головой и явно смутилась. Ничего не собиралась скрывать, напротив, хотела со мной поделиться всем, что знала и пережила, но не умела передать. Жесты на этот раз не помогли.

— Длугие. А те ифкали.

Необходимость переводить её слова, подставляя звуки, которые она не выговаривала, меня чуть не добила. На мгновение передо мной возник образ фукающих со злости хмырей. Ничего подобного, хмыри не фукали, они искали мальчика. Искали те, что кричали на него, а забрал кто-то другой. Кто это мог быть, черт побери?..

— Мама его взяла? — спросила я наудачу. — Может быть, его мама?

Девочка отрицательно покачала головой.

— А кто же? Кто-то другой?

— Такие. Такой пан. И пани, — оживилась она несколько. — Игляли плятки. И пофли.

Какие-то люди забрали мальчика якобы поиграть в прятки. Я чуть не целую минуту расшифровывала высказывание — фуканье сбивало меня с толку. Фигурировала какая-то баба, может специально нанятая, чтобы вызвать доверие у ребёнка...

— Нафы, — добавила девочка погодя.

— Что наши?

— Пан. И пани. Они были много.

— Знакомые? Кивок согласия.

— Понимаю. Пан и пани были тут много раз?

Снова согласие.

— Понимаю. Забрали Сушко и пошли. А после? Опять пришли?

— Не. Велели так. — Она приложила палец к губам.

Это ясно: люди, забравшие мальчика, велели молчать.

— И больше не пришли? Ты их не видела?

— Нет.

Я замолчала, обдумывая, как выведать у девочки подробности насчёт пана и пани. Возможно, она слышала фамилию или имя на худой конец...

— Делай дылу, — предложила девочка. — Я тофе фагляну.

Я, признаться, смутилась, сообразив наконец, что торчу с ребёнком на идеально стремном месте. Ещё не хватает, чтобы меня кто-нибудь застукал здесь и понял, о чем у нас речь: а уж разгребать кучу и тянуть трубу от

печки — тут я все свои рекорды глупости побила бы. Девочка смотрела на меня с надеждой.

— Нет, — сказала я с сожалением и встала. — Нельзя сделать дыру — уже все забили. Пойдём в другое место и ещё поговорим с тобой. Не знаешь ли ты, как звали того пана или пани, которые забрали Сушко?

Девочка пошла за мной довольно охотно, только очень медленно.

— Кафа, — сказала она. — Пани Кафа.

Кафа... Святые господни, что бы это могло быть?.. Каша? Постой-ка, похоже, Кася?..

— Кася? — попробовала я, оглянувшись на неё.

Девочка без колебаний кивнула. Мальчика забрала некая Кася. Немного, но кое-что все же..

— Клафивая, — объяснила девочка мечтательно. — Клафивая!

Сведения о пани Касе расширились: красивая и даже очень. Я собиралась сесть где-нибудь в сторонке и выпросить хоть какие-нибудь подробности, но ничего не получилось. Из барака выбежала няня, не пани Ната, какая-то другая, незнакомая. Она сразу увидела девочку, которая тянула меня за руку, назад — видимо, ей было трудно поспевать за мной.

— Мартуся!

Я остановилась, девочка тоже. Няня подбежала к нам и схватилась за волнующуюся объёмистую грудь.

— Ты плохая девочка, где ты все пропадаешь? Что вы тут сумерничаете с ребёнком? Ей спать давно пора!

— Все в порядке! — миролюбиво объяснила я. — Мы разговаривали, но мне, к сожалению, трудно разобрать её слова. Вы-то её понимаете?

Она взяла девочку за руку и взглянула на меня подозрительно.

— Я-то привыкла. Вижу, нету её, испугалась. А вы что тут?..

— Да ничего. Я от проектировщика. Мы делали здесь обмеры и забыли про лестницу, вот я и приехала обмерить. А эта девчушка мне попалась по дороге — что-то очень ласково шепелявила, хоть я почти ничего не поняла. Мне тоже показалось, время позднее, и я повела её в барак, а после уж решила сделать обмеры — только-только успела найти рулетку...

Объяснения я давала простодушные и многословные, ведь известно, каков бывает результат, когда напускаешь таинственность. Всякая болтовня усыпляет внимание, и, напротив, запинки да паузы возбуждают подозрения. Ну и пожалуйста, о лестничке и обмерах могу до бесконечности.

Дурацкий трёп успокоил няньку, и она перестала мной интересоваться. Мягко побранила девочку, вздохнула с явным облегчением, и обе исчезли в

бараке. Я тщательнейшим образом обмеряла лестницу и ушла с этого кошмарного двора, стараясь не оборачиваться...

Лист бумаги в клеточку, исписанный моими наблюдениями, все время лежал на столе. После всех происшествий я перечитывала внимательно заметки, и тут-то забрело мне в голову принципиально важное соображение. Почему это никто не цепляется ни ко мне, ни к Гутюше? Два преступления, в обоих случаях мы видели трупы, да нас же просто необходимо отправить на почётное место главных свидетелей, а тут — ничего. Ерунда какая-то! Не нашли нас? Тогда какое, к черту, следствие? «Скорую» я вызвала, правда, под именем Софьи Ковальской, но это же примитивно! Я сразу же села в машину перед самым входом в кафе, номер был чёткий, незапачканный и незакрашенный, плёвое дело меня разыскать. Что это? Головоотяпство, бездарность, непонятная и пугающая?

Мысль о добровольной помощи следствию на сей раз не возникла даже на далёком горизонте. Напротив, мне надлежало добровольно и старательно притаиться. Я ещё не настолько спятила, чтобы каким бы то ни было властям пересказывать открытия погибшего недоумка...

Удивляться-то я удивлялась, но это ни в малейшей степени не удерживало меня. Скорее подстёгивало, ибо дьявольский притон я возжелала найти всенепременно. И проблема, собственно, не в наркотиках, наркотики — дело обыкновенное.

Нет, меня куда больше занимало услышанное от недоумка и от девочки. Один воскликнул, в голове, мол, не укладывается, а наркотики — не такое уж диво, укладывались вполне, а другая добавила про огоньки. И к этой тайне я устремила на всех парах, вернее, с силой смерча, глухая и слепая ко всему прочему — ведь, надо полагать, я просто лопну, если не совершу какого-нибудь идиотизма. Пани Крыскова подождёт — после закрытия магазинов наверняка ей не понадобится.

Чёрный парик с роскошными локонами я позаимствовала у Зоей.

Бросив взгляд на своё отражение в витрине, я прямо-таки обомлела. Там отражалось нечто сногшибательное. Старые сабо на мощных котурнах прибавили росту, оранжевый плащ в виде халата, больше на два размера, много лет назад купленный по необходимости — других не было, надетый на костюм, превратил меня в толстенную бабищу, а большой, чёрный, колтуном сбитый парик достойно венчал сие одеяние.

Очень даже возможно, что такой маскарад спас мне жизнь.

Многочисленные отмычки у меня сохранились с давних пор, когда работала на строительствах. По очереди отделанные помещения запирались, ключи терялись немедленно, и персоналу приходилось

пользоваться «соловьями». Место работы давно ушло в прошлое, а отмычки остались.

Без особого труда я справилась с той закрытой подвальной дверью, что вела в помещение, расположенное за восковым мертвецом. Ощупала притолоку, включила свет: довольно длинный, обычный подвальный коридор с рядами дверей по обе стороны. Я на цыпочках прошла до конца коридора, внимательно осматривая двери, потому как больше осматривать было нечего. Двери были разные: ажурные из рейки, плотные из досок, одни открытые, внутри — всяческий хлам, другие — солидно укреплённые, с засовами, замками и затворами из толстых полос железа. Я поколебалась, не вломиться ли во все по очереди — хотя нет, слишком большая возня, лучше сперва просто осмотреть.

В конце коридора я так же легко открыла следующую дверь — да, отмычки у меня отменные. Нечто вроде прихожей, снова двери... Дверей пять во всех четырех стенах выглядели абсолютно одинаково.

Три двери поддались, две никак. Из первых трех одна вела в коридор — в глубь очередного дома, аналогичного тому, через который я пришла; вторая была от каморки, забитой щётками, вёдрами, стремянками и разной ветошью, а третья выходила на лестничную клетку, ведущую наверх. Захламлённую каморку я миновала сразу, а для дальнейшего изучения избрала коридор. Направление вроде то самое, куда я раньше не сумела добраться.

Я медленно двинулась по коридору, как вдруг где-то за спиной прозвучало нечто вполне обыденное, но для меня более страшное, чем взрыв бомбы. Кто-то что-то открывал, звякнул замок, стукнул засов. Меня бросило в жар, на мгновение я замерла: длинный коридор, вроде бы плохо освещённый, но меня в нем видно, спрятаться некуда, ни одну дверь не успею открыть. Господи помоги!..

Я остановилась пень пнём, повернув голову и рассматривая прихожую. Там появился некто, самым очевидным образом спустившийся с лестницы, вроде даже взглянул в мою сторону, но безразлично. Тащил большой мешок, вошёл в следующий коридор, исчез.

Теперь есть шанс бесшумно смыться. Но в какую сторону бежать? Все получилось само собой: в конце коридора, в темноте, снова что-то щёлкнуло, кто-то вошёл в подвал. Раздумывать не приходилось: лишь усилием воли сдержав бег, я быстро вернулась в прихожую и рванула на лестничную клетку.

Даже не осмотрев строения, я сразу же вышла на свежий воздух, если можно так сказать про двор-колодец. За спиной — дверь в только что

оставленный подвал, напротив — стена с окнами и ещё одна дверь в самом углу, Закрытая. Вспышка клаустрофобии довела меня почти до потери чувств, руки дрожали, когда я пробовала разные отмычки, нужная, конечно же, оказалась последней. Обычная лестничная клетка, в подвал — нетушки, подвалы мне решительно перестали нравиться, сверхъестественным усилием поднялась по нескольким ступеням, ведущим на первый этаж. Где-то за мной снова звякнуло. Мало что соображая, я вихрем вылетела на другую сторону — черт возьми, опять двор! Но есть ворота, похоже, на улицу...

Я бы, конечно, сунулась в ворота, но туда как раз входили. Спрятаться от людей мне представлялось сугубо необходимым. Убежище избрала без колебаний — выбора не было: контейнеры с мусором, и больше ничего. Я присела на корточки. В случае чего сделаю вид, что выбрасывала мусор, а теперь убираюсь тут — у меня на гигиене пунктик. Или что-нибудь выронила и стараюсь найти: по ошибке выбросила в мусор маленькие ножницы и пусть сдохну, да отыщу их.

Больше ничего не придумала, да и то слава Богу, ежели учесть, что время для размышлений ограничивалось несколькими секундами. Люди из ворот вошли на лестничную клетку. Одновременно открылась дверь, через которую я бежала в панике, и появился какой-то хмырь. Не взглянув на мусорные контейнеры, спокойно и степенно направился к воротам, вышел и исчез по другую сторону.

Я все ещё сидела между контейнерами, хотя территория была уже свободна от врагов. Вышедший хмырь парализовал меня окончательно. Видела я его лишь какое-то мгновение, но разглядела прекрасно, — его осветила лампа над дверью. Я знала это лицо. Откуда-то знала: довольно простецкая морда и нос клёцкой...

Зрелище это захватило меня целиком. Собственными глазами увидела наконец таинственного индивида, описанного Зосей и Павлом, помнится, тогда ещё засвербило в мозгу: где я уже видела его рожу, где же, черт побери, и кто он такой?!..

В конце концов я вылезла из мусора, занятая проблемой рожи с клёцкой до такой степени, что забыла, где нахожусь, что делаю и как выгляжу. Машинально вернулась обратно, вошла в дом, проторённым путём выкатилась во двор и толкнула дверь в подвал. Не насторожило меня даже, что она приоткрыта. Спустилась по двум ступеням.

Боги улыбаются психопатам.

— ..ты зажёг? — спросили внизу, и я застыла, поставив одну ногу на третью ступеньку.

— Нет, Вальчакова. Возилась там, в коридоре.

— Пускай звонит в следующий раз. Фотоэлемент сработал, и шеф испарился...

Голос был злой и обеспокоенный. Я протрезвела в мгновение ока, попятилась, бросила дверь приоткрытой, в воротах очутилась не помню как. Сорвала с себя плащ-халат и парик, на улицу вышла собственной, так сказать, персоной. Понятия не имела, где оказалась, да ладно, к машине могу вернуться любым кружным путём, из осторожности оставила её довольно далеко от этой пещеры разбойников.

И все же я сообразила, что произошло. Где-то там фотоэлемент сигнализировал моё присутствие, хмырь с мешком заметил-таки меня. Но спутал, верно, с дворничихой, Вальчаковой, огромной бабой, черноволосой, в оранжевом рабочем халате. Конечно, я и не думала о нашем сходстве, когда напялила парик и плащ-халат, но так, к счастью, случилось; оттенок был, правда, другой, но не стоило требовать от мужчины, чтобы при плохом освещении он уловил нюансы колера. Принял меня за неё, и только поэтому я живая выкарабкалась из этой кретинской эскапады...

Нет, с меня хватит, больше туда ни ногой. Добилась, в сущности, одного, лицезрела хмыря с клёцкой — сомнительное удовольствие, сомнительное достижение. Я так и не вспомнила, где видела его раньше; в результате — множество колючих домыслов, не дающих покоя. С равным успехом могла вываливаться в кактусах...

* * *

Позвонила пани Крыскова и пригласила меня на чай, непременно сегодня же вечером. Я вознамерилась обсудить окончание нашей афёры, однако ошиблась. Посередине стола лежали два шестикаратовых бриллианта, на них я и воззрилась с огромным интересом и превеликим удивлением. Пани Крыскова сияла.

— Я вас просила обязательно сегодня, потому что продать надо сейчас же, а мне хотелось, чтоб вы посмотрели. Есть уже и клиент, огородник — для дочери покупает, ведь у нас огородники самые солидные люди.

— Так ведь договорились — мне идти в магазин? — удивилась я. — Выходит, вы рисковали сами?

— Да что вы! Моя племянница купила, случайно оказалась здесь, живёт в Кракове и приехала на один день. Вот я и воспользовалась случаем, оно и к лучшему. Завмагазином согласилась продать, я ей накинула сто

тысяч, и это недорого, она ведь больше всех рискует. А вы останетесь про запас. Но десять процентов ваши, сразу говорю сколько — сто шестьдесят тысяч.

Отнекиваться было нелепо, и я тут же решила поделиться с Гутюшей, пожалуй, даже из расчёта один к двум, ведь его участие оказалось главным.

Пани Крыскова растроганно вздохнула.

— Жаль, редко приходят камни, да и все ужасно боятся, чаще, чем раз в два-три месяца даже и пытаться не стоит. Деньги будут завтра, если вы зайдёте в магазин, отдам вам конверт...

Я забежала ближе к закрытию — сто шестьдесят тысяч пешком топать не желают и на дороге не валяются. Гутюшу я любила, и мне хотелось порадовать его, особенно теперь, когда я сама ввязала его в разные пакостные хитросплетения. Поехала к нему прямо от пани Крысковой, даже не позвонила, потому как было неоткуда. В шесть он обычно у себя, если нет, застану у Тадеуша.

Машина «скорой помощи» перед его домом безразлично мелькнула перед моими глазами. Поднялась на седьмой этаж, шагнула из лифта: суматоха у дверей Гутюшиной квартиры. Санитары как раз выходили с носилками. Боже милостивый!..

Гутюша лежал на носилках — я похолодела... Все лицо было заклеено лейкопластырем, изо рта и носа тянулись какие-то трубки, иных повреждений вроде бы не замечалось. По-видимому, ещё жив, раз его забирали. С трудом выдавила обычный вопрос.

— Отравление газом, — сухо ответил врач и отстранил меня с дороги. Санитары внесли носилки в грузовой лифт.

Соседи со всего этажа ещё болтались у дверей. Я принялась расспрашивать. Отвечали дружелюбно, очевидно, на мне лица не было от тревоги. В пять минут получила полную картину ситуации.

В квартире страшно кричал кот. Кричал и царапал дверь когтями, слышно было снаружи. Проходила соседка, не выдержала и позвонила, подёргала ручку, дверь открылась, потянуло газом, кот выпрыгнул из дверей и умчался. Соседка зажала нос и вошла. Гутюша лежал в кухне. Женщина подняла других соседей, открыли окно, перенесли Гутюшу на тахту, что-то с ним, видать, серьёзное случилось: все лицо заклеено пластырем, кроме того, пьян до изумления. Водкой несло больше, чем газом, а в кухне валялась бутылка из-под «Житной». Видно, до плиты добрался совсем хороший, даже не соображал, что открыл газ и не зажёл, упал, а газ стелется понизу... Неизвестно, как долго провалялся в таком виде, кот орал, наверное, с час, больно выносливый, коли выдержал.

«Скорая» приехала сразу, а милиция вот-вот нагрянет, из-за газа должны приехать, только вот сообщили им с опозданием, врача надо было побыстрей...

Я забыла спросить у врача, в какую больницу его отвезут, но соседи оказались на высоте. Дежурил сегодня госпиталь Преображения Господня.

Мысли прыгали как бешеные. Гутюша алкоголик — ахинея, чушь! Может, его спасут, если кот выжил... Но ведь кот был трезвый. Я и не припомню, видела ли вообще его пьяным — Гутюшу, не кота. Ах да, помню, три года назад, на именины Тадеуша... Господи, Тадеуш, ведь Гутюша делает ему проект, дома, не на работе, левый заказ... Бумаги, приедет милиция, все закроют. Тадеуш не получит ни чертежей, ни расчётов. Гутюше я не помогу, а вот Тадеуш...

Следовало сейчас же известить Тадеуша о несчастье. Пусть сразу хлопочет насчёт документации! Гутюша выздоровеет, просто обязан выздороветь, зачем ему ещё неприятности из-за опоздания с проектом... В его квартиру никого не пускал законопослушный сосед, стоял на пороге и сторожил, к тому же в помещении несносно пахло газом, вроде он без запаха, а все-таки... Мне не пришло в голову позвонить Тадеушу, я машинально вышла из толпы, уже поредевшей, съехала вниз, миновав тормозящую милицейскую радиомашину. Всю дорогу ком стоял в горле.

Уже с первого этажа я почему-то вбила в голову, что не застаю Тадеуша, полный бенц и крах. На четвёртом меня чуть не колотило. На пятый взлетела полностью невменяемой, позвонила, готовая дубасить в дверь кулаками и каблуками.

Дверь открыл Гутюша.

— Проходи, проходи, — энергично пригласил он, ибо я застыла каменным изваянием на площадке, созерцая призрак Гутюши и пытаюсь уразуметь, что я вижу. — Они дома, только заняты очень.

Фантастика, бред.

Мелькнула дурацкая мысль, что стрессы укорачивают жизнь. Я поделилась этой новостью с Гутюшей странным каким-то голосом, едва выговаривая слова, наконец, пошатываясь, вошла в прихожую.

— Что случилось? — забеспокоилась Эва, поднимая глаза от чертёжной доски.

Я уставилась на Гутюшу, даже потрогала.

— Гутюша, Господи Боже... Слушайте, вы уверены, это Гутюша? И притом живой?

— Минут пятнадцать назад вполне ощутимо наступил мне на мозоль, так что, по-моему, даже слишком живой, — проворчал Тадеуш. — А что, по

этому поводу есть сомнения?

— Чудеса. Человек спьяну отравился газом у себя дома, и «скорая» забрала его в больницу. Неизвестно, удастся ли его спасти, врач выглядел так, что не удастся. Гутюш, как это тебе удалось? И зачем? Чтобы меня прикончить, да?

— Как так? — изумилась Эва.

— Это у тебя экспромт или заранее репетировала? — иронически поинтересовался Тадеуш.

Гутюша, стоя посередине комнаты, смотрел то на них, то на меня. Впечатление такое, словно он по-польски ни бум-бум. Я уселась на табуретке, ноги у меня подгибались, хоть малость соображать я уже начала.

— Гутюша, Бога ради, пошевели мозгами! Кто у тебя был в квартире, ведь ты один живёшь?! Я прямиком от тебя. Богом клянусь, думала, это ты, и приехала сказать Тадеушу! Заберут всю документацию, милиция уже там, пломбу на квартиру тебе пришпандорят...

— Курва!!! — Гутюша, наконец, обрёл голос, вернее, вопль:

— Ты, слушай! Ты серьёзно говоришь?!..

— Честное слово, клянусь! Все думают, ты, физиономии не видно из-за пластырей, в чем дело...

Гутюша взвыл, метнулся к двери и обратно. Видно, одурел окончательно.

— Кузен! Там был мой кузен! Из провинции! Утром приехал! Брился! А не умеет! Этим — ухо Ван Гога!!!

До самого уха Ван Гога мы понимали его выкрики, а после уха перестали. Тадеуш наконец выпытал: оказалось Гутюша имел в виду бритву. Кузен брился опасной бритвой первый раз в жизни, получил её в наследство от дяди, хотел попробовать, изрезал себе все, лицо, пока не согласился прекратить самоубийственный эксперимент. Характер имел решительный, и если уж ставил в жизни цель, то обязательно добивался. Бритьё тоже закончил, но лицо после этого пришлось основательно залатать — все пластыри пошли в дело...

— Перестань орать, едем! — накинулась я на ошалелого Гутюшу. — Не знаю только, куда сначала.

— Домой, — оборвал прения Тадеуш. — Запломбируют квартиру, пиши пропало. Кузену в больнице все равно не помочь, а кровь можно и позже сдать. — А потом в милицию, — подхватила Эва. — И обязательно добровольно, иначе вас заподозрят.

В квартире у Гутюши милиция все ещё валандалась. Проверили плиту и трубы, ничего неисправного не нашли, бардака большого не наделали и

как раз намеривались уходить. Наше прибытие изменило их планы.

— Когда вы ушли из дому? — подозрительно спросил сержант, проверив Гутюшины документы и приняв к сведению визит кузена.

— Утром, — угрюмо отвечивал Гутюша. — Сразу после того, как он наклеил все эти заплаты. Он в шесть приехал, так что успел и порезаться и заклеиться.

— А после? Вы не приходили? С работы не возвращались?

— Нет. У него ключи, у Юзефа то есть, я ему дал.

— А вы где были?

— На Грохове. У приятеля. Вместе делаем работу, и надо спешить. К доске приклеился, пока она вон не приехала...

Я рискнула вмешаться, объяснила: Гутюша сидел за чертёжной доской, выполняя спешную работу, так называемое проектирование. Дала адрес Тадеуша, так как Гутюша вместо номера дома и квартиры упрямо твердил номер телефона. Я не удосужилась заранее выдумать повод для сегодняшнего визита и чуть не ляпнула насчёт бриллиантов. Спыхватилась, однако, вовремя и заявила: приехала вернуть деньги, взятые в долг несколько дней назад. Немного, пятьсот злотых. Гутюша пялился на меня, как баран, и не протестовал — пятьсот злотых проигнорировал, всецело поглощённый своим кузеном. Потом вдруг застонал:

— Он же не пьёт! Он типичный алкоголик вверх ногами.

— Абстинент, — услужливо перевела я.

Сержант внимательно посмотрел на нас, деловито осведомился, не состою ли я с Гутюшей в связи, согласился, что это необязательно, и велел явиться завтра в отделение для дачи показаний и подписания протокола. Вешать пломбу на квартиру не стали, вышли все вместе, я отвезла Гутюшу в больницу.

Кузен уже умер.

Проблема алкогольного опьянения кузена вызвала перепалку, к счастью, короткую, ибо Гутюша не отличался буйным нравом. Быстро прекратил настаивать на своём и мрачно замолчал, молча же прочёл результат анализа, в котором, увы, констатировалось: в крови кузена доза алкоголя была для большинства нормальных людей смертельная и, уж если на то пошло, газа вовсе и не требовалось. Умер с перепоя. Гутюша забрал все, что ему отдали, и молча вышел из больницы. Язык у него развязался только в машине.

— Хорошо хоть родители у него померли, — рассудил философски. — Сестра только есть, старше его, моя кузина, а вообще-то они живут в Катовицах.

— А ты говорил, он из провинции, — удивилась я невольно.

— Он из Бендзина. Сестра в Катовицах. Жена у него была и дети, да все распалось, так что волосы у жены, верно, все целые останутся. К тому же у неё богатые родители.

Очевидно, Гутюша пытался прийти в себя, находя утешение в мудрых житейских максимах. Я вспомнила, что, пожалуй, порадую его историей с бриллиантами пани Крысковой, все удалось как нельзя лучше. Гутюша пришёл в себя окончательно. Немного поспорили: я, учитывая его несчастье, пыталась всучить две трети, он упёрся на половине. Я в конце концов уступила, не желая его раздражать.

— Если по совести, для меня все мрак и туман, — признался он, убирая деньги в бумажник. — Он в самом деле почти не пил, ну, рюмку-другую с какой-нибудь роскошной закуской, в праздник. Не любил и, пожалуйста, себе же навредил. Черт разберёт, как эти градусы могли в нем расквартироваться, не понимаю, и вообще водки в доме почти не было. Стояла початая поллитровка да вроде бы остатки коньяка. Разве с собой приволок и тут же ухнул? Исключено, чушь.

— А вдруг друзья-товарищи объявились? Дело какое обмыть понадобилось. Уступчивый он по характеру?

— Наоборот, и точка. Упрямый, если что заберёт в голову, с места не сдвинешь. А насчёт водки легче монумент уговорить, а его ни за что. Не понимаю. Я, пожалуй, вернусь в эту больницу, только сперва с семейством разделаюсь. И вообще не знаю, по-моему, что-то тут не так.

— То есть?

— Сдаётся, он мне звонил. Под конец рабочего дня кто-то звонил раза три, и ничего — разъединяли, а ну, как он, и какая-нибудь лабуда приключилась...

— А по ошибке не хватил спирту? Одна моя тётка по недоразумению напилась воды с мылом, в которой другая тётка размачивала ногти. Твой кузен мог случайно тяпнуть соляную кислоту.

Гутюша говорил забавно и порой нескладно, но думал толково.

— И сколько этой воды выпила твоя тётка?

— Один глоток. Большой, правда, но один.

— Ну, знаешь, с одного глотка на тот свет не уедешь. Ну пусть с головой неладно — не привык, или с ногами, но такие градусы, то бишь проценты алкоголя в крови, от одного глотка не проявятся. А у него были, сам в больничной бумажке видел, ты тоже...

Я принялась думать. А посему перестала видеть дорогу, тротуары, другие машины, светофоры и людей, зато увидела Гутюшиного кузена с

лицом в пластырях: кто-то сжал ему нос, заставив открыть рот — дышать же надо, а в открытый рот ему вливают водку прямо из бутылки. Кузен давится, захлёбывается, отплёвывается, кое-что и в горло попадает. Нет, плохо, не идёт, сколько водки изведёшь... Кузен на стуле, ему заламывают голову, вводят желудочный зонд и вливают спирт. Уже лучше. Затем накачанный кузен, пошатываясь, бредёт в кухню, желая, допустим, сварить кофе, надеется, что полегчает, открывает газ, спички падают из рук, сам он валится на пол, засыпает пьяным сном...

— Где это мы едем? — поинтересовался Гутюша;

Я очнулась. Проехала поворот к Гутюше и даже бега, и прямым ходом направлялась в аэропорт Окенче. Пришлось перебраться на левую полосу.

— Черт. К тебе. Не мог раньше спросить? Я задумалась.

— Не мог, я тоже задумался. Ты ведёшь машину и смотреть тебе положено по должности. Слушай, мне это не нравится. Опять найду того прозектора... Вот именно! Знаю про последнего. Длиннющая лапша на уши.

— Прекрати свой телеграфный аллюр. Говори яснее.

— Ну так: официально тот, в кафе, умер от сердца и никаких следствий не надо. Умер сам по себе, по собственному почину, и привет. А неофициально — схлопотал укол в шею за ухом, отоварили без промаха, вчера вечером я как раз узнал все обстоятельства. Цианистый калий ещё с какой-то бурдой, где-то у меня записано, если тебе надо, могу поискать, цикута или стрихнин, только мне сдаётся, одного цианистого хватило бы выше крыши. А я вон там живу, направо.

В последнюю минуту я ещё успела повернуть в направлении его дома. Насчёт недоумка ожидала нечто в таком роде, но одно дело подозревать, а другое — знать. Все-таки, значит, так..., какие уж тут сомнения — убили из-за меня!

— А остальные? — спросила я подавленно.

— Что остальные?

— Ну мы, например. Почему нас никто ни о Чем не спрашивает?

— ао чем нас спрашивать? Говорю тебе — следствие и не ночевало. Анализы мой приятель сделал для своего личного удовольствия и спрятал. Убийца неизвестен. Никак не проявился, но я так себе дедуцирую: у них там что-то шиворот-навыворот, помнишь, тот, в носках, что в забегаловку примотал, — ценнейшая фауна, под охраной пребывает. Никто ничего ведать не ведаёт, одна тайна другой погоняет и все по углам. А про кузена Юзефа шепну приятелю, пусть лично присоединится к вскрытию. Вскрытие будет, верняк, я узнавал, в таких случаях всегда обожают

суетиться, глядишь, и обнаружат что. По голове у меня так и ходит: ну как он схватил эти алкогольные проценты...

* * *

Гутюшин кот вернулся домой только через четыре дня. Новейшей информацией от приятеля из прозекторской Гутюша поделился со мной на лестнице в подвал, где мы оба, сидя на корточках, орали: «Кис, кис, кис». Кот молоко выпил и мясо сожрал, но наверх идти отказался наотрез. Гутюша признал правоту кота.

— Понятие имеет, по углам все ещё газ, хоть и открываю окна настежь и сквозняк летает. Хорошо, тепло. А насчёт Юзефа тоже криминал по высшему разряду.

Я только фыркнула.

— Ну и проницательность. Ясно, криминал с самого начала.

— Так мне ж невдомёк про Юзефа. У него ушиб на голове, не проломили, просто синяк и шишка. При жизни вздулась, а как умер, шишка стоп, но сознание потерять мог. Мало того, он говорит, мой, значит, приятель — есть заметный след от укола, и чего у них любовь такая на уколы, хобби что ли? Внутривенный укол, не угадаешь, куда кололи — не в руку, не в запястье, а в ногу под коленом. Спирту вовсе не пил, все градусы мог получить в уколе прямо в кровь, сколько угодно. Сам себе такой укол не сделаешь. Да, пожалуй, в самостоятельном распутывании тайн вся моя выдержка к чертям свинячьим пойдёт. И кому этот Гутюшин кузен мешал?..

— А с головой что? — спросила я угрюмо. — Мог сам себе врезать?

— Вроде мог, только трудно найти подходящий инструмент. Не знаю чем. Чем-то мягким, но твёрдым. Понимаешь: череп не разбит, а сознание потерял. Дома я ничего такого не держу. Кабы упал, так кругом сплошные острые углы, тогда рана была бы, а не шишка.

Кот вырвал у меня из рук следующий кусочек мяса. Гутюша наклонился, снова налил молока в пластиковую мисочку и позвал:

— Кис, кис...

— А что милиция? — спросила я по-прежнему мрачно.

— Милиция ничего. В протоколе вскрытия про укол молчок.

— Как это?!

— Обыкновенно. В официальном протоколе чёрным по белому: абсолютно здоров, абсолютно пьян, ударил себя по башке и отравился

газом. От алкогольных градусов тоже мог откинуть копыта, так ли, иначе ли, им без разницы. Укол мой приятель открыл самолично.

— И никому не сказал?!

— Сказал. Милицейскому врачу. Тот видел, да в протокол дописал только на следующий день, вот и получилось пивко — по маленькой.

— Не понимаю, о чем ты. Гутюша сжалился над моей женской глупостью.

— У них там есть секция убийств, так? Отдел такой. Я сориентировался через другого приятеля, того, что сидит в кабинете и головой думает. Так вот: до отдела убийств вообще не дошло. Несчастный случай и все тут, кто-то распорядился, и следствия не будет.

Просто и ясно. Я так занервничала, что судорожно удерживала очередной кусочек мяса, который из всех сил тянул кот. Кот за эти дни явно оголодал, а посему не отступился, помог себе когтями и получил добычу. Я разорвала фольговый мешочек и разложила около миски с молоком остатки.

— Оставлю ему где-нибудь в уголке, тут наступят копытом и растопчут, — сказал Гутюша, вставая. — Криминал криминалом, а животное голодать не должно.

Он собрал мясо, взял миску и заботливо устроил коту столовую в подвальном углу. Я тоже встала. Гутюша вернулся на лестницу, и мы начали подниматься.

— Ну, ладно, — приступила я осторожно. — А что ты обо всем этом думаешь?

Гутюша молчал до самого лифта.

— Нечего песок в голову засовывать, — заявил он, нажимая кнопку. — Его убили. Преступление это, убийство, значит.

— И пожалуй, из той же коллекции, — поддержала я и вошла в лифт. — У него были враги?

— Нет и нет. Какой был — весь на виду: не пил, человек порядочный. Я вовсю думал, всю ночь не спал. Ну кому было знать, что он здесь: живёт в Бендзине, приехал так, с бухты-барахты. Неожиданно. Кабы враг, то летал бы за ним, прицепившись, как пёс к репью, или что там ещё. Какой прицел ни бери, получается, меня это уработали.

Я тоже такой вариант крутила, Гутюша только подтвердил это. Мы вышли из лифта.

— Да, тебя хотели убрать. По лицу было не разглядеть — весь в пластырях, волосы и фигура у вас похожи, да и вообще убийца мог тебя лично не знать. Докопаться бы до сути!..

— Есть шанс, — обнадёжил Гутюша, открывая дверь в свою однокомнатную квартиру. — Кое-что собрал. Ментам плевать, ну, а я разговаривал с людьми, они меня любят — на ожившего мертвеца всякому любо взглянуть. Тут одна баба этажом выше, у ней в мозгах вечный обеденный перерыв, вот она и сидит на лестничной клетке и смотрит, что да как. Говорит, сначала ко мне вошли какие-то двое. Тыркали замок по-всякому, не удавалось открыть, да все-таки справились. Полчаса не прошло, прилетел Юзеф, только она его за меня признала. Что дальше — не ведает, у неё семья с работы приплюхала и её забрали с лестницы, но ведь те двое каким-то манером вышли, коль скоро их в квартире не обнаружили?

Я расположилась в кресле и начала развивать тему.

— Не лезли к тебе раньше времени, подождали, пока ты выйдешь из архитектурной мастерской. Телефонные звонки... Это они звонили — проверяли, на месте ли ты. Не могло же им в башку прийти, что прямо с работы поедешь к Тадеушу, наверно, ты всегда сперва домой являлся?

— Домой. К Тадеушу отправлялся вечером. В тот раз случайно: с Юзефом какая уж работа, а чёртовы выбоины в стене надо было рассчитать.

— О кузене они и не догадывались, раз приехал в шесть утра того же дня. Ждали в квартире, он вошёл, естественно, думали, что ты, бацнули по кумполу, один придержал, а второй в пять минут обделал все дело. Кто такие, дьявол их возьми, ведь наверняка продолжение одной аферы. Или враги у тебя объявились?..

— Нету, — категорически запротестовал Гутюша. — То есть я не знаю про врагов. Обыкновенный работяга и со стула никого не спихиваю., Говорю тебе, думаю, думаю, мозоли надумал, и хоть убей — не пойму.

В моей плодovитой голове завертелись кошмарные подозрения.

Недоумка убили — он вознамерился открыть мне какую-то тайну. Не успел, я осталась жива. Гутюша раздобыл тайную информацию про бриллианты, и камни из ювелирного магазина куплены посторонней личностью. Таинственная клика понесла убытки. Предвидятся новые доставки бриллиантов, клика не желает больше терять, решила себя обезопасить. Чушь, очередные сведения Гутюше снова предстояло раздобывать, проникать в тот же распределитель, вполне хватило бы предупредить, чтобы Гутюша туда не лез, зачем же сразу убивать... Разве что сведения получал постоянно да и доил на всю катушку, тогда понятно, но в любом случае во всем виновата я — я его подбила...

— Гутюша, тебя убили из-за меня, — мужественно призналась я. —

Ты что-то этакое проведаль? Без повода не убили бы, ты им чем-то опасен!

— Кому?

— Я высказала свои заключения. Гутюша задумался.

— Кабы знать, что я знаю! — вздохнул он смущённо. — Много знаю, факт, да мало ли что? Убивать каждого, кто о чем-нибудь знает, этак все общество из гробов бы не вылезало. Там есть некто Лясковский, он с камнями проворачивает дела, наткнулся на меня, как палка на муравейник, считается по другой части, держится в тайне, а я про него наслышан. Может, это?..

— Теперь и я уже о нем знаю. А что за тип?

— Надзирает. Значит, контроль или там директивы какие чтоб соблюдались, из партячейки, словом, созерцает. А по сути — чёрная маска, серый кардинал, так ведь другим про него известно, и что, всех поубивает? Сколько же ему водки одной надо?!..

— Всех не поубивает, да тут целая клика, а ты попал им в поле зрения, как слива в компот, из-за меня. Боюсь, все-таки тебя достанут.

— Э-э там. Зачем меня доставать. Приятелю, который сидит в этом гешефте, скажу по секрету: дубинку, дескать, я сложил, и ведать ничего не ведаю. А фамилию вообще не помню, и Ляковского.., м-м.., с Патыкевичем спутаю.

— И он тебе поверит?

— А почему нет? Ты что думаешь, это разбойник с большой дороги, кровопийца, или как там их, вампир? Приятель и все. Вовсе не рвётся на мои похороны, а в министерстве сидит на самой низкой подножке, только вот ушлый и всегда без мыла влезет куда надо. А бриллианты пока придётся отправить в отпуск.

— Само собой. Я предупрежу эту пани... И вдруг меня осенило. Убийство Гутюши — предостережение! Камней ни в коем разе не покупать, сам сказал, их вовсе не интересует его информированность, главное, чтоб со страху прокис и не рыпался! Матерь Божия, ведь так действует мафия!!!

Я прямо похолодела, и в голове воцарилась полная сумятица. Гутюша выслушал моё откровение, сразу согласился и вовсе не казался потрясённым. Похоже, меня одну питали идиллические понятия об окружающем.

— Нет, надо срочно действовать, иначе меня кондратий хватит, — полетела я как с горы. — Характерец меня доконает! Гутюш, тебя в сторону, а я в милицию побегу, может, как-нибудь лично...

— Ну так я же все время бегаю! — занервничал Гутюша. — Ты что

думаешь, официально? Лично все все знают, а толк где? Ты уж туда не летай, очень прошу, только шуму наделаешь, из-за тебя кто-нибудь с работы полетит...

Застопорил он меня радикально: двоих я уже подвела, возможно, Божидар был прав, упорно не допуская меня до этих подземных течений. Моё разгадывание загадок и открытия странный эффект создавали.

— Ведь говорила, — полыхала я злостью, — тысячу раз говорила и повторяю: как только какая-то тайна, не сомневайся, смердит! Я все равно что-нибудь да сделаю. Богом клянусь, неизвестно что, но сделаю, иначе задохнусь!..

— Господи! — простонал Гутюша и посмотрел на меня словно уже на выходца с того света...

* * *

Ничего я не сделала.

Избавил меня от всех действий исключительно один Божидар. Добился-таки своего и оглушил меня.

Несколько недель подряд он звонил в дверь, вместо того чтобы открывать своим ключом, как это делал многие годы. Враждебная демонстрация выражалась всячески, да я все не успевала спросить прямо, в чем дело, потому что ссорились мы при каждом удобном случае. На сей раз телефонный звонок с изысканным вопросом, можно ли нанести визит, извлёк меня из-под крана — я мыла голову. Стиснув зубы, я дала милостивое согласие, вытерла воду на полу и решила: все, хватит — пора расставить все точки. Последующие два часа вогнали меня в нервное расстройство. После такого звонка приходят довольно быстро, и Божидар всегда так поступал. А тут он решил основательно испытать моё терпение, дабы я успела представить автомобильную аварию, сердечный приступ или другие такого же рода напасти. Однако он переборщил: перебрав всяческие удары судьбы, я успела сообразить, что все это делается мне назло. Наперекор. Прекрасно знает, я не выношу ожидания, а неуверенность меня просто бесит, и потому специально доставляет мне все эти радости, желая наказать за что-нибудь, черт знает за что. И по обыкновению, плюёт на мои чувства...

Когда я открывала ему дверь, робкое обожание, пожалуй, явно потускнело. За это время я высушила и уложила волосы, подкрасилась и решила не ждать, а уйти из дому. Свою внешность на сей раз в виде

исключения опенила позитивно, что весьма существенно улучшило самочувствие. С места в карьер я спросила, как он прикажет расценивать своё поведение. Где ключи, которые верой и правдой служили все прошлые годы, — потерял или как? Ответил, нет, почему же, ключи у него есть. По-видимому, они мне нужны?

Я удивлённо подняла брови.

— Не хотел мешать, — заявил он любезно. — Ключи могут понадобиться для кого-нибудь другого.

Его заявление сбило меня с панталыку, и я попросила его объясниться.

— Помилуй, как можно нахально навязываться в дом, где меня не хотят видеть. Помнится, я однажды уже оказался лишним, считаю необходимым избегать неловких ситуаций. Поэтому предпочитаю позвонить заранее.

И все-таки до меня не дошёл смысл, я сочла его слова просто неудачной шуткой.

Интересно, что он имеет в виду под неловкой ситуацией: застал меня в постели с хахалем или, к примеру, зайдёт, а я как раз точу на него нож? «Не хотят видеть», — надо же такое сказать! Ведь жду его не дождусь, хочу видеть, хотя бы для того, чтобы наорать и поссориться. Мои обиды и претензии зубами и когтями жаждут вцепиться в жертву. На чай вдвоём любое время удобно, мог врасплох прийти и в три ночи, и тогда с радостью устроила бы побоище, одержимость не знает преград, а чувства во мне всегда преобладали над разумом. И что он, холера, хочет этим сказать?..

— Прошу тебя точно сформулировать свои претензии, — заявила я ледяным тоном, в сравнении с которым на полюсе показалось бы жарко. — Что это ещё за новая полька-бабочка?

— Хорошо, я выскажусь: могу у тебя кое-кого застать...

Вот тебе раз.., значит, все же хахаль!.. Откуда только Божидар его выкопал, и кто бы это мог быть?..

Оказалось, все-таки Гутюша. Я долго смотрела баран бараном, потом смертельно оскорбилась, и только тогда наконец начала что-то понимать. Мыслительно-эмоциональная деятельность вдруг двинулась вперёд в ошеломительном темпе, почище любого компьютера, если не качеством, то, во всяком случае, темпом.

— А почему ты так долго не приходил? — спросила я с напускным простодушием. — Позвонил, а мне пришлось прождать два с лишним часа. Что случилось?

— Ты не одна на свете, — ответил он. — В конце концов, и у меня есть разные дела...

Из его дальнейшей речи я уже не слышала ни единого слова. Все сошлось: я не единственная и в этом вся суть. Претензии я должна предъявить к себе. Я смотрела на него, пока он что-то говорил, и вдруг многолетняя завеса упала с глаз: он уже не казался красивым, во всяком случае, красивым для меня. В конечном итоге содержимое важнее упаковки... Вся наша. Боже смилуйся, связь была одним несусветным недоразумением, я по-идиотски ошиблась. А он все видел, но поддерживал моё заблуждение, черт знает с какой целью, может, его левой ногой так захотелось...

И тут я взорвалась. Проехалась по его характеру, тщательно, добросовестно и без всяких скидок. Мне нечего было терять. С безжалостной откровенностью отчеканила все, что о нем думаю — все, что подавляла и душила в себе много лет. Полетел кумир с пьедестала.

Увы, кумир на грязной земле остаться кумиром не может. Только теперь стало совершенно ясно, сколь необходимы ему постоянные песнопения насчёт его исключительности, и я почти испугалась. Сознание он, правда, не потерял, но просто чудом: в любом случае наша связь была разрублена топором.

Последняя причина конфликта — ключи от моей квартиры — с великим достоинством были оставлены на столе. Он ушёл прочь навсегда, бросил меня, недостойную...

* * *

В Варшаву я вернулась в начале сентября после нескольких месяцев отсутствия.

Непосредственным поводом моих вояжей был, разумеется, разрыв с Божидаром. Один скандал — какие пустяки — ни в коей мере не удовлетворил моих агрессий, а больше шансов на ссору не было, трофей вырвался из когтей. Ведь я так и не поняла, обманывал ли он меня сознательно или просто по легкомыслию. Моя неудовлетворённая ярость сменилась длительным стрессом, ум погряз в забытьё, мир превратился в непонятное и отвратительное марево. Лучшее средство от подобных недугов — голубая даль.

На всякие душевные передраги отлично воздействует атмосферическая турбулентность на высоте десять тысяч метров. Воздушная яма настигла меня над Монреалем в уборной, где мне лишь чудом не выбило зубов. Кое-как все же удалось невредимой вернуться в

кресло, и остаток этих очаровательных двадцати минут я просидела с застёгнутым поясом.

После недурной бермудотерапии окончательно меня исцелил шторм на Балтике, какого глаз человеческий не видел с тех пор, как с парома сорвался и утонул в море целый поезд. Из Копенгагена я возвращалась автобусом, и уже не в небе и на воде, а на земле было очень забавно наблюдать, как огромную туристическую колымагу швыряло на шоссе из стороны в сторону. К счастью, мои взаимоотношения со штормами вполне удовлетворительны, качка не терзает, а поскольку по понятным причинам буфет не пользовался успехом, мне удалось поужинать без вся кой очереди.

Пока меня не было, в стране произошли события исторические, и я с удовольствием смотрела все это по зарубежному телевидению, почти не веря собственным глазам и ушам. Распад системы, несправедливо определённой благородным словом «строй», привёл меня в полное восхищение, так что все прочие огорчения пошли к чертям.

Автобус в бывшей ГДР наткнулся на автомобильную аварию и долго ждал, потом сделал объезд, потом оголодавшие пассажиры потребовали остановиться у закусочной с колбасками, в результате мы сильно опоздали. Домой я добралась почти вечером, и тут же выяснилось, что нет света. Утешилась воспоминанием об отключённом пустом холодильнике, поставила дорожные сумки в прихожей и полетела к соседям, со скрежетом зубовым вспоминая, как в прошлый раз вернулась в разгар лета и не было воды. Сухой, как перец, чайник на кухне — то ещё утешение...

Дверь мне открыл какой-то чужой человек — очевидно, соседи переехали. Получили квартиру побольше, должны были умотать ещё до моего отъезда, операция затянулась, но, естественно, к этому времени управились. А здесь уже новый жилец, чужой человек... Да что там, чужой — не чужой, главное — мужчина, вдруг что и посоветует.

— Простите, пожалуйста, — сказала я озабоченно. — Только-только вспомнила про переезд моих соседей. Меня не было, сию минуту вернулась, а в квартире нет света. Прибежала сюда с горя. Простите, ради Бога, за вторжение...

— А, это вы, пани? — обрадовался сосед. Я тут же вспомнила телефонный разговор с моим институтским профессором много лет назад: я пришла в гости к швагеру, тоже архитектору, зазвонил телефон, я взяла трубку.

— Это пани? — спросил голос. Я узнала профессора и поняла, что он имеет в виду жену моего швагера.

— Нет, это не я, — ответила я вежливо. — А, это вы, пани? —

обрадовался профессор, который тоже узнал мой голос.

Теперь произошёл такой же разговор, но речь в данном случае шла обо мне. Я подтвердила, что я — это я.

— У меня письмо к вам, ваши бывшие соседи просили отдать, — сообщил мужчина. — Извините, что не занёс раньше, не знал о вашем возвращении.

— Да меня ещё как бы и нет. То есть я здесь, но всего пять минут, как вошла, багажные сумки стоят у двери. Вам не за что извиняться.

Новый сосед отошёл на два шага, достал с полочки в прихожей письмо и отдал мне. Думая про свет, я рассеянно посмотрела на него. Высокий, моего возраста, темноволосый, довольно интересный... Интересный или не интересный, неважно, главное — симпатичный.

Он улыбнулся. И улыбка обаятельная.

— Свет, вы говорите..., возможно, я помогу?

— А вы умеете?

— В домашнем масштабе этой премудростью овладел.

— Ой, тогда очень вас прошу. Но предупреждаю, не смогу ответить даже на самый пустяковый вопрос про электричество. Насчёт пробок и прочего в таком роде. Правда, комнатная лестнка в вашем распоряжении.

Он влез на стремянку, фонарик принёс свой, повозился в щитке, что-то заменил, после чего в моей квартире стало светло.

— Всегда к вашим услугам, — сказал он, поставив лестничку на место.

Счастливая и благодарная, я призналась, что мне без него пришлось бы сидеть в темноте — в таких неполадках мне всегда помогал сосед. Так оно и было, Божидара я давно уже перестала просить о чем-нибудь, даже скрывала от него всевозможные аварии, ибо ремонт в его исполнении всегда имел катастрофические последствия. Делал все вроде бы идеально, однако, во-первых, неимоверно долго, а во-вторых, исправленный предмет начинал вытворять разные фанаберии и укротить его не удавалось никакими силами.

— Не унывайте, — заявил интересный незнакомец. — В конце концов, уже я ваш сосед и всегда помогу.

Остатки деликатности заставили меня слегка его предостеречь.

— А вы, пожалуйста, не рекламируйте свои умения. Мой сосед вообще-то делал у меня все, он был, что называется, мастером на все руки. По уговору за сложные, трудоёмкие работы я ему платила, а мелкие делал по-соседски бесплатно, человек он работающий, приходилось следить, чтобы по-соседски не делал больше положенного.

— А я тоже работающий. И охотно помогу вам по-соседски бесплатно.

— Ох, не кладите голову под топор! Понятно, я соглашаюсь с превеликой радостью, но вы придумаете какую-нибудь компенсацию с моей стороны. А то пойдёт игра в одни ворота.

— Я, знаете, очень рассеянный и вот-вот явлюсь к вам занять сахару или соли. Или получить консультацию, как делать котлеты. Разрешите, раз такая оказия, я представляюсь? Знаю вас по имени, слышал о вас...

Его звали обыкновенно — Януш Боровицкий, и пока что больше я о нем ничего не узнала, ибо на слух воспринимаю все плохо и забываю... Письмо оказалось пустяковым: знакомая была в Варшаве проездом, не застала меня дома. Открытку в элегантном конверте оставила соседям на всякий случай: вдруг вернусь и позвоню ей. Я не успела, не получилось.

Воспитанием чувств я больше не занималась. Это вместо меня сделали исторические перемены, широко распахнувшие двери страстям другого свойства...

* * *

Игральными автоматами я увлекалась давно и играла с маниакальным упорством. В основном в Тиволи, но случалось и в других местах. Впервые в жизни они появились в нашей стране за обычные деньги, которые чудесным образом превратились в обменную валюту. Я своим ушам не поверила, когда мне сообщили такие сногшибательные новости, и тут же помчалась все проверить.

Оказалось, все так и есть.

Шум в «Гранд-отёле» стоял вполне умеренный, где ему до копенгагенских автомат-залов! У здешних машин просто следовало нажимать клавиши. О выигрыше сообщалось благозвучным журчанием, попискиванием или музыкой, а не звяканьем сыплющихся жетонов. Разумеется, сыпались они довольно редко, в основном, автомат копил их и сливал гуртом.

Я, сидя перед автоматом, сияла от счастья, как вдруг услышала за спиной Гутюшин голос.

— Привет! Давно не виделись, чуть не полгода. Исчезала куда-то?

— Привет, Гутюша! Меня не было, уезжала. Что здесь делается?

— В общем-то много чего. А в частностях не больно-то много — в частностях не до того было.

— Вообще — все знаю, а насчёт частностей — не очень-то много

потеряла. Ты играть пришёл?

Гутюша оглянулся, подвинул табурет и сел рядом.

— Пока так просто. Впервые, посмотреть бы, что за разносолые. Ты разбираешься в этих штуках?

— Двадцать с лишним лет.

— Как это? — удивился он. — Ведь только-только появились!

— А в Тиволи были. Я эту заразу, можно сказать, с детских лет изучала.

— Бомба! Раскрой талант, скажи, как играть.

— Сперва пойди в кассу и купи жетоны. Учиться за мои деньги не разрешаю — везенье у меня испарится. Можешь ассигновать сотню или хоть бы пятьдесят?

— А как же, разбогател в последнее время. Могу выбросить часть в сточную канаву.

Он сходил в кассу, вернулся с жетонами. Я начала объяснения.

— Сюда бросаешь жетон, запускаешь, загораются клавиши, видишь?

— Вижу. И что?

— Включаешь «старт». Читать умеешь, в картах разбираешься? В покер играешь?

— Ясно. У тебя две пары. Что это даёт?

— Даёт два жетона, вернулась ставка, я играю по два. Можно их перебросить на кредит, слить из автомата и забрать. Или снова обменять на деньги. А можно рискнуть удвоить, вот так...

Я играла как раз на моем любимом покерном автомате. Показала Гутюше клавишу «дубль» и нажала её. На экране появилась одна закрытая карта, около неё замигало попеременно «красная» и «чёрная». Засветились соответствующие клавиши.

— Теперь нажимаешь красную или чёрную, как душе угодно, на ум и расчёт не надейся. Угадаешь — получишь вдвойне, нет — все проиграешь. Например, красная...

В виде исключения я угадала. Гутюша обрадовался. Я показала ему мигающую наверху четвёрку.

— У меня уже четыре жетона, хочу дублировать, то есть рискнуть на пробой. Угадаю, удвоится. Рискую...

Я снова рискнула на красную, к большому моему удивлению, угадала, пришла в азарт и решила: хватит с Гутюши, научила вполне.

— Теперь у меня восемь и валять дурака не собираюсь. Сюда долбанёшь на кредит, кредит вот здесь...

— Сто тридцать шесть, — прочитал Гутюша. — Ого-го!

— Никакое не ого-го, автомат у меня уже двести сожрал. Возможно, что-нибудь и даст. Вон там такие же покерные автоматы, а в той стороне — тоже покерные, только нету «красная-чёрная», зато есть «большая-маленькая».

Гутюша потребовал непосредственной демонстрации. Я оставила свой автомат и перешла к другому с «большой-маленькой». Гутюша бросил жетон. Я показала нужную клавишу, и у него появилось три десятки.

— Оставь эти карты и бей ещё раз, может, и... Ладно хоть так: что было, то и осталось, перебросишь на кредит или гадаешь на «дубль»?

— А сколько у меня?

— Написано. Вот тут. Три.

— На пробой.

— Ну, прочитай, что загорелось. На одном написано «double», а на другом «take», это, надеюсь, уразумеешь по-английски?

— «Take»... — поймал и держу?

— Да. Продуешь дубль, держать будешь куриный помёт.

— Ну и пускай. Гадаю на дубль. Гутюша нажал клавишу «дубль», в углу появилась одна закрытая карта.

— А теперь угадай, большая она или маленькая. То есть от шестёрки вниз или от восьмёрки вверх. Туз в этом случае заменяет единицу, а семёрка — ничья.

Гутюша посмотрел на меня, на экран, нажал «большую» — появилась дама. Выиграл.

— И что дальше?

— У тебя шесть. Можешь либо на кредит, либо снова на пробой.

— Поймать и держать? Правильно! Честь имею держать!

Нажал дубль и «маленькую». Появился король, Гутюша продул весь выигрыш. Нуль.

— Без порток, зато при шпорах, — философски заключил он. — Постой, я ещё попробую.

Автомат проявил вежливость, дал две пары и разрешил их дублировать. Я удержала Гутюшу от следующей демонстрации во имя мужской чести, показала, как выигранное слить из автомата, и повела дальше.

— Здесь просто полька-карабас. Тоже покер, стой, брось что-нибудь, покажу, как гадать на дубль, очень забавно...

На четвёртый жетон Гутюша получил пару валетов, сам нашёл нужную клавишу. На экране появилось пять карт, лишь первая открытая. Семёрка.

— Тебе надо угадать карту больше чем семёрка, — объяснила я. — Если окажется меньше, все проиграл.

— А если то же самое? Тоже семёрка?

— Тогда можешь гадать снова или отказаться.

Гутюша подумал, попал на девятку.

— Теперь у тебя два жетона. Рискуй удвоить или перебрось на кредит. Предупреждаю, на экране может появиться туз, здесь он не заменяет единицу, а так и есть нормальный туз.

Гутюша во что бы то ни стало желал туза, нажал дубль. Появилась двойка. Нажал что попало, не раздумывая, и появился туз.

— И на фиг мне эта разница? — упрекнул он и оставил четыре жетона на кредите.

Я велела скинуть жетоны из механизма и продолжила демонстрацию. Гутюшу заинтересовали фруктовые автоматы. Опустил жетон и попытался играть. Я удержала его.

— За один не сыграешь. Самое меньшее — за восемь жетонов, автомат выдаёт фрукты на восьми линиях. Три линии горизонтально, три вертикально и две наискосок. За один жетон играешь только на одной линии, на этой средней горизонтальной, и больше ничего. И не выходи из себя: если появится фрукт на вертикали или, к примеру, на верхней горизонтали, тогда — полный проигрыш. Попробуй, если руки чешутся, но обращаю внимание — обходится дороговато.

Гутюша решил попробовать. Бросил восемь жетонов, соответствующей клавишей запустил и нажал старт. С краю появились вишни.

— У тебя два, — объясняла я терпеливо. — Можешь на пробой...

— Так и сделаю, — решил Гутюша сразу же. — Пробой мне по нраву.

— Не тебе одному, — буркнула я и пальцем показала светящиеся клавиши. — Читай надписи, сразу поймёшь.

Гутюша прочитал, понял и нажал. Ряд открытых карт вверх привёл его в восхищение.

— О, вот это я понимаю. Хоть все видно: одни большие. Самое время, чтобы пришла маленькая!

Нажал «small», и действительно, вместо закрытой карты открылась четвёрка. Попробовал ещё раз, угадал большую, набил восемь жетонов и перебросил на кредит. Сыграл на эти восемь и сразу же получил четырнадцать.

— Остаюсь тут, — решил он. — Этот робот мне нравится.

— Думаю, выиграешь, ты ведь здесь в первый раз, — сказала я

неуверенно. — Не исключено, что на игральных автоматах, как на бегах — в первый раз всегда выигрываешь. На всякий случай учти, этот автомат выплёвывает только сто девяносто жетонов, если набьёшь больше, беги к механику за бумажкой.

— За какой бумажкой?

— Квитанция в кассу. Вот эта клавиша тебе не телефон-автомат. Не колоти по ней кулаком, а спокойно подожди: машина сперва все сожрёт, потом давать начнёт. Все тебе показала, играй как душе угодно, потом расскажу разные разности.

Гутюша явился ко мне через час очень довольный. Набил двести жетонов и похваливал развлечение. Я тоже аккурат была в подъёме, слила все из автомата и подавила жадность. По опыту знаю, посиди я ещё — и продую вчистую, а мне хотелось сообщить Гутюше кое-какие свои наблюдения. Посему пока следовало свернуть всякую бурную деятельность на проигрыш.

Посоветоваться необходимо. За несколько моих походов в «Гранд» кое-что бросилось в глаза. Сиди я за автоматом одна, не обратила бы внимания на некоторых игроков: всецело была занята собственными успехами и поражениями, о коих старалась всеми силами забыть. Но в «Гранде» по залу шатались скопища весьма настырных элементов, в просторечии болельщиков. Одни глазели из обычного любопытства, другие задыхались от зависти и скрежетали зубами — заядлые игроки, у которых не было денег на игру, третьи пялились просто по злобе, беззастенчиво радуясь, когда кто-нибудь проигрывался. На спине надо было иметь двойную крокодилову кожу или вообще танковую броню, чтобы не чувствовать их сверлящего взгляда. Симпатий я к ним не питала, хотя это они, собственно, подняли шум.

— Вот скотина, берет раз за разом, — сквозь зубы цедил кто-то за моей спиной.

Я оглянулась. Двое болельщиков глазели на четвёртый от меня автомат, одного снедала зависть, другого нескрываемое отвращение. Второй пожал плечами и потащил завистника в глубину зала. Я немного откинулась назад на своём табурете и поинтересовалась выигрывающей скотиной.

Скотина играл на покерном автомате, таком же, как у меня, но мой был с джокером, что теоретически давало больше шансов на выигрыш. Платил мой автомат только с двух пар, а тот реагировал даже на одну.

Одна пара возвращала ставку, и можно было дублировать пять раз, так что один жетон давал тридцать два, если угадаешь красную-чёрную... Я

почти всегда угадывала наоборот, посему заинтересовалась везучим игроком и вспомнила, что это его игру постоянно сопровождает выигрышная мелодийка.

Скотина ставил по десять жетонов. На моем автомате ставка была пять. Я немного понаблюдала за его действиями, неудобно отклонившись назад. У него выскочили две пары — двадцать, рискнул на пробой. Около закрытой карты начало мигать «red» и «black», требовалось угадать цвет. Не поколебался и угадал: карта повернулась — красная, имел уже сорок. Карта снова показала рубашку, опять предлагая дублировать и завлекательно мигая восьмьюдесятью, тип долбанул красную и снова угадал. Имел уже восемьдесят. Я уставилась на него с таким же интересом, как и все остальные болельщики. Подумал, выбрал чёрную. Фарт. После пятого гадания автомат сам сбросил на кредит шестьсот сорок жетонов под аккомпанемент бодренького мотивчика. Я глянула на его кредит — тысяча шестьсот восемьдесят пять, больше полутора миллионов złotych! Да, впечатляет, скотина в жутком подъёме, или его невеста бросила?..

Когда я снова про него вспомнила, автомат как раз выдал ему каре, что редко случалось. За десять жетонов сразу двести. Не задумываясь, он тут же рискнул удвоить. Снова попадание — чёрная, немного подумал и угадал красную. Я заинтересовалась, как сыграет дальше — у него уже восемьсот, а он твёрдо продолжал долбить. Чуть помедлив, сосредоточившись, угадал все пять раз, и чёртов автомат заиграл в его честь, вернее, в честь шести тысяч четырехсот жетонов. Взял более девяти миллионов złotych!

Мне возмечталось тоже завести невесту, которая бы меня бросила. Тип посидел, выжидая, на своём табурете, поглазел на экран и пошёл искать механика. Я завелась: интересно, будет ли играть ещё — чуток постараться и продуешь все. Когда он вернулся, я впервые рассмотрела эту скотину, поскольку интересовалась не им, а исключительно своим автоматом. Ничего особенного: маленький, худющий, костлявый, немного за тридцать, какой-то линиялый, быстротой ума явно не блистал. Вообще ничем не блистал, наверняка можно утверждать только одно — невеста его бросила. Взял квитанцию на девять миллионов с грошами и пошёл в кассу.

Я занялась своими делами и перестала обращать внимание на окружающих, пока снова в ухо не затренькали непрерывные победные звуки. Не случись та скотина, я наверняка не насторожилась бы. Автомат бодренько пиликал все снова и снова — вот наказание-то, мой пиликал всего по разу в час. Я снова откинулась назад и посмотрела. Нет, на сей раз другой автомат — не тот, что платил скотине с холерным фартом. Технически такой же. За ним сидел мужик, пузатый, старше линиялого

сморчка, на коленях держал битком набитый портфель, хотя ему было явно неудобно, по-видимому, имел основания опасаться воров, или просто подозрительный характер — заботливо обнимал свой портфель обеими руками. А скорее всего, увлечённый игрой, напрочь забыл про портфель и не замечал неудобства. Дублировал он в полнейшем подъёме, только раз ошибся, но не много потерял, потому как пробивал всего одну пару. И тут же возместил все тройкой. При этом вытворял какие-то странные фортели, бормотал себе под нос, прикладывал палец ко лбу, ощупывал клавиши, вроде бы колебался и раздумывал, а потом решительно и с маху бил выбранную клавишу. Я посмотрела на его кредит. Более двух тысяч... А этому пузану для разнообразия, может, жена изменяет?.. В затылок ему дышало трое болельщиков, я даже подивилась, как они его не отвлекают. Автомат платил средне, но вдруг выдал фул, пузан рискнул на пробой и набил четыреста восемьдесят — играл он по пять, от последнего дубля отказался. Но и так кредит неизменно шёл на подъем.

Снова я взглянула на него, когда с той стороны кто-то странно всхлипнул. Пузан пробивал малый покер, болельщики замерли за его спиной. Из пятисот набил тысячу, потом две, четыре, на восьми тысячах болельщики обрели дыхание и голос. Пузан спохватился и посмотрел на экран повыше.

— О Господи! — возопил он с наигранным ужасом. — Продул! Я же долбил чёрную-красную!

Я отвернулась с отвращением. Кретин, покера не заметил, дублировал по ошибке и все-таки выиграл. Вот что такое слепой фарт! Как жаль, не было ещё автоматов, когда со мной разводился мой муж — набила бы себе капитал!..

Я опять занялась своей игрой. Счастливчики меня не интересовали, не заметила бы их, кабы не то первое восклицание за спиной. Решительно, болельщики навели меня на след...

Высокий, молодой, красивый парень не был похож на брошенного невестой, напротив, по всей видимости, сам бросал многих, почему же ему такой фарт?.. Сидел за правым автоматом, поставив локти на продуктовую сумку у себя на коленях и удваивал все подряд с каменным спокойствием. Долбил в клавиши не думая, с небрежной самоуверенностью, а кретинский автомат платил как сумасшедший. Чуть не каждую минуту раздавалась триумфальная музыка и звяканье — парень скидывал из механизма по триста девяносто жетонов. Набил ещё двести сорок жетонов, автомат выдал фул, парень пробил его четыре раза, после чего переждал концерт четырехсот восьмидесяти жетонов, переброшенных на кредит. Этого

автомат уже не выплюнул, дальше играл за счёт кредита.

Я не паялилась на парня, даже позабыла о нем: мой автомат, упрямый как бес, начал наконец прилично платить. Рискнула, увеличила ставку, угадала карту за пять жетонов. Переживая свою музыку, вдруг осознала, что омерзительное звяканье со стороны парня перестало меня беспокоить. Взглянула туда — действительно перерыв, механик выписывал квитанцию в кассу, странно только — не ему, а совсем другому человеку. Маленький, жилистый замухрышка, по виду трусоватый — откуда он взялся? Когда поменялись местами и когда этот мозгляк успел выигрывать? Все это промелькнуло, не слишком занимая моё внимание. Я вернулась к своим делам и посмотрела в ту сторону, только когда опять грянула музыка. Снова играл высокий парень. Мерещится мне, что ли?..

Я оглянулась в поисках трусоватого мозгляка и не обнаружила его. Не будь поглощена игрой, возможно, я и задумалась бы над столь странным превращением, но мой автомат начал откалывать коленца и следовало отнестись к нему серьёзно. Какое мне, в сущности, дело до везучего парня, обернувшегося вдруг мозгляком...

Вся эта чехарда решительно вылетела у меня из головы и припомнилась лишь однажды, совсем в другой раз, когда на глаза попался ещё один тип, седой, приличный на вид. Уселся за покерный автомат и с ходу вызвал отвращение. Конечно, выиграл, но и другие выигрывали, однако я не пылала к ним неприязнью, этот же приводил в бешенство, вызывал гадливость. Остальные выигрывали тихо, спокойно и камерно, а седой с явным удовольствием лез на сенсацию.

Чванился и пыжился, после каждого выигрыша оглядывался: все ли видят, как ему фартит, светился самодовольством, как маяк на море, и в то же время симулировал такую барственную небрежность. Что ему облапошить автомат? Пожалуйста, неудач не бывает, выигрыш сам лезет в руки — он плюёт на эту машину, а она стелется ему под ноги. Старый кретин. Вокруг него вечно вертелись болельщики, а он назидательно поучал, как выигрывать, и прямо-таки тактильно ощутимая зависть зрителей явно возвышала его в собственных глазах. Я видеть его не могла, смотрела, естественно, на свой экран, но в уши он лез настырно.

Однажды во время очередного премерзостного его спектакля болельщики совсем ошалели. Седой придурок играл на фруктовом автомате. Фруктовые автоматы платили на восьми линиях, с четырехкратной ставки. На экране то и дело появлялись разные картинки, но фрукты — самое главное, особенно запуск компота давал высокий выигрыш. Дубль можно бить шесть раз, так что мало кто обращал

внимание на картинку стриптизерки. Старый козёл играл по максимуму в тридцать два жетона и удваивал до финиша, постоянно угадывая. Под конец появился компот из одних слив, при одной ставке это давало девяносто, а при четырех — три тысячи двести, кретин же, чтоб ему лопнуть, опять долбанул на пробой. Болельщики предостерегающе взревели. Седой ферг что-то изрёк, в шуме я не слышала что, и небрежно ткнул клавишу. Угадал, получил шесть четыреста, то есть шесть миллионов четыреста тысяч деньгами, успешно повторил пробой, получил двенадцать миллионов восемьсот.

— Сорвёт банк! — рявкнул кто-то в запале.

— И сорву, — пыжился седой и из двенадцати миллионов восьмисот набил двадцать пять шестьсот злотых.

Болельщиков подхватил амок, словно они играли с ним сообща. Возможно, дублировал бы он эти двадцать пять миллионов с лишним в пятьдесят один двести, если бы через разгорячённую толпу не пробрался какой-то фраер. Положил руку на плечо седого, уже протянувшего руку к клавише «дубль».

— Хватит! — резко сказал человек и нажал переброску на кредит.

Седой слегка смутился, не протестуя, повернулся на табурете спиной к автомату и достал сигареты. Сумку с колен снял на пол.

— Ладно, ладно, — примирительно заговорил он. — Когда человеку фартит, надо пользоваться...

— Не искушай судьбу, — буркнул противник излишеств и выбрался из толпы.

Болельщики разбрелись — зрелище кончилось, переброска на кредит более двадцати пяти тысяч жетонов продолжалась не меньше четверти часа. Седой пошёл за механиком, у автомата появился опекун, забрал оставленную сумку и исчез. Я с отвращением отвернулась от этих счастливиц и посмотрела на покерные автоматы. Там сидели обычные люди, из которых один выигрывал — элегантный пан среднего возраста. До сих пор я его не встречала, видимо, играл впервые и счастье улыбнулось ему. Дублировал он с невероятным успехом, на кредите имел больше четырех тысяч, держался спокойно, не впадая в раж. Я на всякий случай заприметила его: в глаза бросался плохой прикус. Может, успешная игра компенсирует ему неуспех у женщин?

Седого дурака я встретила снова через три дня. Привязался к фруктовым автоматам. За покерным сидел высокий парень, из двух зол я предпочитала уж его, не смотреть же на этого седого кретина! Однако занялась игрой и снова пропустила момент, когда парень превратился в

трусоватого мозгляка. За автоматом сидел широкоплечий красавец, квитанцию в кассу брал трусоватый замухрышка, и что за чудеса такие? Мозгляк отправился за деньгами, а высокий снова сел за игру.

Седой кретин вёл себя несколько сдержаннее, болельщик был всего один, автомат давал помалу, но точное удваивание повышало кредит. Интересно, почему у него на пробое никогда не бывает семёрки, у других она появляется на экранах часто и сводит на нет все шансы. Он гадал на маленькие карты, и выскакивали маленькие — двойка, тройка, потом ударил большую, и в самом деле — то дама, то валет. Наконец автомат запустил ему компот, седой сразу взял себе более шести сотен, потом поколебался, набил десять тысяч восемьсот, скинул на кредит, попялился с минуту на экран и с явным неудовольствием ударил аут. Отказался дальше играть.

Очередную сенсацию он выдал ещё через три дня. Я сидела за автоматом рядом и разозлилась — его болельщики болтались без продыху и за моей спиной. Злость малость поумерилась из-за выигрыша, мой автомат платил вполне прилично. Седой болван интриговал меня до мазохизма, я решила воспользоваться случаем последить за ним, как ни раздражал он меня.

Начал он осторожно, с восьми жетонов. Автомат дал десятку, и седой сразу же принялся за свои штучки. Пошёл на пробой, поправил сумку на коленях, облокотился с удобствами и нажал маленькую. Выскочила двойка. Снова маленькую. Тройка. Опять маленькую и опять тройка. На экране видны были предыдущие карты — одни большие, похоже, теперь началась серия маленьких. В четвёртый раз ударил маленькую, и опять двойка. Из десяти жетонов набил уже сто шестьдесят. Поколебался, нажал большую. Угадал, появилась дама, набрал триста двадцать. Перестал "удваивать", сбросил на кредит и начал гадать на своей излюбленной ставке — по тридцать два жетона. Не успела я оглянуться, как набил более семисот, а за его спиной глазело трое болельщиков. Поймал бары — сто двадцать, не размышляя долго, седой пробил дубль.

— Во мужик! — восхитился кто-то из болельщиков.

— Я угадываю, — снисходительно пояснил седой. — Главное — сосредоточиться!..

И он нажал большую — король, снова большую — дама, уже четыреста восемьдесят, мужик осатанел, повторил большую, снова дама и девятьсот шестьдесят. Вернулся к маленьким — три раза двойка, тысяча девятьсот двадцать, три тысячи восемьсот сорок, семь тысяч шестьсот восемьдесят. Болельщики ахнули, седой прервал игру по необходимости —

автомат сам начал кидать на кредит.

Пришлось ждать несколько минут, седой болван закурил, начал болтать с окружающими его завсегдатаями, петушился, изображая небрежность: что ему паршивый автомат, уж он-то справится с любой машиной. Болельщиков собралось уже пятеро. Мой автомат выдал компот, я перестала выходить из себя, а злость на этого барана вполнину испарилась.

Седой возобновил игру по тридцать два жетона.

— Я бы уж лучше записал домой что есть, — подсказал кто-то из болельщиков.

— А я вот нет, — строптиво пыжился седой.

— И правильно, так и надо! — прошипел завистливо другой.

Чёртов автомат выдал три семёрки. То есть девятьсот шестьдесят. Среди болельщиков появился механик, с интересом посмотрел.

Седой, само собой, не слезал с дубля, продолжая долбить маленькие, двойка и тройка выскакивали по очереди — из девятисот шестидесяти набил семнадцать тысяч триста шестьдесят, потом тридцать четыре семьсот двадцать. Болельщики молчали — задохнулись от восторга. Подошёл шестой болельщик, не считая механика, растолкал всех, встал за спиной седого.

— Может, хватит? — произнёс холодно. Седой вздрогнул, рука замерла на клавише. Нажал кредит.

— И вправду, хватит, — согласился он едва слышно, смущённый и поникший. — Теперь уж не угадал бы, вы прервали подъем.

Болельщики обрели голос, разнесли коммюнике об отчаянном безумце. Я оглянулась на человека, прервавшего игру. Видимо, тот самый, кто удержал седого кретина в прошлый раз на двадцати пяти миллионах. Постоянный опекун?.. Только вот чей — седого или казино?..

Седой больше не стал играть, не похвалился даже, чуть ли не раскаивался, что столько выиграл. Механик молча пошёл в кассу за квитанцией, вернулся, сел рядом и ждал, пока автомат все выплюнет. Седой курил, уставясь вдаль, опекун отошёл в сторону, но остался в зале. Он явно сторожил этого старого осла — не разрешил играть дальше, возможно, заберёт с собой вместе со всеми деньгами и экскортирует домой. Старый осел, по-видимому, мало вменяем...

Сенсация эхом перекачивалась по залу ещё часок-другой. Собственными ушами я слышала рассказы, сообщаемые новопришедшим, при случае узнала и фамилию седого.

— Чего не явился пораньше, — упрекнул один хмырь другого. —

Блендовский тут набил больше сорока лимонов.

— Что, опять? — возмутился второй. — Ну и фартит сукину сыну!..

— Как всем дуракам, — с горечью откомментировал первый, и оба ушли.

Никаких творческих выводов на этот счёт у меня не зародилось. И не такое видывала в сих притонах разврата: при мне в Тиволи к соседнему автомату подбежал мальчик, бросил один жетон, автомат дал пятьдесят, мальчик скинул жетоны и помчался кататься на электрических автомобилях. На моих глазах убогая баба, проходя через зал, нашла жетон на полу, бросила в автомат с правой стороны от меня, тот дал четырнадцать, начала с ними играть и ушла, выиграв четыреста пятьдесят. В Брюсселе один мой соплеменник целое лето процветал на часах, выигрывая несколько штук в день на чёртовых машинах, действующих по принципу флотации меди в руднике. Однажды самолично наблюдала за типом, который пытался поднять с полу три мешка жетонов, выплюнутых одним автоматом, — да с места не сдвинул — мешок весил не меньше полутонны. Как-то я и сама накупила рождественских подарков на всю семью за жетоны, выигранные в Тиволи за пару часов, и несть числа подобным случаям. Правда, и наоборот тоже происходили вещи невероятные, слепое везенье и слепое невезенье действуют с одинаковым постоянством.

Значительно глубже, чем все счастливчики, меня заинтересовал собственный большой покер, по чистой случайности пришедший на максимальной ставке в пять жетонов — четыре миллиона одним ударом. Удваивать я побоялась...

Обо всех этих наблюдениях я и хотела рассказать Гутюше. Меня заинтриговало, пусть и он заинтересуется. Я осмотрелась, за одним из покерных автоматов сидел линялый сморчок. Я показала на него.

— Погляди на этого линялого сморчка, — посоветовала я. — Только не очень настырно, не лежи у него на спине. Присмотрись, как пробивает — каждую угаданную по пять раз и не ошибается. Здесь обретается несколько таких талантов, ума не приложу, как им удаётся, вдруг ты сообразишь. Да не на чёрного толстяка смотри, а на худого блондинчика.

Я уже успела продуть половину своего выигрыша, когда вернулся Гутюша, невероятно удивлённый.

— Ты права, он ни разу не продул! А некоторые пробивает только четыре раза, как думаешь, почему?

— Ничего не думаю, караулю, чтобы не набрать больше пятисот, тогда автомат больше не перебрасывает на кредит, а играет, и надо бежать за

механиком. А вот ему, по-видимому, неохота бегать, обогащается по методу малых банков. Разве что у него покер или каре, тогда долбит до упора и берет бумажку в кассу.

— Ладно, а как он попадает все время в яблочко?

— Не понимаю. Надеюсь, вдруг тебя осенит. Не он один, впрочем, всего я засекала здесь четверых. Трое нормальные, один пожилой кретин.

Поведала про все, и про последние сорок миллионов. Гутюша заинтересовался не на шутку.

— Тут что-то есть, — заявил он. — Электроника вдруг даёт некий ритм, который они уловили. Не пробовала запомнить, как идёт? Две красные, одна чёрная, две маленькие, три большие и так далее?

— Пробовала. Однажды вон на этой дурынде четырнадцать раз вышли чёрные, если это ритм, то я — цветущая китайская роза. Две красные, одна чёрная повторяются постоянно, только в разное время. Из пяти раз мне удавалось угадать однажды, а эти четверо всегда.

— Может, у них компьютер. Записали весь ряд и заправили ему в пасть, а он им выдал, как будет.

— Тогда у каждого свой, потому как я не заметила, чтобы эти люди были знакомы, а может, скрывают знакомство. Только вон тот высокий парень знаком с трусоватым мозгляком, но мозгляк не играет. То есть иногда играет, но без гарантированного успеха. Ошибается на дубле, как и всякий нормальный игрок.

— Ну, мне не уразуметь. Это ведь ты знаешь автоматы с рождения, а не я. Стоит ещё посмотреть в «Марриотте»... Погоди-ка! А что-нибудь общее есть у них?

— Какое общее?

— Все равно, какое угодно. Этакое общее *1e clou* ^[2].

Более или менее понятно, что Гутюша хотел сказать. Подумала. Единственная безусловно общая черта — все выигрывают огромные деньги. Однако я могла проворонить что-либо.

— Вот под этим углом зрения я к ним и присмотрюсь, — пообещала я Гутюше и себе. — Начну с этого линиялого сморчка. Запишу все, что замечу, возможно, записи, как всегда, помогут. А что ты сказал про «Марриотта»?

— Там тоже казино. Рулетка, прочее и автоматы есть. Не бывала там?

— Была как-то раз, просто забежала. Ты, пожалуй, прав, надо взглянуть. Только сначала хочу показать тебе этих четверых здесь.

— Ладно. И я то же самое хотел предложить. Могу забегать ежедневно, всегда на кого-нибудь нарвусь.

Троих интересующих нас индивидов Гутюша обозрел легко, а

четвёртого никак не мог застать.

Седой исчез из казино. По секрету я спросила знакомого механика, не запретили ли ему приходить из-за его бешеного фарта, оказалось — нет. Казино пережило его миллионы безболезненно, сюда приходили люди, проигрывавшие гораздо больше, чем он выигрывал; ведь должно же кому-то и подфартить время от времени. Значит, сам перестал приходить. Поразительно, более того — подозрительно. Разве что подхватил грипп с осложнениями...

Уже через две недели Гутюша просек: идёт крупное мошенничество. Суть его уточнить не брался, но слишком уж большие деньги шли в счёт, чтобы обошлось без мухлеза. Напомнил прошлые события, мотивы и почти убедил меня, я согласилась без возражений — во мне и так бушевало яростное беспокойство. Постоянно преследовало ощущение: вокруг что-то происходит, а я, слепая идиотка, тупая и глухая, только упускаю драгоценное время и шанс на раскрытие тайны. Делала сколько удавалось. По возможности старалась не мозолить глаза постоянным клиентам — не затем приходила в казино, чтобы заниматься литературным творчеством. В блокноте подробно описала внешность всех причастных, на мой взгляд, типов, от волос до обуви включительно, составила список всех вещей, которыми пользовалась данная личность, включая марку спичек...

Слово, изречённое на бумаге, оказалось бесценным. В общем, получилось нечто такое, отчего я покрылась красными пятнами, а Гутюша впал в языковое неистовство.

— Подводим резюмпию! — пламенно возвестил он, рассыпая в машине все сигареты. — Головы на шляпе ни у одного мордоворота нету, но это норма. Видишь, все разное, ну штаны там, ботинки. Как обычно. Только каждый лелеет сумку на пузе, и тот, четвёртый, кого я так и не застал, ты говоришь — тоже.

И в самом деле, прочитанный под уличным фонарём текст непреложно доказывал: единственная общая черта у всех фартовых игроков, кроме повсеместного употребления одежды, — пестуемый на коленях багаж средней величины. Сумки, портфели или модные мешки с затяжками. Вспомнила я, как опекун седого допрежь всего кинулся забирать оставленный саквояж. Все может оказаться простым совпадением, а возможно, здесь и зарыта собака.

— В «Марриотт»! — приказала я. — Распределим: ты туда, я здесь...

— Сегодня? — запротестовал было Гутюша, потому как анализ записей мы завершили в час ночи, когда вышли из казино и уселись в машину.

— Прямо с завтрашнего дня и начнём. Получается, с сегодняшнего. Через неделю сопоставим наблюдения и поглядим, что получится...

* * *

— Что-то там такое происходит, но что, вот вопрос, — докладывал Гутюша уже через несколько дней. — Пузатый сидел на сумке, то есть не на сумке, потому как требуют сдавать в раздевалку, он сидел на этой, модной, для мужиков, только такой громадной, что ого-го. Гадал на покерном, большая-маленькая, я не стоял над ним, глянул издали, он набил три по самым высоким ставкам, взял на жетоны деньги, а покер сменил на рулетку. Постоял, посмотрел, рожа у него раскраснелась, прямо не рожа, а флаг, уселся за игру.

— Выигрывал?

— Да по-разному. Зигзагами. Больше проигрывал, а деньги на игру были. Напротив встал какой-то и на него уставился, уверяю, так страшно, что у меня волосы дыбом в пятки ушли. А этот сначала ничего не замечал, на одиннадцать поставил, проиграл, наконец увидел того и едва под стол не свалился. Сорвался с места как торнадо, зелёными пятнами пошёл, зубами заклацал, сдуло его со стула чуть не в плевательницу. Полетел к автоматам, играл часа два, монет набил — жуть, там жетоны по десятке, и все время оглядывался. По-моему, до смерти боялся, не наблюдает ли тот снова.

— А как выглядел?

— Который?

— Ну, не пузан же! Тот, напротив.

— Я знаю? Пожилой, среднего возраста. Башка круглая, волосы короткие, такие, перец с солью, рот в щёлочку, вот так...

Гутюша изобразил, я сразу узнала: тот самый, опекун седого! Злобно сжимал губы, седоватый, голова круглая. Кто же он, черт побери, — постоянный страж?..

— Другие к рулетке и близко не подходили, — излагал Гутюша, бросая жетоны во фруктовый автомат. — Я однажды на таком выиграл, ещё не прочь. Ну, больше и рассказывать нечего.

— Увидишь кое-кого: явился седой, играет на покерном. Сходи глянь на него.

Гутюша оставил свой автомат, в который напихал жетонов, и отправился на середину зала. Я играла рядом, тоже на фруктовом.

Гутюши не было довольно долго.

— Озверелец, — заключил Гутюша. — Спятил. Пять раз угадал и ещё хвалится, своими ушами слышал, что у него внутри радиестезия — тоже мне, лозовед нашёлся. Ты, послушай, а вдруг в самом деле что-нибудь того, а? Союз деятелей розги, из тех, что над водой прутиком махают, а после втыкают, где нашли?

Гутюша, понятно, имел в виду не рыболовов с удочками, а лозоведов по воде и металлам. Помнится, некая случайная радиестезистка на улице мне сказала, что ищу зубного протезиста, хотя у меня все зубы были на месте. Всякое бывает, возможно, чёрная, красная, маленькая и большая им сверхъестественным образом открываются.

— Хорошо бы узнать, кто они такие, — подкинула я. — Этот седой — Блендовский, случайно услышала фамилию, посмотрю в телефонной книге. А с остальными как быть? Последить за ними?..

— Можно, — согласился Гутюша, запуская автомат. — Слушай, это ж просто скотина, а не автомат, вообще не желает платить.

— Сериями идёт. То даёт, то нет. Раз уж тут начал, держись этой машины.

— Может, попробовать по одному жетону, а?

— Рискованно.

Гутюша попробовал, и автомат тут же выдал три сливы на верхней горизонтальной линии. Нажал ещё раз и получил три апельсина по вертикали. Снова поставил восемь жетонов и, конечно, продул.

— Я тебя предупреждала.

Автомат злорадно выдал компот, но в нижней горизонтали появился колокольчик и перечеркнул выигрыш.

— Остаётся скрипеть зубовьем, — мрачно констатировал Гутюша.

В другой стороне зала раздались выкрики. Я оглянулась. Конечно же, болельщики окружили седого.

— Сходи посмотри, чего он набил, — поручила я Гутюше. — Мне неохота, видеть его не могу. Наверно, опять надолбил сорок миллионов.

— Малый покер за пятьсот отработал пять раз, — сообщил Гутюша, вернувшись. — Всего на кредите у него двадцать миллионов четыреста тысяч, автомат встал, так что пока не играет. Рядом сидит линялый сморчок и глазеет на него, но ничего не говорит. На кредите пять тысяч.

— Разорят казино. Ну и кто последит за сморчком? Ты или я?

— Могу я. На моем мерзавце автомате можно обанкротиться, лучше уж идти в штат гончим псом.

— Смени автомат, сядь около сморчка, чтобы не прозевать.

— Ты же велела держаться?

— В следующий раз. Иди, он, того и гляди, кончит игру.

Линялый сморчок и в самом деле быстро набил десять тысяч. Нажал аут, автомат начал переброску, а он пошёл за механиком. Гутюша обосновался на стратегической позиции, и они вместе вышли из казино.

Седой получил квитанцию и осатанел вконец. Автомат после каждой клавиши выдавал ему самое меньшее пару, из одной такой пары старый разбойник делал сто шестьдесят жетонов. За две пары получалось триста двадцать. Через полчаса перевалило за сорок тысяч, а он играл дальше. Я оглянулась удивлённая — где же опекун, и увидела его за колонной. Не вмешивался, просто наблюдал со стиснутым ртом и таким выражением лица, что меня холод пробрал. Я перестала обращать внимание на собственную игру, загипнотизированная зловещей атмосферой.

И в самом деле, взгляд опекуна излучал такую злобу, что седой почувствовал. Прервал игру, заёрзал на табурете, беспокойно оглянулся. Мгновение колебался, опекун за колонной не заметил, окружающие его мало интересовали, и потому вернулся к автомату. Посмотрел на кредит, нажал аут, болельщики привели механика, седой взял квитанцию на деньги, я думала, успокоится и уйдёт — не тут-то было. Снова начал играть с тем же результатом, одним фулом загрёб восемьсот жетонов. Разохотился снова, симулируя небрежность, рассеянно долбил красную и чёрную, всякий раз немного выжидая и демонстрируя болельщикам свои успехи.

Опекун за колонной владел собой неслабо. Глаз с седого не спускал, но ничего не предпринял, не подошёл, не вмешался. Перед самым закрытием казино седой выиграл ещё столько же, сколько вначале, слез наконец с табурета и пошёл в кассу. За один вечер взял больше восьмидесяти миллионов złotych. Я чуть не забыла о своих жетонах, уцелевших только благодаря вялой игре, обменяла их в последнюю минуту и успела увидеть встречу этих двоих.

Столкнулись при выходе. Опекун стоял в дверях и ждал, седой заметил его неожиданно. На мгновение словно прирос к полу, покраснел, побледнел, откашлялся и провёл трясущейся рукой по волосам. Опекун торчал в виде каменного изваяния, только посматривал ещё мрачней, чем из-за колонны. Когда седой остановился рядом, тот кивнул в сторону дверей, седой неуверенно вышел, опекун за ним. Вместе подошли к «полонезу» и сели. Я оказалась неподалёку от них. Седой что-то говорил, опекун молчал. На всякий случай я записала номер машины.

И только они тронулись, мне пришлось в голову ехать за ними. Поздно, исчезли, прежде чем я успела дойти до машины, оставленной на противоположной стороне улицы Кручей, к тому же я приехала из центра и

теперь не хотелось разворачиваться. Прозевала, куда они направились — прямо или где-нибудь свернули. Холера. Вся надежда на Гутюшу...

Гутюша не подвёл.

Линялого сморчка проводил до самого дома, довольно далеко — сморчок жил в самом конце Хожей. Отправился лифтом на четвёртый этаж, а Гутюша мчался по лестнице, чтобы не попасться ему на глаза. С пролёта успел заметить, что сморчок открывает дверь своим ключом — значит, его квартира. В списке жильцов значился как Иреней Медзик.

Вернувшись в казино по Вспульной — так ему показалось дипломатичнее, — Гутюша как раз успел к выходу седого с опекуном. Меня не заметил и, не выходя из такси, последовал за ними.

— Один из них живёт на Венявского, — информировал он меня. — Верно, седой, там и застрял, а другой вышел. То есть сначала оба вошли в домик на одну семью, ну, такие, знаешь, неразлей-вода.

Я поняла, что дома натканы густо и между домами совсем тесно. Более или менее знала этот район.

— Кто открывал? — допытывалась я.

— Седой. Второй подержал его манатки. Не разговаривали. Да я и не услышал бы, смотрел из такси, да видно было — пасти на замке. Столпы соляные — не люди.

— Твой таксист не любопытствовал?

— В лучшем виде. Я наплёл, мол, там живёт одна, я к ней липну, да, пожалуй, слишком гостеприимная. Всяких привечает, а я, значит, дежурю, правду ищу.

— Прекрасно. И что дальше?

— Дальше мало. Говорю ведь, вышли, вошли вместе в дом, второй вышел через десять минут. Я смотрел на часы на всякий случай. Удивительно, нигде света не было, ни в одном окне, может, ещё какая комната. А на дверь светил фонарь, так что ключ вставил нормально.

— Второй вышел с сумкой или с пустыми руками?

— С сумкой. Но не с той, а с таким чемоданчиком, гармошкой.

— И что? Куда поехал?

— Вот именно. Никуда. Оставил машину и пешком потопал против одностороннего движения. Таксист, конечно, ни в какую. Я побежал за хмырём, да поздно — пропал из видимости. Ничего, подстерегу в другой раз. Я задумалась.

— Когда ещё будет другой раз! Опекун ходит в казино по пятам за седым. Я во всяком случае иначе его не встречала...

— Был же на рулетке, — припомнил Гутюша. — Если и нет, в чем

дело, подождём, пока седой не явится...

— А когда? Сдаётся, нескоро. Наверно, зарвался, слишком много выиграл, да и демонстрировал, попрдержат его, чтобы утихло. И опекуна, ясно, не будет. Черт его знает, а хотелось бы все же представлять, кто он и где живёт.

— Он к этому седому с визитами ходит, точно, — вывел Гутюша. — По моему графику так выходит. Вечерок-другой почему бы и не поглядеть, а вообще-то интерес имею, выйдет ли седой из дому. Вдруг он там кукует привязанный к калориферу, а рожу пластырем заклепили. Что-то там не того, жареным пахнет.

Ситуация явно захватила Гутюшу, да и меня, признаться, тоже. Мы договорились подежурить вечерами по очереди. Гутюша вызвался начать сразу, а мне продолжить дежурство завтра. Я поостереглась спрашивать, почему он решается растрачивать время и силы на черт-те что. Всякие вопросы такого рода только высветили бы кретинизм нашей деятельности. А мне не хотелось, чтобы он бросил нашу афёру, столь заманчивую для меня. Правда, кто знает, что заманчиво для него, Гутюши.

Выслушав Гутюшин рапорт, я положила трубку и подумала, что вести такие разговоры по телефону — глупость запредельная. Если сама я наслушалась случайно всяких секретов, так же точно кто-нибудь мог подслушивать нас. Мы не называли, правда, имён, но зато адреса., нет, имя тоже — того сморчка, Иренея Медзика. Ну, допустим, некто подслушивал. Что же, он пойдёт к Медзику и за деньги или из чистого интриганства доложит, вами, мол, интересуются некие особы — баба и мужик? Ну ладно, и что? Медзика в наших планах не было, пусть боится нас до чёртиков. На седого, он, по мнению Гутюши, смотрел с омерзением, вряд ли были знакомы. Если отгадает, что о седом шла речь, ну и пусть себе ему сообщает. Ничего удивительного, после сумасбродств в казино седым может интересоваться полгорода, сделал все, чтобы обратить на себя внимание. Кто-нибудь пожелал бы ограбить его, свистнуть у него выигрыш, не мы ведь, так какое мне дело...

Я оставила свои беспокойства по поводу прослушивания и назавтра же пополудни полетела из любопытства снова в казино.

Гутюша явился только в полдевятого вечера. Нашёл меня сразу, был бледен и ужасно нервничал.

— Горчица вся вышла, — выпалил он. — Погасла свечка.

Я оторвалась от игры.

— А что случилось?

— Я тебе не какое-нибудь драное перо, но кошмары по ночам

замучают. Всякие клювы и рыбы зубы — это все чушь собачья. Хорошо, меня прихватило, а не тебя, женщины, говорят, одна нервота, ты бы ещё в какую-нибудь катаплазму въехала...

Я повернулась на табурете спиной к автомату.

— Гутюша, опомнись! Боже праведный, о чем ты!

— Пошли отсюда. А то люди увидят. Минутку, я только освежусь, у меня все ещё мурашки по голове шастают.

Он направился к кельнеру и опрокинул рюмку чего-то. Я тем временем обменяла жетоны на деньги, заинтересованная и озадаченная. Только-только я сообразила, что драное перо означало, видимо, «пух невесомый», что точно соответствовало, согласно стихотворению Мицкевича, нервной женщине, как Гутюша снова появился передо мной. Сели в машину.

— Седого пиратировали. На моих глазах. Погиб технической смертью. Фирменный заказ. Я поморщилась.

— Брось телеграф, говори подробнее! Когда?

— Только что. Я даже «скорую» не стал дожидаться и так далее, издалека видно — не на что смотреть. Народ набежал...

— погоди! Начни сначала! Гутюша закурил, зачем-то выбросил в окно зажигалку, вышел, отыскал её и уселся обратно.

— Сначала так: только я приехал, седой вылез из дому. Было уже почти темно. Едва седой начал улицу переходить, шага два прошёл, как налетела дорожная пиратская громада: машина вдарил в него, как в утиную гузку, правда, седого отбросило, а пират на колёсах затормозил, вернулся и ещё разок его отоварил. Озолоти меня, коли это случайность! Я похолодела. Гутюша глубоко затынулся и продолжал.

— У меня аж горло спёрло, чирикнуть не мог. Был метрах в двадцати. В тёмном месте сидел, как перекрашенная лиса у разорённого курятника. Ужасно. Седого размазало повсюду, а пират этот двинул на кросс, только его и видели.

Поскольку необходимо было перевести Гутюшины слова на обычный язык, я несколько пришла в норму.

— Хочешь сказать, кто-то специально задавил седого и ещё для уверенности по второму разу проехался? Кто это?! Машина какая?!

— Самосвал вообще-то. Строительный. Семь тонн. Без груза, ничего не высыпал.

— И сбежал?!

— Ещё как. Говорю тебе, лучше людоедов-акул каждый день смотреть в кино. И пускай расклюют нас вороны да чайки.

Где-то краем сознания я уловила Гутюшины ассоциации: «Челюсти» и

«Птицы» Хитчкока. Сцена наверняка была ужасная, хорошо, я не видела, насчёт впадения а катаплазму, то есть в каталепсию я сомневалась, но сниться могло долго.

— И не пьяный?

— Кто?

— Шофёр самосвала.

— Понятно, пьян в стельку, в полной программе. У трезвого бы рука дрогнула. А сматывался слаломом от фонаря к фонарю.

— Ужасно. И ты действительно уверен — не случайность? Намеренно и с умыслом?

— Ну а как? Будь один раз — могло просто занести, так ведь вернулся и дублировал. Ну видишь, как финишировал этот седой после своих бесконечных дублей...

Я помолчала, быстро, лихорадочно соображая. Выводы пришли сами.

— Теперь уже ничего не поделаешь, выследить опекуна необходимо. Если не его рук дело, то я архиепископ.

— А мне пришло в голову, вдруг кто из казино, — предположил Гутюша, рассматривая будку сторожа на автостоянке. — Не впускать его нельзя, а доил с них огромные деньги. Этот седой им ушами уже выходил, вот и раздавили пиявку раз и навсегда. Не знаешь, кто там в коноводах?

— Понятия не имею. Сильно подозреваю, заправляет всем сам опекун. Дважды прерывал ему игру...

Гутюша оживился и оторвал взгляд от будки.

— А знаешь, это мысль! Возможно. Ну и того, тем более, ты права, надо его выследить!

На этом все и застопорилось. Гутюша в свидетели не рвался, и я поддержала его. Больно уж все опасно, и обращать на себя внимание вовсе не выглядело верхом рассудительности. Что-то у нас не получалось, прежние структуры, видать, долго ещё будут аукаться, а мы оба ещё хотели малость пожить...

* * *

«Полонез», номер которого я записала, принадлежал седому, светлой памяти, покойнику. Я подозревала, что принадлежал ему номинально, а de facto служил кому-нибудь совсем другому, но кутерьма у нас с машинами такая, что докопаться до истины куда сложнее, чем провести все следствие целиком. А уж если седой дал кому-нибудь доверенность на пользование

или продажу, так доверенное лицо уже могло продать машину и исчезнуть бесследно, ибо в договоре числился только официальный владелец; можно доверенность выбросить к чёртовой бабушке, и гуляй — не хочу. Никто про него не дознается до скончания века.

Я попыталась навести справки насчёт дома на Венявского и после бесконечных хождений, мучений, используя всяческие ещё давние знакомства, узнала: недвижимость принадлежит некоему Витольду Ключко, пребывающему за границей лет двенадцать. Налоги платит, имеет право делать с домом все, что ему заблагорассудится, или вовсе не возвращаться. А временно прописан был некий Чеслав Блендовский, оный-то как раз и помер, а значит, уже не прописан.

У меня в глазах потемнело от всех этих крючков и закавык, и с нервов я побежала в казино.

На девицу обратила внимание только потому, что она сидела за моим любимым автоматом и мне пришлось выбрать другой. Пока я усаживалась за фруктовым, услышала знакомый звук и взглянула, что эта полоумная делает. Пробила каре, играла по пять, набрала уже тысячу двести и лезла дальше — ведь все ухнет. Я смотрела на неё с ужасом: она довела игру до конца, автомат отсчитал четыре восемьсот. Отправилась за механиком, вернулась, села на табурете — пришлось подождать немного, девица раскрыла сумку на коленях, достала сигареты, закурила и отвернулась в поисках пепельницы. Я знала её, никаких сомнений. Знала — не знала, но видела. Кто такая и где я её встречала?

— Посмотри только, как она гадает, — завистливо провила кладбищенская гиена у колонны. — Состояние делает на пробое, вчера взяла восемьсот штук вон на том автомате, и теперь опять. Как это у неё выходит? Посмотри-ка...

— Вот ещё, смотреть, — перекосился собеседник гиены. — Пошли, раз не на что играть.

— Сейчас. Посмотри. Опять...

— Да пошли же.

Ушли наконец. Я устроилась за автоматом, откуда хорошо было видно девушку — необходимо вспомнить, откуда я её знаю. Где же я видела её, черт побери?! Что-то в ней задевало, будто она связана с чем-то важным, только с чем? С чем-то страшным? С каким-то событием?..

И только когда она характерным движением взъерошила волосы, я вспомнила. Господи, да ведь это же Пломбир!!! Подружка того манекена из подвала, приятеля покойного недоумка! Конечно же, и хоть я только раз её видела, она запечатлелась в памяти очаровательной не правильностью

фигуры. Играла просто не правдоподобно, была красную и чёрную, не сомневаясь, и всегда с результатом, верно, экс-хахаль с того света подсказывал...

И вдруг мне сделалось не по себе, под ложечкой засосало. Голова как-то не особо участвовала в мыслительном процессе, казалось, думает все тело: печень или пятка мгновенно подбрасывали очередные сопоставления. Пломбир, приятель недоумка, сам недоумок, странные махинации с итальянским автоматическим ломом, автоматы, разобранные на «чипы пэ», что-то он знал, и в голове у него не укладывалось, автоматы вообще, этот постоянный фарт... О, провалились все пропадом!!!

Беспокойные, взбудораженные мысли поползли от печени вверх и засвербили в темени. Тело, душа все понимали, а ум отставал. Гутюша прав — это же электроника.

Нет уж, на сей раз не отступлюсь. Обанкрочусь, с голоду помру, пойду мыть окна в железнодорожных вагонах, но дознаюсь, в чем дело. Все разую, проверю, иначе сосущая неопределённость добьёт меня окончательно. Конечно, необходимо все спокойно обдумать, однако интуиция весьма сомневалась в результатах...

Через два дня я упрямо сидела за моим любимым автоматом, никого из наших подопечных не было, зато за моей спиной раздался женский голос.

— Добрый вечер, пани. Я вас знаю... Я обернулась — Пломбир!..

— Добрый вечер. — Я постаралась скрыть волнение. — Я вас тоже знаю, видела однажды. И слышала о вас. Вы Пломбир?

— Я так привыкла к этому прозвищу, что почти забыла, как меня в самом деле зовут, — улыбнулась она. — Как платит?

— Ни то ни се. Я вас видела здесь два дня назад.

— Да, я бываю время от времени. На дубле здесь больше всего можно выиграть. Вы не рискуете?

Я пожала плечами.

— На пробое как раз больше всего проигрываю, у меня особый талант угадывать наоборот. А я заметила, что вы выигрываете безошибочно. Как вам это удаётся?

Пломбир помолчала. Подвинула табурет и села рядом.

— Сделаю вид, что наблюдаю за вашей игрой, хорошо? — сказала она вполголоса. — Простите, но..., я боюсь.

Я чуть не позабыла про игру.

— А что случилось?.. Чего боитесь?..

— Боюсь всего и боюсь вам сообщить кое-что. Я увидела вас два дня назад и подумала, а вдруг да вы... Не уверена, разговаривал ли Стшельчик

с вами, то есть я уверена, что разговаривал, вот только что он сказал... Если вы скажете мне...

Она замолчала. Я обернулась к ней. Выражение лица странное: отчаяние, страх, подавленность и неуверенность, но ещё и упрямая решимость. Меня залихорадило.

— Да? — спросила я осторожно и приветливо.

— Мне велели узнать, что он вам говорил.

— Кто велел? Что значит велели?.. Пломбир подождала, посидела молча.

— Да есть такие. Умеете вы молчать? Докопайся кто-нибудь, о чем я тут говорю, считайте, меня уже нет в живых. Не шучу и не преувеличиваю. Обыкновенный несчастный случай: под машину попаду или по ошибке отравлюсь чем-нибудь. Я бы сбежала, да денег ещё мало. В Канаду.

Ничего себе ситуация! Бегство в Канаду я поддержала бы всячески, независимо от причин, но суть, видимо, в ином. Она явно была во что-то посвящена и хотела мне сообщить. Пожалуй, и я потом попаду в аварию или отравлюсь, но не отказываться же из-за этого от тайны. Молчать я умею, да, все время молчу, если не считать Гутюши...

— Сяду потом на ваше место, — сказала Пломбир, прежде чем я успела заговорить. — Объясню, сидела здесь, потому что вы собирались уходить, так я ждала автомат. Вам придётся скоро уйти, извините, пожалуйста, не навлекайте на меня опасность.

У меня мелькнуло было подозрение, что весь разговор она затеяла с целью завладеть автоматом — два других заняты, — но я опомнилась и заверила, что слова нигде не пророню, и вообще, в чем же дело?

Пломбир подседа ближе к автомату, поставила сумку на колени. Достала сигареты.

— Дублируйте эту комбинацию, — посоветовала она шёпотом. — Ну вот! Будет красная. И в самом деле появилась красная.

— Ещё раз! — велела Пломбир.

— Красную?

— Да.

Снова вышла красная.

— Теперь чёрную до конца — три раза! Я послушно нажала чёрную. После пятого пробоя автомат выдал сто девяносто два жетона и перевёл на кредит. Мне сделалось жарко.

— Теперь играйте по пять и все дублируйте. Я вам скажу, что выйдет. Потом, выиграв, вы уйдёте, надеюсь, никто не удивится.

— Каждый удивится, ушла с выигрышем вместо того, чтобы ждать

большой покер, — возразила я, выполняя её подсказки.

Миллион я набила без всякого труда. Поколебалась — уж очень ровное число, зато оправдывает мой уход. Обернулась вопросительно к девушке.

— Нет, поиграйте ещё немного, а я кое-что скажу. Теперь вы соучастница преступления.

Тут я не сомневалась ни капельки. Гутюша отгадал все уже пару недель назад, а с позавчерашнего дня я догадывалась даже, на чем махинация держится. Меня только ужасно интересовало, как они это сделали, интересовала и сама девушка.

Она снова отодвинулась от меня и сказала вполголоса:

— Больше не дублируйте, я помогать не могу — опасно. И не гадайте. На меня не обращайтесь внимания. Я боюсь встретиться с вами в другом месте. О Блендовском знаете?

Я кивнула. Пломбир явно запугана, ищет помощи. Почему у меня?..

Пломбир, словно угадав мои мысли, объяснила сразу же.

— Я о вас много слышала от Стшельчика, пусть земля ему будет пухом...

И тут я вспомнила фамилию недоумка.

— ..они меня втянули, думали, очень информирована. У вас есть какие-то связи, хотя бы Валленрод.

— Какой Валленрод?

От неожиданности я ошиблась и нажала дубль вместо кредита. Вопреки намерениям нажала чёрную, и чёрная вышла почему-то, хотя, по моему мнению, должна выйти красная. Просто не та клавиша, обязательно должна быть красная, и опять нажала чёрную. Вышло. Вот черт. Пломбир предостерегающе шикнула. Я прямо развела руками.

— Простите, пожалуйста, я думала будет красная, и всегда попадаю как раз наоборот. Проиграть это?

— Хорошо бы...

Должна же когда-нибудь появиться чёртова красная. Я то и дело нажимала на чёрную, после пятого выигрыша автомат перебросил на кредит. Мне сделалось не по себе.

— Даю вам честное слово, уверена была в красной! Черт все побери, больше не дублирую! Пусть дойдёт до миллиона, выгребу и пойду себе.

На кредите мигало больше тысячи трехсот. В голове мелькнуло таким проблеском — может, есть специальный метод — нажимать наоборот... Пломбир вздохнула и примирилась.

— Это мы так его называли. Казик и я. Конрад Валленрод [\[3\]](#). Казик сообщил о нем почти в последнюю минуту: кто-то путается около вас. Не

знаю, как его зовут, но, по-видимому, он крепко завяз в афёре.

Мать Божия. Конрад Валленрод, двойной агент... И где-то около меня, караул! Кто это такой, ведь не Гутюша же!..

— Он вышел из ведомства для видимости, — продолжала Пломбир с отчаянием. — Больше нечего сказать о нем... А махинация вот в чем: сделали такую штуковину, электронную, я этого не понимаю, но штуковина настраивает автомат на красную или чёрную, как захочет. Другая штука делает маленькую или большую. Устанавливаешь сам, это у меня в сумке, сейчас не работает, я отложила сумку подальше, а надо держать близко к автомату, сантиметрах в двадцати...

Не поворачивая головы, я бросила горящий взгляд на её сумку — девушка сняла её с колен и пристроила на полу. Господи помилуй, эти портфели, саквояжи, торбы!..

— Мне дают эту штуку время от времени и "назначают, сколько могу выиграть. В принципе до десяти миллионов, у «Марриотта» — до ста, не больше, половина им, половина мне. Блендовский выпендрился, не унимался, он меня и привлёк вообще-то, поэтому так боюсь...

Я мобилизовала все свои растрёпанные мысли.

— Кто вам даёт прибор? И вообще, как все организовано?

— Не знаю. По телефону звонят — прихожу в дом, где жил Блендовский, и там один гад даёт мне свёрток, а на следующий день он же забирает деньги. Они всегда в курсе, сколько я выиграла — есть, видно, свой человек в казино. Я не из посвящённых, случайно попала по договору. Вляпалась, честно вам признаюсь, просто подзаработать хотела, а теперь боюсь ужасно... В милицию не пойдёшь, извините, в полицию, ведь никогда не известно, кто у них там остался работать из этой шайки. Вы же понимаете, они все повязаны... Шестерёнки у меня в голове завертелись. Подозрения, предположения, неясные выводы — все оказалось правильно. И сопоставления тоже.

— Лаборатория на Праге у них была? — спросила я вполголоса и расслабила мышцы физиономии — поймала себя на том, что изо всех сил стискиваю челюсти. Пальцем показала на экран, где ничего интересного не было, просто из предосторожности. Если кто-нибудь подглядывает, пусть думает, что мы комментируем игру.

— У них все на Праге. Там здание рухнуло, а подвалы сохранились. В последний момент смотались, не представляю куда. О Казике мне сообщили, отравился, дескать, какими-то испарениями, сам, мол, нарвался, лез куда не следует, и мне о нем лучше забыть.

— Кто это вам сказал? Едва ли нам ещё удастся встретиться, даже и

здесь, надо обо всем договориться.

Девушка вздохнула.

— Если бы я что-нибудь знала! Раз только встретила одного подлеца с проседью, его зовут Рука, фамилии не удалось выяснить. Принимает в квартире Блендовского, ездит на машине Блендовского, а Блендовский погиб. Но этот, с проседью, не шеф.

— А кто?

— Неизвестно. Кто-то, кто сидел на самом верху, имел доступ ко всему. Предвидел перемены в стране, вычислил, когда точно произойдут. Был шефом и остаётся им. Не представляю, как он выглядит, а вот Крысу знаю. Вы насчёт Крысы ориентируетесь?

— Наслышана, нед... Стшельчик мне говорил.

— Он вышел на пенсию досрочно, работает по договорам. По профессии электронщик, я случайно слышала — следит за всеми этими приборами.

Чуть заметным движением она кивнула на свою сумку. Я решила прекратить расспросы — слишком много неясностей и в главном и в деталях, а инстинкт подсказывал — дальше разговор не продолжать. Я нажала аут, не глядя, что на кредитке.

— Садитесь на моё место. Я ещё чуть-чуть посижу около вас, сделаю вид, будто слежу за игрой. Где механик?..

— Только осторожно, — прошептала Пломбир. — У них тут явно подсадная утка. Рука всегда в курсе, каков выигрыш до последнего гроша...

Я не села с ней рядом — в казино никогда такого себе не позволяла, не следовало этого делать и теперь. Стояла за спиной у девушки и смотрела на экран.

— Как им сказать насчёт Стшельчика, о чем он вам сообщил? — спросила она тихо, по видимости, абсолютно занятая игрой.

— Ничего. Мы болтали о литературе все восемь лет знакомства, поскольку он сочинял всякую графоманскую белиберду. Как-то забеспокоился насчёт коллеги, который куда-то исчез, а я почти не обратила внимания и больше ничего на сей счёт ведать не ведала...

— Нет, — прервала моя собеседница, — они слышали, как он вам звонил и что говорил по телефону. Надо подробнее...

— Если слышали телефонный разговор, прекрасно ориентируются, что ничего не сказал. Только собирался. Когда я пришла, он уже умер. О коллеге говорил дважды: сперва упомянул — пропал, мол, приятель, а во второй раз сообщил мне, что видел тело. Я рассказала ему, когда мой сослуживец обследовал участок и здание на Праге для проекта, наткнулся

на труп, и Стшельчик заключил: возможно, это его коллега. Все удивлялся и ничего не понимал. Я тоже. А следующий разговор был как раз по телефону, вот я и осталась в полном неведении. Все остальное время обсуждали его произведения, планы будущих творений и так далее. До последних двух встреч это святейшая правда, так что можете развернуть, как вам покажется нужным, а меня представить кретинкой.

— Кретинка из вас никак не выйдет, а все остальное передам. Вы в абсолютном неведении. В случае чего, как вас найти?

— По телефону. Случается и работает. И договоримся раз и навсегда: через двадцать минут после звонка встречаемся здесь у автомата, если здесь уже закрыто, то в «Марриотте». Разве только понадобится время сразу что-нибудь прокричать. А вы мне дайте свой телефон. Само собой, разговаривать будем про всякую общедоступную дребедень...

Я оставила девушку и ушла из казино, от обилия впечатлений не сообразила отправиться поиграть где-нибудь ещё.

Гутюша явился сам на следующий день, нашёл меня около фруктового автомата и сел рядом. Я тут же передала все, что узнала от Пломбира, не говоря об источнике. Гутюша слушал, и его мимика отражала восхищение, недоверие, подтверждение подозрений. В конце концов, энергично покрутил головой.

— Валленрод?.. Стало быть, втёрся к врагу и притворяется? В любом случае не я — никуда не втёрся, разве что в архитектурно-проектную мастерскую, но мы электроникой не занимаемся. Ты лучше подумай: тот твой экс... Ну, тот... Ниточка-иглочка...

— Что?..

— Ну, может, иглочка-ниточка. Или гулюшки-гули.

Сначала я подумала, Гутюша, верно, спятил, а потом залилась краской.

Именно эти подробности про Божидача я всячески скрывала. В самом начале знакомства до меня случайно дошло, что в интимных контактах дамы ластились к нему совершенно по-идиотски, какими-то младенческими гули-гули, ниточкой-иглочкой, воробышком, котей-лапой и прочим. В довершение всех бед выяснилось — он сам все это для себя придумывал. Подобные глупости, разумеется, я держала в строжайшей тайне, отчаянно надеясь, что никто об этом не проведаёт, хотя сама как-то видела: точно так подписывался в письмах к какой-то идиотке. Ещё немного, и меня гулями и гулюшками можно было бы шантажировать. Взрослый мужик, метр восемьдесят, физиономия с рекламы супермена, с железной серьёзностью называет себя птенчиком — это решительно выводило меня из терпения. Я понятия не имела, что за ниточка-иглочка,

но сами слова бессмысленны, не говоря уж об увековечивании в письмах всей подобной несусвети! Откуда, черт побери, Гутюша мог пронюхать?..

Я молчала, совсем языка лишилась. Гутюша слегка засмутился.

— Так его, говорят, называли. Вроде бабёнка какая-то рассказала. Я думал, может, ты...

— О Господи...

— Нет?..

— Нет!!!

— Ну, не моё дело. А был такой?

— Был. Нету его уже.

— Помер?

— Нет. Пожалуй, нет. Ничего на эту тему не знаю. Он меня бросил, и я потеряла его из виду.

— И уже больше около тебя не увивается?

— Нет.

— Ну, тогда вообще не знаю. Сама говоришь, будто говорят, около тебя вьётся тот, Альдонии [\[4\]](#)...

Гутюшины дедукции импонировали, только откуда я ему достану Валленрода? Божидар отпадает — уже скоро год, как мы расстались, а делишки крутятся актуальные, пылью не покрытые. Надо мне поразмыслить, с кем я вообще разговариваю, особенно на эту тему... Абсолютно ни с кем уже много месяцев, только с Гутюшей...

Я вспомнила наш телефонный разговор.

— Кто около меня отирается, решительно не знаю. Не исключено, кто-нибудь нас подслушал по телефону, когда ты говорил о сморчке, об этом Медзике. Не тут ли собака зарыта? А не Подслушивают ли все мои телефонные разговоры?.. Но детали мы только однажды обсуждали с тобой по телефону.

— По телефону никто не вьётся, — рассудил Гутюша. — Лично должен виться. Постой, подумаю, не слышал ли я чего?..

Некоторое время мы молча тыкали в клавиши, не обращая внимания на эффект. Гутюша задумчиво пробил три сливы, выиграл и как будто очнулся.

— Ага. Знаю. От приятеля. Старое дело, года три прошло, а то и четыре. Один тут вылетел из милиции, потому как больно вникал во все, здоровый, то есть по болезни — придумали ему там, что надо, чтоб получал пенсию и никому дыру в голове не вертел. Только поди уволь козла из огорода — знакомства у него остались, кто попорядочнее, всегда ему все скажет, вот он этак тихонечко, из угла, руку на пульсе и держал всегда. Мне

сдаётся, и посейчас держит, только вот не уловлю никак, кто это. Может, как раз твой?

— Мой. Мне бы тоже не мешало уловить, чем владею.

— Тогда подумай, кто за тобой приударяет, — выдал Гутюша поразмыслив. — Если кто приударил, он и есть. Посчитай их всех.

Гутюша меня явно переоценивал, долго считать не приходилось, едва трое, четвёртый маячил где-то на периферии. Его-то я как раз и предпочла бы, да он явно задерживался с выходом на ристалище, а жаль... Из первых троих ни один не годился вообще ни на что, а кроме того, ни с нем сенсации не обсуждала. Отпадали все кандидатуры. Валленрод, если существует в самом деле, законспирировался не на шутку.

И вдруг я вспомнила другой телефонный разговор.

— Представь, возможно, слышала, как он именно вылетал, — сообщила я Гутюше. — Я встряла случайно в чужую связь и запомнила разговор, хотя наверняка не один такой вылетел, а я попала на кого-нибудь ещё.

— Ясно, не один полетел. Кто чересчур вникал, того и сплавляли подальше. Клика одна осталась, а порядочные люди — или стой на задних лапах, или вон. Погоди-ка, похоже, стоит попытаться ещё кое-что за хвост поймать...

— Ну?

— Мне сдаётся, началось уже давно, несколько лет назад. Всякие дела, про которые ты говорила, и трупы, напиханные черт-те где, все не без причины. И я тогда влип, то есть вместо меня Юзеф, точно, из-за бриллиантов начался переполох, а Юзефа я им не прощу, вот только одно удивляет, почему оставили в покое? Ведь не убили же меня?

— А зачем тебя убивать, все выяснилось: к камням не липнешь, плюнул, вот и оставили...

— А из мести?

— На месть им начхать. Никакого навару. У них в башке одни барыши, начали уже жульничество с автоматами, а не какие-то романтические эксцессы. Так мне кажется.

— Пожалуй, тебе хорошо кажется. Стой, мы темп сменили. То есть нет, смысл. То есть меня интересует, какой след взять.

— Именно, ты говоришь, видишь другой след. Какой же?

Гутюша помолчал с минуту.

— Если по правде, не все тебе сказал. Надо по очереди проанализировать. Таковую резюмпию сделать, понимаешь, в хронологическом порядке. Что происходило в прошлом году, кто что делал,

что мы разведали и так далее. Надедуцировать побольше. У меня в башке балаган, а вдвоём мы мигом все сварганим.

Я всячески поддержала такой план. Вспомнила свой список на листочках в клетку, валяется где-то дома, я ничего не выбрасываю. Может, и пригодится.

— Приходи-ка ты ко мне, Гутюша, в гости, как человек. Запасёмся пивком, подумаем, даже запишем, если понадобится. Однажды письменно у нас здорово вышло, вдруг снова получится. Прямо завтра, лучше всего в шесть, пообедай где-нибудь по дороге, я глупостями не занимаюсь. Идёт?

— Вполне, только вот не уверен, не наткнушь ли снова на того..., возьмёт ещё на бордаж... Ну, на того..., какого-то такого...

— Окстись. Серьёзно же, его нету. В шесть. Договорились?

Гутюша кивнул и занялся автоматом.

Сосед позвонил, когда в кухне перегорела лампочка. Едва успела подумать, лезть ли менять самой или бежать за сыном, которому рост очень облегчал потолочные манипуляции. Я тоже могла влезть на стремянку и, балансируя на последней ступеньке, сменить лампочку, но предчувствие неизбежного полёта отбивало охоту к такой гимнастике. Мелькнула ещё мысль о Гутюше, который, как бы там ни было, имел передо мной преимущество в целых пятнадцать сантиметров и должен вот-вот появиться, когда зазвонила моя дверная побрякушка.

Сосед принёс мне воду. Мы договорились на веки вечные — он приносил мне наверх минералку, а я, когда случалась оказия, покупала ему мясные полуфабрикаты. Поскольку себе покупала то же самое, это не вызывало никаких затруднений, а доставка тяжелых бутылок с минералкой по лестнице оказалась для меня услугой бесценной. По-моему, сделка была выгоднее мне, но он не жаловался.

На тёмную кухню сосед сразу обратил внимание.

— Перегорела? Я кивнула.

— Заменить?

Я закивала с энтузиазмом.

— У вас есть запасная или принести? Я открыла шкафчик в прихожей.

— Я себя обезопасила ещё с дефицитных времён, когда давали по две лампочки, а дома уже приходилось обходиться свечами. Только, пожалуйста, не упадите с лесенки.

— Нет, с лесенками у меня все хорошо. Ему не пришлось подниматься даже на последнюю ступеньку — с предпоследней вполне достал. Я взяла у него перегоревшую лампочку и выбросила в мусорницу, кухня осветилась.

Чёртова лесенка, лёгкая и вполне удобная, имела один недостаток.

Последняя ступенька представляла собой небольшой мосток, при разводе лестницы он заскакивал в подпорку и заклинивался намертво. Чтобы сложить снова, следовало мосток из подпорки выбить, а для этого приходилось колошматить кулаком изо всех сил снизу. Всякий раз у меня рука оказывалась в синяках, стремянка сопротивлялась сколько могла, и я добивалась своего исключительно яростью, в общем, процедура не из приятных. А выбивание мостка из подпорки кем-то другим составляло дополнительную выгоду.

Сосед бесспорно превосходил меня физической силой. Двинул разок, выскочило и сложилось все само собой.

— Не знаю, в чем дело, но неодушевлённые предметы лучше слушаются представителей мужского пола, — заметила я глубокомысленно. — Дело даже не в силе, а скорее в подходе...

— А вот говяжьи зразы, например, куда охотнее покоряются женщинам, — засмеялся он и облокотился на сложенную лестницу. — Знаете, мне с самого начала показалось, что я вас где-то видел. Наконец припомнил.

— Ну и где же?

— Несколько лет назад пани бывала во дворце Мостовских и в Управлении милиции.

— Господи прости, так вы работали в милиции?!

— В милиции, отдел убийств. Ушёл на пенсию — сказались всевозможные контузии ещё с юности. Могу работать самое большее на полставки, никогда не известно, не отзовётся ли что-нибудь в самый неподходящий момент.

В мгновение ока я почувствовала себя, как подхлестнутый конь на бегах. Ладно, согласна: ну не конь, ну кляча... — И почему только вы сразу не сказали?! Я должна с вами...

В этот момент позвонил Гутюша.

— ..поговорить! Ладно, не сейчас. В ближайшее время... Привет, Гутюша...

Сосед вышел из кухни с лестницей. Гутюша остановился, глядя то на меня, то на него. Я вдруг вспомнила его опасения.

— Нет, Гутюша, это не то. Этот пан — мой сосед...

Сосед недоумевающе посмотрел на меня. Я вспомнила, как Гутюшу однажды уже сочли за поклонника, когда встретился с Божидаром.

— Нет, это не то, — повторила я заодно и соседу некстати — дело принимало нежелательный аспект. Начни при мне увиваться хахаль, прощай соседская помощь, ни один мужчина не согласится делать чёрную

работу для пристроенной бабы, хотя, с другой стороны, какого черта я без всякой надобности влезаю в деликатные вопросы, к тому же ничего интимного в появлении Гутюши нет, и вообще, к черту, совсем запуталась, при чем здесь чёрная работа?!..

Все это пронеслось в секунду, я занервничала, и продолжение прозвучало так:

— С вами совсем осатанеть можно! Хватит этой кретинской болтовни!

И растерянно поперхнулась: никто из них и слова не промолвил. Оба молча пялились на меня. Ситуация сложилась без малого пиковая, следовало быстро сменить пластинку.

— Позвольте вас представить, — начала я высокопарно. — Гутюша, этот пан — мой сосед, сверхчеловечески услужливый и для меня — просто сокровище. Отдайте наконец лестницу. Гутюша — мой приятель целый век, когда-то мы вместе работали, он мой близкий друг. Можете познакомиться как нормальные люди, а если что, все равно дома у меня дуэльных пистолетов не водится, разве что ножницы для разделки птицы да ещё ножовка. Ну, хватит!

Эффект был молниеносный, не столько от элегантной речи, сколько от последнего окрика, вырвался он, надо признать, в сердцах. Оба согласно вздрогнули, возможно, я сработала как петарда.

— Мы знакомы, — поспешил сосед, протягивая из-за лестницы руку Гутюше. — Мимоходом, но все-таки. Очень приятно...

Гутюша сунул руку столь стремительно, что ладонь пролетела мимо, и они пожали друг другу запястья. Выглядело это так, словно готовы были схватиться за что угодно — за колени, за уши, только бы избежать бабской глупости.

— Ну конечно же, — горячо подхватил Гутюша. — Через Вицека, наверное. Мне очень приятно.

— Не буду мешать. Всего доброго... Я поблагодарила соседа, закрыла дверь и перешла с Гутюшей в комнату.

— Ну вот, теперь голову себе сломаю — кто такой этот мужик и где я его видел, — нервничал Гутюша. — Через Вицека точно, только, боюсь, я тогда напился...

— Да ведь ты редко наливаешься?

— Редко. Но случается. И вовсе не уверен, что и все не были под тяжёлой мухой. Ну ничего, позвоню Вицеку и спрошу. Кто он такой?

— Кто? — Да этот твой сосед.

— Когда ты позвонил, он как раз сообщил, что бывший милиционер. Пенсия по инвалидности. Больше ничего не успела выяснить. А что?

Гутюша уселся на тахту и тяжело вздохнул.

— Мелькнул в тумане. Портрет, значит, замаячил: вроде ничего особенного, но что-то было. А может, слышал что. Постараюсь вспомнить, а не удастся, ты при случае спроси. Он как-то вписывается.

— Куда?

— А везде.

Я сумела одновременно повернуть два противоречивых жеста: апробировала домысел Гутюши кивком и неуверенно пожала плечами. И подсунула ему блокнот в клеточку.

— Вот, почитай список фактов, а я тем временем организую приём.

Приём состоял из многочисленных банок пива и нарезанного на кусочки плавленого сырка. Гутюша, внимательно изучающий мой труд, поднял голову и посмотрел на пищевые продукты.

— Понимаю, была когда-то при одном муже, а теперь без второго, — задумчиво изрёк он. — А все из-за жратвы.

Мне не улыбалось носиться взад-вперёд на кухню. За новыми банками пива в холодильнике мог сходить Гутюша. И я спокойно расположилась в кресле.

— Думаешь, любой кандидат в мужья, принятый подобным образом, поспешно ретируется?..

— Нет, не то. Мужик балдеет, когда затмение любви на него свалится, вроде ребёнка малый. Думает — нет, вовсе ничего не думает, — ему только кажется, что и мясо, жаренное на решётке, просто так появляется само собой... А ты обязательная...

— Совсем очумел?!..

— Да нет, я ведь вижу, как ты работаешь. И всякие там обязанности, долги и так далее. Ты и сама бы считала, что ниже среднего его обслуживать нельзя, вот он и отбрасывает тебя сразу, потому как на горшки кухонные не молишься, в глаза бьёт.

— Не дури голову, я тебе не рабочая столовка! Сказала ведь — пообедай где-нибудь!

— Так я и пообедал, ничего такого не ждал, только сейчас...

Я разозлилась.

— Гутюша, перестань меня травить ерундой, разлей пиво и отдай бумаги. Работать надо! Махинации разоблачать, а не мои замужества!

Бумага в клетку оказалась в высшей степени полезной. Сразу же выяснилось, что все детали, сообщённые Гутюше, я чрезмерно сократила, о многом он вообще не догадывался. Я постаралась наверстать упущенное, сожалея, что не пригласила на эту конференцию Павла, но Павел после

каникул в Швеции повзрослел, переехал от Зоей и занялся делами. Наркоаферы вылетели у него из головы.

— А что, у тебя началось с наркотиков? — комментировал Гутюша. — Я вижу, тут не хватает двух кубиков. Первое ргімо, этот папаша, хапавший русскую коноплю, — кто он такой и что делает теперь? — Павла прищучу, чтоб приятеля прищучил. — Я вырвала из блокнота следующую страницу. — Здесь по пунктам запишем, что сделать.

— А ргімо второе, эти голодранцы приبلудные — парень и девчонка — исчезли, а дальше? Лично меня интересуют. Продолжение следует?

— Я не слышала, не появлялись. А с ними связан ребёнок и все остальное...

— Надо по очереди и методично, — напомнил Гутюша. — Не сваливай все в одну кучу — опять запутаемся и получится Мамаев курган. Малец сюда привязан — факт, и тоже его нету, а это подозрительное дело...

— Я попробую съездить туда и порасспросить...

— Погоди. Давай закончим с наркотиками. Сразу сообщу, о чем мне известно...

— А, у тебя ведь был один, покрадывал и себе чуток в кармане оставлял, — встряла я снова, мы все время друг друга перебивали. — Что с ним сейчас?

— Как раз и хотел сказать, да ты тормознула. Этот законопатил. Если честно, в самом деле не ведаю про его променады, но деньгу зашибает огромную, говорит, мол, выиграл в бинго, черта с два ему поверю хоть на фертель. Он не из тех, кто выигрывает, слепой фарт за ним не бегаёт. Вот всякие прочие зёрнышки подозрительные на зуб все время и пробую...

Я сосредоточилась. Гутюша явно входил в раж, и все труднее до меня доходила его словесная акробатика. Пришлось мобилизовать все свои серые извилины.

— ..он, паскуда, чересчур много знает. Я и волоса с головы не дам, не сидит ли он на шантаже...

— Ох, Гутюша, вот что было бы по первому разряду!

— Что именно?

— Шантажировать шантажиста... Гутюше больше ничего не требовалось объяснять, рассуждать он умел, хотя словесное выражение отличалось большой оригинальностью. Загорелся идеей и развил её с ходу. Материала на шантаж маловато, правда, но возможности-то есть и следует их использовать. Гутюша велел записать идею очередным пунктом.

— Надо проверить при случае, что там, на Праге, делается, — заметила я. — Диву даюсь, что сама не съездила, да руки не доходили и

вылетело из головы. Ну, может, из головы и нет, а вот времени не хватало.

— Я проверил. — Гутюша открыл очередную банку пива. — Подрядчик сидит на строительстве, я сходил, посмотрел из любопытства. Ничего нет, но было, а теперь уже после двери все демонтировано.

— А что было?

— Апартаменты. Три комнаты имели, да что говорить — прямо покои, а не комнаты, под развалинами уцелели, и ты была права, щебневый развал держался на сводах, а когда обсыпалось около вентиляционной трубы, образовалось отверстие, они снизу могли не заметить. Сопляк подсматривал сколько влезет, да, наверное, оступился, зашумел, ну они и зашевелились. Слушай, сразу уж скажу: ищут мальчика.

Прозвучало это довольно таки зловеще.

— Ну, — торопила я. — И что?

— Да трудно сказать, с подрядчиком поболтал. Не знаю, как все это связано, но получается, подонки его ищут не потому, что неприятности с его исчезновением кончились, а наоборот, все впереди. Черт бы побрал этого сорванца, и пусть бы уж отцепились от него. На всем этом жуть висит и свинство.

— Он видел нечто важное, его все ещё боятся, — забеспокоилась я. — Что бы это такое могло быть?..

— Вот именно, меня тоже заело, что он видел. Вот я и глядел. Кабы ничего не знал, ничего бы не понял, но я кое-что знал, потому и понял. Следы оставили, правда, мало что, фотоэлемент был — глаз в этой прихожей или как там её назвать, где ты за дворничиху сошла. Механическая вентиляция. Вода, свет, газ, консоль, подключённая к сети, верно, не хотелось им сматываться с насиженного места и всякое такое, словом, я сделал вывод. Наркотики — да, героин делали, но это все — малое пиво; на мой глаз, мастерская оборудована всем необходимым по изготовлению приборов для воздействия на игральные автоматы и процветает, словно «розы цвет» плодоносит...

Какую-то долю секунды я созерцала огромный арбуз, созревший на розовом кусте, однако действительность придушила воображение. Мастерская приборов для воздействия на игральные автоматы, какая же я идиотка — не догадалась сразу, вот откуда мигающие огоньки!..

— Я толком не понимаю, но это как-то программируется, — продолжал Гутюша. — Такие блоки или как там, каждый отдельно. А чтобы сделать что-нибудь, в них надо заменить элементы — добавить или убрать, не иначе, и в казино все проделывается этими штуковинами. Сложно, не стану тебе тут огород городить, сам не понимаю. Но пускай

голова у меня отвалится, ежели этими штуками в саквояжах не импульсируют себе солидные деньги по казино.

Последнее я вполне усвоила. Так оно и есть. Несомненно. Заставляют автоматы выдавать по желанию красную и чёрную, только вот зачем для маленького прибора такие сумки большие... Не буду углубляться, это не для моих мозгов.

Я перевела дыхание.

— Стой, Гутюша, что-то там у нас заело в шестерёнках, Мамаев курган в мою квартиру не влезет, это ты прав. Значит, с наркотиками все?

Гутюша долил себе пива и подумал.

— Что надо делать, записал? Пожалуй, хватит, больше ничего вроде нету. Мы хотели по очереди. — Он заглянул в мои записки и постучал пальцем. — По твоей шпаргалке на очереди бриллианты. Сперва где-то далеко маячили, а после раздумались и Юзефа скосили. Да, подожди-ка, твой Павел, которого не знаю, высмотрел Двоих, ехал за ними, как считаешь, те самые охламоны — парень с девчонкой?

Гутюше не пришлось меня переспрашивать. Я с самого начала непонятно почему была убеждена: двое наркоманов, за которыми Павел попал на Прагу, были те самые, что стояли на поваленной сетке, а потом исчезли. Но тут хронология событий у меня что-то забарахлила, мысли быстро разбежались, снова сбежались, и я вспомнила.

— Сейчас, Гутюша, минутку. Девочка из приюта говорила, что Сушко, мальчика этого, забрала пани Кася. А когда мы с тобой обмеряли первую квартиру, помнишь, нам открыла девочка, а к ней пришла подружка, к часу в школу спешили?

У Гутюши перепутались все девочки. Мне пришлось пояснить: одна — маленькая, недоразвитая, а другая — нормальная, уже довольно большая. Вспомнил, кивнул и продолжал слушать.

— Они разговаривали...

— Шептались, я ничего не понял.

— Ты был у стены, а я ближе. Около дверей. Тоже говорили о какой-то Каське. Я запомнила только: Каська — дура, больше ничего не знаю. Тут пани Кася, а тут дура Каська, прими в расчёт разницу в возрасте девочек, по-моему, надо попробовать?..

— Утопающий хватается за бритву, — согласился Гутюша. — Ничего такого, поспрашивать можно. Только их там нет.

— Кого и где нет?

— Да этих людей из квартиры. Ремонт идёт. Их переселили на первый этаж подальше, туда, где сторожиха бордель держала. Легко их сыщешь, но

пока оставим, я хочу вернуться к уборке.

Верно, последовательность необходима. Добрались до обмеров и приблизились к первому труп. Гутюша чем-то был недоволен.

— У меня тут ямы да колдобины под ногами. Никто ничего не знает, не видит, не слышит, тёмные массы. Расскажи ещё раз и подробно про твоего недоумка, именно тут, похоже, какой-нибудь гроб на собаке. И мы до чего-нибудь дойдём.

Я восстановила все в деталях, усиленно припоминая, не пропустила ли чего-нибудь. Сведения несчастного недоумка, тогда совсем непонятные, сейчас оказались абсолютно точными. На первое место вылез Крыса.

Не представляю, кто это, — подчеркнула я. — У меня в этих сферах знакомых нет и никогда не было. Скорее уж ты...

— Ну-ну, — прервал Гутюша с упрёком. — Не залетай выше голубятни. Мне что-то сдастся, эти сферы в доме у тебя вовсю шастали, так ты того.., какие-нибудь обмолвки вдруг да запомнила, а?

С минуту я не понимала, о чем он, и пялилась вопросительно. Гутюша засмутился, повертелся на тахте, осмотрел пивные банки, одну даже потряс.

— Ну, ведь того... Как бы это... Пива больше нету? Может, сбегать...

— Есть в холодильнике, иди принеси... Нет! Сама пойду, вижу, ты не в себе, ещё мне там натворишь чего-нибудь. Объясни, в чем дело, да не юли, солгать все равно не позволю!

Пиво я принесла быстро, а Гутюша за это время успел собраться с мужеством.

— Ладно уж, этот твой, на которого я у тебя как-то давно нарвался, может, и вёл подрывную работу, этаким невидимый фантомас, или что? Его кто-то там знал, я о нем слышал, откуда он будто бы? Из Армии Спасения? — Вроде бы из военной контрразведки, так говорил, — я колебалась, потому что ни одному слову Божицара уже не верила. — Нет, извини, не говорил, а давал понять. Я точно ничего не знаю. А ты что слышал?

— Из безопасности, — отчаянно рубанул Гутюша. — За дурака его держали.

После такого акта мужества Гутюша занялся банкой пива. Но я не оставила его в покое и рявкнула:

— Подробнее! Хватит с меня всяких намёков и тайн для придурков!

— Подробности в аптеке, а здесь намёки да тайны. Дурить его было легко, вот они и дурили, а он жалобы писал, доносы на них к ним же. Полная потеха. Тянулась эта волынка, пока он не спохватился и с нервов не

вышел из дела. Малость побаивались, якобы ставил палки в колёса, но тоже в строжайшей тайне, ну и ничего у него не получалось, вот все это и варилось в одном горшке. То есть такая, понимаешь, обгороженная помойка. Там ли, где-то ещё, все едино. А знакомства завязывались разные, потому как, ты что думаешь, кто труп из подвала забрал? Я как раз наслышан, он там старался и ничего такого, просто назло кому-то. И тоже все по-тихому, чтоб не вышло чего. Уж такие тебе подробности, подробнее некуда.

С ужасом я уразумела: Гутюша лишь подтвердил мои собственные домыслы и подозрения. Да, я тоже позволила себя дурачить, и слишком долго...

— Между нами говоря, я уверен, встань он им всерьёз поперёк торчком, его бы просто-напросто убрали, и честь труду, — добавил Гутюша и разлил пиво.

Я помолчала немного.

— Ладно, главное, никаких обмолвок не уловила, — откликнулась я наконец. — Никого из его знакомых не видела. Остальное, думаю, верно: о формалине и о воске он был осведомлён, а я ему про лак для полов распевала. И неужели именно его считали Валленродом?

— Не уверен. Считать можно все. Как Пломбир говорила? Когда-то вокруг тебя мельтешил или прямо сию минуту?

— Вроде сейчас. В настоящем времени. Совсем не вяжется, мало того, разошлись мы гораздо раньше, чем поставили автоматы, к тому же про этих автоматных гопстопников слова единого ему не сказала.

— Ну да? — удивился Гутюша. — Ты уверена? А почему?

— Да забывала все время. Собиралась, только он всегда умудрялся разозлить меня до того. Про все остальное — да, а вот про это не успела.

Гутюша задумчиво потягивал пиво.

— А все же кто-то в курсе, и мне кажется, все-таки он.

— Откуда ты осведомлён и как это проявляется, будто думают на него и будто вообще он?

— Про это я и хотел поговорить с тобой, потому как один не разберусь — что-то смутное слышал, и в башке мусорная свалка, эдакая летающая, как в эпицентре циклона.

Он взял мой листок бумаги и посмотрел с сожалением.

— Молодец, все записываешь, и мне бы не помешала пропорция. А то как-то все двоится.

— Ну?

— Ребёнка и этих пустозвонов — парня с девчонкой — ищут с двух

сторон. Слушай, я говорю в приближении, а все это тонкое-претонкое, ну как этот, длиннющий такой в кишках — солитёр, что ли. Этакая паутинка на ураганном ветру. Да, официально ищут, а всякий скажет, что ментов и сыщиков ребёнок завсегда распознает, а вот тех, с другой стороны, труднонато отличить, и вовсе не уверен, может, все — оптический обман.

Я помолчала, стараясь извлечь конкретный смысл, а заодно избавиться от навязчивого образа солитёра, паутинки, смерча и взвихрённого столбом в небо мусора. Пришла к выводу: это нечто тонкое Гутюша представил мне с единственной стороны.

— Ладно, а где вторая сторона? Этого оптического обмана?

Гутюша вздохнул.

— Когда этот подрядчик, то есть строители, пришли и все распотрошили, так я наведалься туда пару раз, ну, искатели и бросились мне в глаза, а отдельно, в секрете, ещё один мелькнул. Мелькнул и пропал, и был это, сдаётся, твой бывший экс. Как-то все мутно...

— Возможно. А ясно одно: ищут ребёнка с настойчивостью ого-го какой и всесторонне. И что он такое увидел?

— Да Крысу за работой — никто ведь не ориентируется, кто он такой.

— Глупости. Его сообщники знают. Пломбир видела.

— И что? Уведомлена, как его зовут, где живёт?

— Нет, но в лицо видела и наслышана, что он крутит махинацию с автоматами. Позвоню-ка я ей, пусть покажет его. Та давняя шайка вроде бы распалась частично, да ведь шайка — коллектив, а убивали люди особые, по заказу. Одного наверняка знаем — хмырь в полосатых носках убил недоумка. И ещё двоих, которые твоего кузена прикончили. Этот, в носках, может, и тут поспособствовал. Не уверена, кто приложил руку к мумии в подвале, только недоумок и труп в стене — одно и то же дело. Патронировал, ясно, Крыса, может, поручениями ограничивался, а возможно, и сам принимал участие. Тебе бы следовало на него взглянуть, ведь ты же видел убийцу в «Мозаике» и как он вышел видел, неужто рожу не запомнил?

Я дописала очередное задание. Гутюша взял у меня листок и поставил в конце большой вопросительный знак.

— Ты смотри, поосторожнее — для тебя это бочка пороха и минное поле, — предостерёг он. — Мне-то любая мерзость нипочём, а если ты ненароком что узнаешь, так тебя и запакуют. По Лясковскому ясно, дело дрянь.

Я пыталась судорожно вспомнить.

— А!.. Тот Лясковский, из которого ты Патыкевича сделать

собирался?..

— Вот именно. Такие вот и остались, на рожу да на костюм порядочные люди, должности, кресла и так далее. Лясковский сейчас уже кум королю в частной лавочке экспорт-импорт, это какой же трезвон поднимется, ежели ихние старые мошенничества наружу вылезут? Жизни никакой, не говоря уж о доходах.

— А вот этого-то я как раз и не понимаю. Замазали миллионы разных свинств, а ведь до срока давности далеко. Почему дела не поднимают, почему следствия не возобновляют? Ведь не я и не ты должны этим заниматься, а полиция, о чем она думает? Так и садит наверху кто-то, кто все утаптывает?

Гутюша допил пиво и помахал рукой.

— Погоди, сейчас. Я тоже все это вентилировал, и как ни прыгай, получается, официально они ни черта ведать не ведают.

— Ну да?!..

— А как ещё? Кому недоумок все рассказал — полиции или тебе? Про автоматы разве что-нибудь знают? В протоколе о том, что Юзефу укол вlepили — градусные проценты, ни слова! На горячем никого не поймали, тот, с коноплём, тоже не хвалился на каждом углу, и сын донос не притащил! А с тобой, к примеру! Ты себя обозвала — Малиновская, нет, Ковальская, на номерной знак ни одна душа глаз не положила, пропала и бултых. А позже фотографировалась хоть раз в этой «Мозаике»? Нет, и я нет. А что им делать, уличному регулировщику поручить морды оглядывать? Может, и начинают расследование заново, да идёт у них как по шпалам, а вещественных доказательств курица когтем наскребла! Пока допрут до дела, вся горчица выйдет. Я так вычислил: вот оно — то самое и есть.

— Какое то? Что такое?

— Нагребли добра, — продолжал комментировать Гутюша. — Обеспечили, где надо, а теперь, в новые-то времена, опять доят все подряд, да ещё с прихватом. Игральные автоматы вон оседлали. Нахапают, нахапают и смоятся подальше, нежиться в люксе. Я-то на их месте давно бы удрал, а у них все утроба ненасытная, давай и давай.

Все правильно, возразить нечего. Какие-то люди, пользуясь властью и неограниченными возможностями, обогатились на доходных махинациях, грубо и жестоко убирая с дороги все препятствия. Более дальновидные начали и того раньше...

— Гутюша, ты прав, — оживилась я. — Пломбир утверждает, что шеф предвидел смену системы в стране, и заметь себе — с автоматами

развернулись давно. Действовали оперативно, ежели кое-кто начинал соображать, душили в зародыше...

Гутюша в задумчивости воззрился на меня, пробормотал несколько изысканных ругательств и открыл очередную банку пива.

— Объясни, за Бога ради, чего тебя в эту трясику несёт. Я-то из-за Юзефа. Помалкиваю себе, однако решил: этих сукиных детей лично разыщу и прищучу.

Я наострила уши.

— И что?

— И вот до чего добрался, слушай: оба высокие, метр восемьдесят с лишним. Молодые, самое большее — тридцать. В министерстве внешней торговли никогда не светились, а тот, в носках, был поскромней ростом, немного, но все же — метра восьмидесяти недобрал, может, чуть повыше меня. И возраст не тот, на десятку больше, ну я его пока в отпуску держу. А насчёт тех двух когтями выцарапал от бабы, нашей лестницы командирши: на одном замшевая куртка, светло-коричневая, она обозначила — бархатная, но баба древняя, явно куртка замшевая. Людей окрест поприжал: приехали машиной, обычным «полонезом», белым или кремовым. Оставили на дистанции, дотопали пешком. На номер машины никто и не взглянул, номер, понятно, фуфло, можно любой прищпандорить. Ну и одного голубка самолично осмотрел.

— Не тяни! — подгоняла я, заинтригованная по шальному сенсационным коммюнике Гутюши.

— Вхолостую. Пока тебя не было, а может, и раньше, я постоянно торчал на Раковецкой. Из любопытства, а вдруг да... Вроде бы на автобусной остановке ждал. Через забор видел, как высокий в замшевой куртке вылез из здания и влез в витрину своего «фольксвагена». Ну так я просто камнем врос в землю. Ещё раз его видел и портрет нарисовал.

— Каким образом?

— Да фотоаппаратом. Поискал и купил японца на барахолке, верно, краденый — недорого, в зажигалке. Сколько я сигарет выкурил, мать честная, все время на стрёме, как раз закуривал, когда тот выезжал. И получилось. Щёлкал как псих. Убийца он или не убийца, а налево посмотрел, не увязался ли кто, и один снимок — экстракласс.

— И показывал той, лестничной?!..

— Ясно. Он. Все по правилам, предъявил с десятков снимков разных людей — у знакомых собрал, и даже свой собственный, и меня тоже узнала! Хоть и дура, а ум у неё имеется. А на него сразу: этот самый и есть! Так что он. И конец песне.

— То есть как?..

— А так. Номер машины есть, пожалуйста, я пошёл куда надо узнать чья, какое там, не зарегистрирована. Значит, липовый. Сунулся в милицию — выставили за дверь, как раз беспорядки начались, и в самом деле на черта я им тогда сдался...

— Гутюша, — растрогалась я, — ты огромное дело провернул! Умница, молодец!

— А выгоды, как петуху с перца, — вздохнул Гутюша. — Где теперь изыскивать этого проходимца? Увеличить снимок, размножить да по стенам развесить?

— Нет, на стенах не надо. Сделай несколько копий и мне дай штуки три. Пожалуй, понадобится...

Знала же и я когда-то порядочных людей, работавших в милиции. Даже если ушли с работы, повыходили на инвалидность или на пенсию, посоветуют, кто ещё остался, кому довериться можно. Давно приходило в голову, да не успела реализовать. А Гутюша тоже должен...

— Гутюша, а те твои приятели, ещё в прошлом году в ментах ходили? — вдруг вспомнила я. — Там ещё? Ты с ними не советовался?

Гутюша как раз потянулся за стаканом. Тряхнул головой, глаза загорелись, дёрнулся так, что все пиво вылилось на брюки. Вскочил было, задел коленом низкий столик, я едва успела схватить только что открытую банку, мой стакан перевернулся и полетел на пол.

— Стекло бьётся к счастью, — засмеялась я. — Что это с тобой?

— Дубина, осел, только из чистки принёс, — разнервничался Гутюша и плюхнулся обратно на тахту. — Ты подумай, склероз, да и только! Конечно же к ним! Сидят ещё, в последний раз одного видел, когда заваруха шла, а потом из галантности не хотел мешать. И забыл про них начисто! И надо же, совсем, видать, с катушек съехал!

Я тоже так думала, но, с другой стороны, с катушек съехать — с кем не случается. Мы договорились: Гутюша навестит приятелей, а я порасспрошу девочку на Праге. Принесла другой стакан.

— А Пломбиру я все-таки позвоню, пора на Крысу глянуть. Вместе полюбуемся, договорюсь, чтобы с тобой. Слушай, может, сгонять в казино? Вдруг она там?

— Сперва позвони, нет ли дома, — посоветовал Гутюша. — А вперёд давай обмозгуем, во всем ли мы разобрались, возможно, кое-что и уловил, да вдруг не досконально. А ещё раньше хорошо бы брюки высушить.

— Не будешь же ты их гладить?

— А почему нет? У тебя утюга не имеется?

— Есть утюг и доска, только неохота после пива тяжести ворочать.

— Ну, так я сам.

— Черт бы тебя побрал! — разозлилась я. — В другой комнате все, доска стоит около батареи, а утюг в углу на полу. Тряпки на кресле, я на них сидела, делай что хочешь!

— Портки у меня самый эlegant, — прогудел Гутюша, с достоинством вставая с тахты. — Ты звони, а я сей момент выглажусь.

Я набрала номер Пломбира, пришлось набирать четыре раза — все никак не соединялось, я переждала восемь гудков. Трубку никто не взял, на всякий случай позвонила ещё раз, потому что перед этим телефон мог сигналить, к примеру, в пустом магазине на другой улице. Куролесило все это телефонное хозяйство как хотело.

Очередные восемь сигналов — понятно, Пломбира дома нет. Гутюша тем временем успел осмотреться, все нашёл, мою страшную доску одним концом положил на столик, а другим на спинку стула, рационально и правильно, разложил байковое одеяло и тряпку для утюжки и даже снял брюки. Я не намеревалась вмешиваться в этот процесс.

— Её нет дома, — заорала я. — Наводи лоск и едем!

— Нагревается первоклассно! — завопил в ответ Гутюша. — Уже горячий!

Утюг у меня и в самом деле был отличный, почти новый, я редко им пользуюсь. Я отправилась на кухню за подносом, чтобы убрать со стола, Гутюша начал гладить. Я собрала стаканы и пустые банки, под ногами захрустело стекло — вспомнила о разбитом стакане. Вынесла поднос, достала из-под плиты щётку и совок, вымела все из-под стола и как раз проходила через прихожую, когда в дверях загудел мой гонг. Совок со стеклом и щёткой я положила на скамью и открыла, как всегда, без глупых вопросов.

Резко распахнутая дверь врезалась в стремянку. Меня не задело, я стояла с другой стороны. Два амбала ворвались в квартиру, оттесняя меня в глубь прихожей.

Любое физическое насилие вызывает у меня мгновенный приступ ярости. На этот раз ярость чуть-чуть запоздала из-за ошеломления. Амбалы работали слаженно, один заглянул в кухню и кивнул, второй схватил и дёрнул меня за руку к себе. Это было уже чересчур.

Я вырвала руку и внезапно отступила на три шага к двери ванной. Краем глаза успела заметить Гутюшу в трусах и с поднятым утюгом, он вопросительно посмотрел на меня. Того, кто пытался меня схватить, явление Гутюши застигло врасплох, второй оглянулся в дверях кухни.

— Быстрее! — торопил он.

Думать в эту минуту я не думала, уж точно. Испугаться в такой ситуации просто не успела. Амбал, высокий и плечистый, от которого я оторвалась, пошёл на меня, но тут моя качественно великолепная ярость наконец взорвалась.

Не знаю, что собирался этот тип предпринять, но его руки проскользнули мимо. Я, понятно, ничего не соображала, но самым простецким образом шагнула в сторону и схватила первое попавшееся, а попался совок со щёткой. По-моему, я отколола финт высокого класса: выпрямилась и ткнула в него этим оружием.

Он ожидал удара сверху и заслонился рукой, а край совка врезался ему в подбородок, щётка попала в рот, по-видимому, вместе с мелкими осколками стекла. Он как бы остоленел, не исключено, что удар совком перехватил дыхание. Пока с него сыпалось стекло, второй стартовал от кухни. Я отвела оружие от вражеского подбородка и попыталась ударить второго, но размах не получился; он придержал меня за руку, правда, схватить не удалось — помешал совок. Ручку щётки я изо всех сил прижимала к совку. Второй схватил меня за плечо — словно железные клещи впились, у меня даже потемнело в глазах, и в этот момент включился Гутюша.

Гутюша сражался утюгом, без сомнения, горячим — остыть ещё не успел. Кто-то из противников закричал, верно, Гутюша неслабо его приложил. Из-за резкой боли в плече я на какое-то время потеряла представление о битве. Понятия не имею, что сделала, но, когда пришла в себя, амбал передо мною закрывал лицо, а в руках у меня остались пластиковые обломки и ручка от щётки. Второй агрессор колотил Гутюшей о дверь ванной, безуспешно стараясь увернуться от утюга. Разгорячённая, я оглянулась и поисках нового оружия, вроде бы в дверь позвонили, но мне было не до того: бешенство поутихло и страх взял своё. Тут в прихожей метнулась новая фигура — сосед вошёл в бой прямо с марша.

Отдельные эпизоды битвы остались в памяти довольно туманно. Помню, что влезла на скамью и лупила каблуком снятой туфли, стараясь не попасть в соседа или Гутюшу, помню также, как Гутюша орал: «Давай доску, давай доску!» Пока до меня дошло, что он требует гладильную доску для нападения или защиты, военные действия прекратились. Поверженный противник бежал с поля боя.

Мы не гнались за ними. Все трое застыли в полной неподвижности: сосед у закрытой двери;

Гутюша с утюгом, коего ни на мгновение не выпустил из рук, и в

трусах; я на скамье с туфлей в руке, нисколько не пострадавшей, к моему вящему удивлению. Мы посмотрели друг на друга.

— Я же говорил — утюг первый сорт, — пропыхтел Гутюша, прежде чем я и сосед успели хоть слово молвить. — Слава Богу, не остался на брюках, прожѣг бы насквозь!

Я слезла со скамьи, положила туфлю и прежде всего деловито заметила:

— Проверь, работает ли. А что это такое было?

— Вот именно, — поддержал сосед, отрываясь от двери и не скрывая удивления. — Я как раз выходил, услышал у вас грохот и крики, позвонил, никто не ответил, я смотрю — дверь открыта... Что это, нападение?

— Вы в таком виде выходили? — Гутюша смерил его взглядом с головы до ног.

Я тоже посмотрела. Сосед был одет в старые брюки, фланелевую клетчатую рубашку и тапки. Странно, что тапки не потерял, мелькнуло в голове, ну а для поздней осени прогулочный костюм просто уникальный.

— Мусор собирался выносить, — пояснил он. — Мусор оставил за дверью, потом даже пожалел — там есть разбитая бутылка, неплохая вещь...

И тут же бросил на Гутюшины трусы такой взгляд, что я поспешила с объяснениями.

— Вот видишь, а я не хотела, чтобы ты гладил, — сказала я покаянно и обратилась к соседу. — Он пиво вылил себе на брюки и упёрся высушить. Я всячески его отговаривала, мне и в голову не пришло, что утюг так пригодится, а Гутюша, верно, ясновидец.

— Не ясновидец, а брюки новые, недавно от портного, — поправил Гутюша. — И тоже не прочь узнать, из-за чего драка. Ты, что ли, их облаяла или они сами по себе?

— Да никто и словом не обмолвился. Влезли и полный вперёд. Даже и спросить некогда было, из-за чего шум.

— И не поранили вас? — Сосед покачал головой. — Как это случилось? Так-таки вошли и прямо на вас? А как вам удалось не пострадать при этом?

— Не знаю. Сама поражена. Не могу сообщить подробностей, я не спортивный комментатор и в области мордобоя у меня ни способностей, ни опыта.

— Ну не скажите, у вас, по-моему, просто талант.

Я начала было отнекиваться, но потом рассказала про свою реакцию на непосредственную угрозу физической расправы. Он выслушал и,

кажется, понял.

— Ив самом деле, случается, когда внезапные эмоции придают небывалые силы. По-видимому, у вас взрывная реакция. Только в чем дело?... Вы знаете их?

Гутюша неожиданно вдруг как-то странно крикнул, поперхнулся, а затем издал нечто вроде протяжного мычания. И закашлялся. Звучало это пугающе и непонятно, я собралась предложить ему воды, повернулась к двери в кухню, и вдруг у меня перед глазами возникла первая сцена, начало нападения. Один занялся мной сразу же, второй затянул на кухню. Жесты, поворот головы, выражение глаз — да это же целая эпопея! Успел осмотреть мою кухню — маленькая, без окна, зато с газовой плитой...

У меня подкосились ноги. Сосед успел поддержать меня, наверное, я прошла эти несколько шагов довольно неуверенно и плюхнулась на стул за кухонным столом. Падать в обморок я не собиралась, но моё воодушевление улетучилось бесследно. Говорить, правда, могла.

— Налейте себе что-нибудь, — предложила я совсем слабым голосом. — Рюмки в буфете. Есть бренди и, правда, тёплое виски. Вон там стоит...

— Ей надо коньяку дать, — решил Гутюша и пролез в кухню все ещё с утюгом в руке.

Двое в моей кухне ещё могут поместиться, а вот третий человек — уже серьёзный балласт. Около буфета сделалось ужасно тесно. Сосед в такие мелочи не входил, взял бутылку с остатками бренди, сполоснул под краном мою чашку из-под чая и плеснул от души. Я вылила все, не протестуя, хотя вообще-то бренди терпеть не могу. Гутюша открыл полку над моей головой, нашёл чашки для компота, шнуром от утюга сбросил упаковку сигарет и всю почту за три недели, попятился, чтобы все собрать, и потеснил соседа. Втиснувшись в угол возле раковины, невозмутимый сосед продолжал свою деятельность: увидел на сушилке под тарелками стаканы, извлёк два и разлил бутылку до конца. Даже ровненько поделил.

— Гутюша, черт побери, поставь ты этот утюг и отцепись от бумаг! — вспыхнула я. — Выпей лекарство и догладь свои брюки! Пора наконец в норму приходить!

Бренди на голодный желудок, да ещё после пива, подействовал прямо-таки чудотворно: физических сил у меня, правда, не прибавилось, зато голова заработала и я вышла из ступора. Смысл нападения ясен, но высказываться поостерегусь — что-то мне тут не нравится. Может, и в самом деле сосед выносил мусор, вопрос только — куда. Контейнер с мусором далеко, надо пройти весь двор и шлёпать по ноябрьской слякоти;

старые портки и рубашка — ладно, а вот ботинки бы надел. И что за чудные тапки, даже в этой заварушке не потерял...

Гутюшу бренди тоже привёл в себя, малость очухался, вылетел из кухни и вернулся в брюках. Я уже самостоятельно могла встать и перейти в комнату.

— Этих амбалов первый раз в жизни видела! — заявила я соседу. — Мне кажется, тут какая-то ошибка. Похоже, они не ко мне пришли.

— А к кому же?

— Возможно, намеривались врезать Барановскому...

Мужчины посмотрели на меня вопросительно. Ошибки с Барановским случались уже не однажды, объяснила я. Барановский живёт в такой же квартире, но вход соседний, и вечно к нему ходят какие-то странные визитёры. Визитёры ошибались, стучались ко мне и, например, в полночь спрашивали: «Баран дома?» Поскольку дома я барана не держу, отвечала, нету, чему они частенько не желали верить. Про другой подъезд разгадала быстро, потому как мои гости тоже заходили по ошибке к этому субъекту, а вот его фамилии я и в самом деле не знала, так как иногда спрашивали насчёт овечки. Со временем только сориентировалась: Барановский просто-напросто завёл малину, торгует водкой, сам, наверно, и гонит. Я прикрепила на двери свою визитку, довольно давно меня не беспокоили, а эти, судя по всему, внимания не обратили...

— Как пить дать, факт, — горячо поддержал Гутюша. — Небось зарвался малый...

— А у Барановского есть жена? — прервал его сосед.

— Понятия не имею. Наверно, есть — мне никто не удивлялся. А может, жена как раз и зарвалась...

Гутюша устроился в кресле, объявил, ему необходимо, мол, отдохнуть, пощупал голову и обнаружил шишку. Я предложила компресс со льдом, он отказался. Сосед не пострадал в схватке, держался превосходно. Я пришла в себя окончательно, горячо поблагодарила его, и он тактично удалился.

— Уж что я пережил — все моё, — сообщил Гутюша, когда мы остались одни. — Брюки вовсе не досушил, да побоялся застревать. Боялся, сказанёшь чего-нибудь без меня, а один амбал как раз тот самый!

Я поняла, о ком он говорит.

— В замшевой куртке, да?

— Точно!..

— Подумаешь! Явились меня укокошить. Возможно, я и усомнилась бы в их намерениях, только уж явно им моя кухня понравилась. Не уверена, перепоем ли тоже прикончить собирались, а уж газом — никаких

сомнений!

— Иисус-Мария, я его сразу узнал, этого бандита, и внутри себя в обморок упал. Этот твой сосед — головы за него под пень не положу, влетел, будто под дверями сторожил, хотя дай ему Бог здоровья! А с Барановским, выходит, липа?

— Да что ты, дура я, что ли? Ведь легко проверить. С Барановским — святая правда, только не за ним охотились. Ко мне пожаловали, признаюсь откровенно, я теперь ужасно боюсь за Пломбира.

— А ты бойся за себя. Хотя и с Пломбиром факт, твоя правда. Чего на них наехало, ты вроде на рожон не лезла...

— То-то и оно! Ничего я не сделала такого, единственное — разговор с ней. После разговора решили меня убрать.

— Усамоубийствовать, — скорректировал Гутюша. — Газом ты сама, ясное дело. Не знаешь почему?

— Нет, но в случае надобности можно бы свалить на Дария — бросил меня!

— А... Значит, от несчастной любви?..

— Других поводов нет. Разве только начхали они на всякое правдоподобие, что вполне возможно — к примеру, откуда могли знать, где у меня ключи от квартиры? Оставили бы открытую? Что за дура такая самоубийца, травится, а дверь открыта!

— Да с бабами не соскучишься, — рассудил Гутюша. — Могла травиться ни в два ни в полтора, а дверь даже приоткрыла — спасайте, мол. Боюсь, не явились бы по второму заходу, не могу же я тут у тебя брюки гладить до конца концов.

Слушая его, я вспомнила о бардаке в квартире после побоища. Сил прибыло, и я, можно сказать, вернулась к прозе жизни. Прямо из кресла осмотрела свои апартаменты — вторую комнату и часть прихожей. Доска на столе, повсюду нечто вроде художественного беспорядка. Слава Богу, бандит колошматил Гутюшей о дверь ванной, двери в комнаты застеклённые... Осмотрела, велела Гутюше убрать все на место после глажки. И сама принялась наводить порядок, свалила на скамью в прихожей все, что с неё раскидали. Гутюша заинтересовался тяжестью моей страшной гладильной доски.

— Для драки просто мёд, схватить в нервах и облом, мало кто выдержит, а вот для домашних разносолов как-то не очень. Откуда она? Строительное дерево, аж двухдюймовая!

— Давно как-то сделал в подарок плотник на стройке, так и осталась. Ага, двухдюймовку обстрогал. Из-за доски, может, редко глажу. Слушай,

давай тему закончим. Primo, считаю, они уже не пойдут по новой, а secundo, надо всерьёз заняться поисками Пломбира.

— Второе понимаю, а первое — почему это?

— Тебя ведь тоже по второму разу не убивали? Не удалось и ладно, за предупреждение сойдёт. А кроме всего прочего, не уверены, как яотреагирую, и переждут — вдруг да сразу в полицию помчусь. Вот какую штуку я удумала: постараюсь дать понять, что составила список всех событий, а находится он в надёжном месте. И случись, меня кокнут, неважно, каким способом — все это будет немедленно оглашено.

— А как дашь понять? В прессе?

— Какое там. Всякому встречному доверительно шепну в полной тайне. Уверяю тебя, за три дня полгорода будет оповещено.

— Готовый компот, — согласился Гутюша. — Ладно, может, ты и права, но на твоём месте я бы хоть цепочку на двери закладывал — она у тебя дура душой без дела болтается.

— Могу цепочку. Поехали дальше, договариваемся...

* * *

Пломбира назавтра вечером мы разыскали в «Марриотте».

Проблему дипломатической встречи я решила немедленно. Вместе с Гутюшей мы заняли один из дешёвых автоматов, подальше от неё.

— Поиграем малость вместе, — предложила я. — Потом я смоюсь, а ты притворяйся, будто присматриваешься к игрокам, при okazji шепни ей, что жду в уборной. Вернёшься сюда, играй, пока я не приду. Гутюша кивнул. Я бросила несколько жетонов, почти не глядя на экран, и исчезла с горизонта.

В дамском туалете было пусто, в казино шляются, как правило, мужчины. Пломбир рассудительно выждала несколько минут. Мы начали мыть руки над соседними раковинами.

— Это не из-за меня, — заверила она мрачно. — Я передала им все, как мы условились, не более, мне даже показалось, что они успокоились. Рука и Крыса были оба. Крыса при мне явился, значит, меня решено убрать. Не понимаю, почему они к вам привязались, возможно, в самом деле — предупреждение, они в курсе, что вы про автоматы догадались, и боятся, проболтаетесь. Они вообще слишком много про вас знают. Откуда бы?

— А мне откуда известно? — нервничала я. — Этого Крысу вы нам обязательно покажите, вдруг окажется мой знакомый, а я и понятия не

имею. Как бы это обстряпать?

— Подумаем. Он бывает в двух местах.., да, вот именно! Я уже не езжу на Жолибож, домой к Блендовскому, теперь явка на Братьев Пиллят, на Мокотове. Две квартиры на первом этаже, похоже, пустые, никто не живёт, это очевидно. А со мной встречается один Рука, забирает деньги. Крыса явился только однажды, с нова может и не прийти. И как бы лучше поступить?.. Не представляю, как его зовут, а теперь и спросить боюсь...

Известие меня ошарашило. В голову все время лез Гутюша — в клике не числился стопроцентно, зато черт знает, с кем болтал...

Я сунула руки под сушилку. В случае надобности снова начну мыть.

— Ладно, я попробую, — с отчаянием решила Пломбир. — Паспорт ношу с собой, деньги пристроила, смотреть могу в любой момент, хоть и глупо так тят-ляп. Лучше бы поспокойнее. Да ладно, рискну, потому что я их ненавижу. Позвоню вам, а вообще-то завтра я в «Гранде»...

Гутюша сидел у автомата ошеломлённый — по ошибке нажал максимальную ставку, автомат дал каре. Набил полмиллиона одним ходом. Дезориентированная, обеспокоенная и злая как фурия, я пресекла его греховное занятие и вытащила из казино.

— Ты сюда приехал не алчность свою тешить, а предупредить Пломбира, — яростно шипела я уже в машине. — Я предупредила, а теперь подумай-ка, о чем ты болтал и с кем. Холера меня побери, про меня все известно, откуда, к чёртовой матери?!..

Гутюша сразу занервничал.

— Ты эту цепочку вешай совсем навсегда! Ни с кем не говорю, только ещё собираюсь. У меня в голове патефонит, что твой бывший-минувший, не иначе, — Я же сказала тебе, черт побери, о недоумке ему не говорила!

— Ну так что? Ведь писала же! А он неграмотный, да?

Я открыла было рот, но, поперхнувшись, закрыла без единого слова. Писала, никуда не денешься. Листок в клеточку лежал на столе долго, а у Божидара тогда ещё были мои ключи. Не верю ему ни на грош, способен на все. Прийти, когда меня нет дома, не оставить никаких следов, и порядок... Ключ вернул, да что толку, полный болван и тот догадается сделать себе ещё комплект...

Перспектива искать по магазинам и врезать новый замок расстроила меня настолько, что назавтра вместо целевой поездки на Прагу я неожиданно изменила направление и оказалась у «Марриотта». Решила хоть немного развлечься.

Едва ли четверть часа просидела у автомата, когда на табурете рядом уселся какой-то тип. Играл на покерном без джокера, автомат платил, тип

успешно дублировал, то и дело звякала переброска на кредит. Я посмотрела на него, когда он забрал пепельницу, переставив её на свою сторону.

— О, извините, пожалуйста, — спохватился он, когда я рассеянно протянула руку с сигаретой и осмотрелась. — Вы тоже курите, извините, я машинально...

— Ничего страшного, — улыбнулась я и начала вспоминать, откуда его знаю. Видела когда-то — нет сомнений: элегантный пан под сорок, чуть выше среднего роста, спокойный, культурный... Верно, где-нибудь у автомата...

Вспомнила, когда он отвернулся и продемонстрировал не правильный прикус. В «Гранд-отэле» видела, ещё седого не ликвидировали, играл фартово, бил успешно. И здесь гадает беспроигрышно...

Невольно бросила взгляд, нет ли у него какой сумки, — не было. На коленях ничего не держал и ничего не стояло на полу у ног. Фарт пер к нему добровольно, без всякого принуждения. Я перестала обращать внимание.

— Черт! — досадливо вздохнул он. — Поглядите-ка!

Я из вежливости посмотрела. Потрясно, на экране трефовые туз, король, дама, валет, да к тому же ещё трефовая девятка. Одной Картой больше, обеспечен большой покер, тип играл по десять, большой покер дал бы ему десять тысяч жетонов, сто миллионов злотых. А теперь шестьдесят вместо десяти тысяч!

— Сочувствую.

— Пойду на пробой! — решил он. — Пусть проиграю!

Левой рукой опёрся на автомат, а правой нажал дубль. Первой открылась двойка. Нажал среднюю клавишу, карты с шелестом перевернулись — четвёрка! Я наблюдала с любопытством, он снова пробил — снова двойка, вот это милость судьбы! Нажал ещё — валет, уже в четвёртый раз получил масть.

— Хватит. — Он оторвался от автомата и перебросил на кредит. — Не хочу рисковать, правда, я видел, некоторые удваивают по пять раз и угадывают, обратили внимание? Как они это делают?

Я не переносу болтовни за автоматом, но этот пан был столь обходителен, что не хотелось отвечать невежливо. Я пожала плечами.

— Не знаю. Со мной, во всяком случае, ничего подобного не случалось. На втором дубле уже все теряю, впрочем, на первом чаще всего тоже, я всегда угадываю наоборот. Тут уж наверняка черта характера. — Вот именно, я заметил, вы почти никогда не удваиваете, меня даже любопытство одолело. Извините за вмешательство, но, возможно, вы

слишком пессимистически относитесь к своим возможностям?

— Нет, что вы. Я по натуре оптимистка, на автоматах использую лишь жизненный опыт.

— Но без дубля вообще почти невозможно выиграть, а с дублем иногда везёт. Вот и посмотрим...

Меня вовсе не интересовали его успехи и поражения, однако доброжелательность неудобно игнорировать. Не успев нажать клавишу, я посмотрела на него. Дублировал две пары и сразу потерял обе: сначала появился король, а все остальные карты оказались меньше.

— Вот так чаще всего и получается, — не удержалась я. — Из двух зол уж лучше красная или чёрная, по крайней мере, не исключается выигрыш с самого начала.

— Справедливо, но и здесь случаются выгодные серии. Сначала повторить маленькие, затем переждать, пока сменятся электронные серии. Например, сейчас должна появиться маленькая карта... И не стану её понапрасну тратить на две пары, надо что-нибудь побольше.

Некоторое время он не дурил мне голову и я спокойно играла, потом снова начал.

— Вот, пожалуйста! Фул, уже имеет смысл. Я уверен, будет маленькая!

Снова опёрся на автомат. Чуть помедлил над клавишей, и я успела заметить на пальце левой руки кольцо, массивное обручальное с орнаментом. Такие обручальные кольца, только гладкие, без украшений, так называемые перстни, полые внутри, все повально привозили из-за границы. Я подумала, верно, жена требовала декорума, на левой руке носит, возможно, вдовец...

Гипотетический вдовец ударил дубль, как и предвидел, появилась двойка. Провёл по другим клавишам, поколебался, нажал последнюю и получил девятку. Сразу скинул на кредит.

— А теперь начнут чередоваться: маленькая, следующая — большая, возможно, угадаю целый ряд больших. Попробую маленькую, в расчёте на то, что потом появится целая серия маленьких, и тогда удвою несколько раз большие. И вам так следует сделать.

Я пожала плечами.

— На вашем автомате больше возможностей, — напомнила я ему, хотя терпение моё было на пределе. — Автомат часто даёт одну пару, я бы уже продулась в пух и прах, пока дождалась серии больших. Впрочем, не уверена, кажется, мне кто-то говорил о смене электронных систем, только я ничего не понимаю в этом.

Напрасно я выпалила сию тираду, он заинтересовался прямо-таки

зверски.

— А кто говорил? Профессионал? И что именно говорил?

— Да то же, что и вы. По-моему, разбирался в этом, как барсук в селёдке. Игрок, естественно. Тоже уверял, что на пробое можно разжиться, только все это чистая теория — до сих пор долг не вернул.

— Вы дали займы? Ваш знакомый?

— Да что вы. Понятия не имею, кто он и как зовут, так, в лицо знаю. Честно говоря, одолжила, чтобы отделаться — торчал за спиной, а мне как раз везло, ну и уделила ему. С тех пор исчез, не встречала больше, посему сомневаюсь в его познаниях.

— Понимаю. А как насчёт вашего утверждения о смене систем?

Я вздохнула: теперь не отстанет до Страшного суда и отравит все настроение... Решила сказать правду.

— Я, извините, в электронике ни бельмеса не смыслю. Вы не обратили внимания — я ведь отношусь к женскому полу. Вся эта штуковина, насколько я слышала, как-то там запрограммирована и какие-то системы есть отдельно на игру и отдельно на дублирование, а возможно, и все вместе. Иначе говоря, у вас появляется то же самое, что и появилось бы, играй вы дальше, а не пробивай. Надеюсь, второго варианта не существует, не то меня кондратий хватит.

Эlegantный пан удивился, даже играть перестал.

— Почему же?

— А при дублировании несколько раз было каре, однажды пять карт и раза два покер. Получается, потеряла выигрывающие системы. Решительно предпочитаю, чтобы все было отдельно, и внушила это себе, чтобы не свихнуться.

— Интересно. Возможно, вы и правы. Мне всегда казалось, это отдельные системы, даже в голову не приходило, что то и другое могло бы составить продолжение ряда. Теперь испытаю метафизический метод...

Меня заинтересовал метафизический метод, взглянула. Левой рукой он заслонил первую карту, от которой зависело остальное, и пошёл на пробой. Удваивал тройку. Первой карты не было видно, лишь следующие четыре, не раздумывая, он ударил среднюю клавишу. Семёрка, по всей видимости, была больше первой карты, автомат заиграл выигрыш. Тип повторил операцию, не отрывая руки — снова не видно начала; нажал предпоследнюю клавишу, музыка опять подтвердила выигрыш. Рискнул в третий раз — успешно, из одной тройки набил двести сорок жетонов. Поколебался, все в той же позиции, опираясь на машину рукой, решился в четвёртый раз. Я молчала, чтобы не спугнуть удачу, но была уверена:

теперь-то уж наверняка не угадает и никакая метафизика не поможет.

И все-таки угадал. Отказался от всякой чёрной магии, перебросил на кредит и наконец убрал левую руку с автомата.

— Меня все же очень занимает, как некоторые игроки постоянно добиваются успеха, — поведал он задумчиво и даже без зависти. — Я как-то даже наблюдал, правда, за автоматами в «Гранде», там немного другие. Вы там бывали?

Я коротко кивнула, полагая, что моя сдержанность его попридержит.

— Там есть красная и чёрная, не ошибиться пять раз подряд — поверить трудно. Как вы думаете, какие факторы действуют? Вдохновение, радиестезия?

Я хотела было сказать: сам ты в «Гранде» удваивал без проигрыша по пять раз, но, к счастью, вовремя прикусила язык. Оживлённая дискуссия меня не привлекала. — Одним везёт, другим нет, — закруглила я.

— А вы не хотели бы выигрывать?

— Да, хотела бы, только в моем случае — безнадёга. Следовало родиться под другим знаком Зодиака. Ничего тут не поделаешь, и я уже привыкла.

— Ну, а скажем, вдруг есть некий метод? Научный, к примеру...

Сперва я решила вежливенько попросить этого пана заткнуться. А после сообразила — безумие с автоматами, естественно, бросалось в глаза, не он один раздумывал, откуда слепой фарт у нескольких игроков. Пожалуй, пристал он ко мне не просто так, дошло до меня наконец.

— Не знаю, есть ли научный метод на такое везение, — ответила я холодно. — Поверьте, я не в курсе дела. К тому же, сдаётся, уже несколько таких научных стреляли себе в лоб в Монте-Карло. У вас есть пистолет?

— Нет.

— Ну, так вам не миновать головой вниз с Дворца культуры.

Он сохранил полное спокойствие, лишь слегка нахмурился.

— А существуй такой метод, — снова заговорил он, — не хотели бы заняться?

— Разумеется, хотела бы. Только вот сомневаюсь, едва ли мне кто-нибудь расскажет.

— Я бы охотно, если бы знал. Не имею чести быть знакомым с этими счастливыми. Может, вы?

— Что я?

— Знакомы с кем-нибудь из них?

— В основном со спины. По лицу на улице не признаю. Придётся вам обойтись без меня.

Он тяжело вздохнул и оставил меня в покое. Снова у него вышел фул, и, по всей видимости, тип решился набить на нем состояние — прибегнул к своему метафизическому методу: заслонил первую карту, сосредоточился и угадал большую карту пять раз. Перебросил две тысячи пятьсот шестьдесят жетонов на кредит, нажал аут.

— Праздник случается не каждый день, — заметил он философически и оглянулся в поисках механика.

Избавившись наконец от надоедливого соседа, я мало-мальски обдумала ситуацию и поняла его план: явно нащупывал возможность познакомиться с шайкой, а прямо не сказал, все кружил вокруг да около. Возможно, видел, как я говорила с Пломбиром...

Мне вдруг привалило каре, и я бросила забивать себе голову пустяками.

* * *

Выигрыш предыдущим вечером зарядил меня благодушием, и, когда покупала новый замок, меня озарило: замок, само собой, врежет сосед. Сперва я решила обратиться к нему прямо и просто, но передумала — вернее будет подкатиться с предлогом. Эти чёртовы тапки породили-таки недоверие...

Я позвонила у его двери сразу по возвращении из города. Застала дома — он сразу открыл. Успела сказать «здравствуйте» и увидела кота. Чёрный, с белым жабо, белыми усами и белым кончиком победоносно поднятого хвоста, он продефилировал из кухни в маленькую прихожую прямо к моим ногам. Я расплылась в полном восторге. Сосед улыбнулся.

— Есть ещё один, только проходящий. Я люблю кошек, да и благодарен им: один котёнок когда-то спас мне жизнь.

Мне удалось не отозваться. Нет, он никак не мог знать, что когда-то я подслушала телефонный разговор — это невероятно, и баста! Слова про кота и спасение жизни гремели у меня в ушах, подобно колоколу Зигмунта. Работал в милиции, «как бы вышел из ведомства», кто это сказал, Пломбир?.. Гутюша?..

Все мои сомнения отпали мгновенно, даже разговор не прервался.

— У меня просьба. Громадная...

— Кто?

— Да просьба. Понимаете, решила сменить замок в двери.

— Вот и прекрасно! — обрадовался сосед. — Я даже хотел

предложить вам, да боялся быть навязчивым. Сейчас же?..

— Пожалуй, если вы не очень заняты... Я добросовестно переждала первые минуты, ушедшие на отвёртки, прокладки, дрель и прочее, после чего моё терпение лопнуло.

— А как вас кот спас? Расскажите! Я тоже люблю кошек.

Сосед сосредоточенно отвинчивал шурупы.

— Конечно, расскажу. Это скорее символично. Я ведь говорил, где работал. Некто меня хотел убрать, устроил засаду, придумано все было неплохо... Я бы ещё тут подложил, как вы считаете? Крепче будет.

— Аса, считаю. И что?

— Ну, мне повезло — кот замаякал. Я резко свернул на мяуканье, наклонился, и нападавший в темноте, можно сказать, пролетел над моей головой. Того кота я не нашёл, но в память о нем стараюсь отблагодарить других.

— И все обошлось? Атака не повторилась?

— Ну нет!.. Второго броска я просто не допустил. К тому же ситуация изменилась в мою пользу — значит, тот котяра выступил в нужный момент. Я это отвинчу и привинчу снова на прокладке, лучше будет держаться.

Я ничего не имела против, даже укрась он шурупами всю мою дверь — больше времени останется на приятную беседу. Колебалась, не признаться ли, что подслушала его телефонный раз-сговор, несомненно, сосед — тот самый человек и голос тот же. Но такое стечение обстоятельств?..

— А вы давно ушли из милиции?

— Больше четырех лет.

— А как со служебной тайной? Все ещё обязаны её блюсти?

— Сдаётся, до конца жизни. Кроме законченных дел, которые уже давно опубликованы прессой. К тому же у меня профессиональные навыки под общим девизом: не болтать!

— Понимаю. Я когда-то знавала одного человека, так он на вопрос: «Ты почему сегодня надел другой пиджак?», отвечал: «А почему ты об этом спрашиваешь?» Позже выяснялось, к примеру, посадил на пиджак пятно и сдал его в химчистку, но ответить прямо был просто не в состоянии. Нормальный человек на вопрос про пиджак скажет, запачкал, мол, и сдал в химчистку, а этот ни за что. На вопрос он всегда реагировал другим вопросом. Вы тоже? — Да нет, не совсем так. Необходимо оценить, с какой целью задаётся вопрос, меня специально этому обучали. Про пиджак я ответил бы нормально, только моментально просчитал бы, что вынимал из кармана, где в этом пиджаке был и кто меня видел. Навыки-то остались —

у меня не голова хромает, а другие детали.

— Какие? — спросила я бестактно, не успев прикусить язык.

— Колено, — ответил он как ни в чем не бывало. — Бедренная кость. Левое лёгкое. Позвоночник — барахлят два позвонка. Остальное в рабочем состоянии.

Я извинилась за бестактность и вернулась к вожделенной теме.

— А всякое разное вообще вы можете рассказать?

— Какое всякое разное?

— Ну, например, в общем и целом, насчёт обычаев в этой организации...

Он прервал меня, повернув голову и прислушиваясь.

— У вас там нигде не дует? По-моему, сквозит, не закрыть ли пока?

Я заглянула в комнату. И точно: какие-то бумаги валялись на полу. Не вникая, откуда дует, я просто-напросто закрыла двери в обе комнаты и вернулась к входной. Входную сосед тоже закрыл — закреплял шурупы с внутренней стороны.

— Вот что любопытно узнать, — продолжила я с невероятной дипломатичностью. — Скажем, некто расследует дело насчёт утопленника, у другого богатую старушку зарезали в её собственной кухне, а у третьего кого-то грохнули ножкой от рояля. Все они знают друг о друге? Я имею в виду, первые двое узнают насчёт ножики от рояля, делятся впечатлениями и так далее? Как у вас заведено?

Сосед охотно ответил.

— Да по-разному бывает. Во-первых, существует ежедневный бюллетень, которого никто не читает, но в нем вся информация о ножке от рояля и прочем. Во-вторых, редко кто лезет в чужое дело, у каждого своих хватает, а если бы кто захотел — пожалуйста, изучай дело в деталях и даже советуй, если имеешь соображения. В-третьих, иногда специально рассылаются сообщения всем, чтобы выявить связи, ассоциации и тому подобное. В-четвёртых, кое-кто и в шорах работает, грызёт свои загадки, ничего не знает про других и знать не хочет; и так случается. Все по-разному. Тут никакой тайны нет.

— А например...

Тут я вспомнила, что он ушёл с работы четыре года назад, о прошлогодних событиях, возможно, и не слышал. Но людей-то наверняка знает, посоветует, к кому обратиться...

— А вы, наверное, хотели спросить о каком-то конкретном случае? — взглянул он на меня, отрываясь от замка. — Например, о трупе, законсервированном в формалине и в воске...

Меня заклинило, и он мог вполне свободно говорить о чем угодно.

— На все вопросы охотно отвечаю, а пока что прошу принять работу. Готово. Пожалуйста!

Ошарашенная, я совсем забыла, зачем и почему сижу с ним в прихожей. Наконец справилась с собой судорожным усилием и, нетерпеливо повернув ключ в новом замке, закрыла дверь изнутри. Потом вопрошающе посмотрела на него.

— Стоп! Немного терпения. Добросовестный мастер обязан убрать за собой. Это первым делом. Есть у вас совок для мусора?..

Как бы не так. Прикончив совок в памятной битве, новый купить позабыла. Подсунула ему картонную коробку, каких много валялось по всему дому. Он замёл старательно щепочки и обрезки, так что я из себя выходила. Стиснула зубы изо всех сил, пожалуй, даже заскрипели.

— А во-вторых, — продолжил он обстоятельно, высыпая щепочки из коробки в кулёк, — надо отпраздновать обновление замка, приглашаю вас на низкоградусный алкоголь. Насколько помню, вы таковой предпочитаете. Вино, пиво, шампанское — что пожелаете.

Он совсем сбил меня с панталыку.

— А вы не ошибаетесь? — заартачилась я. — Это мне надлежит вас пригласить, а не вам меня. Что я и предлагаю: пиво и шампанское есть, а вот вина нет, но не будем мелочиться...

Сосед протестовал и настаивал на своём варианте — упёрся, как козёл в капусте. Не отреагировал на «мне могут позвонить» или «дом — моё рабочее место» и так далее. В конце концов пришлось уступить — труп в формалине давал ему решительный перевес. Я закрыла дверь на новый замок и отправилась к соседу.

Трупная тема развивалась очаровательно. Да, конечно, он знал об этом. Да, конечно, тот телефонный разговор и кот — это он, а случайности, что ж — дело вполне человеческое. Знал он и прочие события со стороны тех, кто все ещё не имел возможности действовать...

Где-то в середине визита сосед превратился самым естественным образом в Януша, а я всегда любила это имя, и потому нам легко и незаметно удалось перейти с пана и пани на «ты». А после я узнала множество разных вещей, от которых волосы дыбом вставали, а ещё потом получила утешительные сведения: все эта, находится под наблюдением и в нужный момент имеющиеся материалы будут использованы. Потом моя искренность в изложении некоторых тем была несколько приторможена Янушем, чтобы не получилось, будто от меня что-то выпытывают...

А потом он вообще начал мне очень нравиться...

В девять утра позвонила Пломбир.

— Я насчёт голубой тесьмы, — начала она без вступлений. — Видела такую в павильонах на Маршалковской. Шёлковая.

— Ох нет, лучше бы хлопчатобумажную, — завела я, вспомнив, что следовало побеседовать о бабских пустяках. — Ладно, шёлковая тоже пригодится. Посмотрю. Спасибо вам большое.

— Вот, пожалуй, и все, извините, спешу, дела. Только насчёт этой тесьмы и позвонила, мне показалось, вам позарез надо...

Голубая шёлковая тесьма нужна мне была как рыбке зонтик. Я поняла: следует все бросить и ехать в «Гранд» — там открывали в десять.

— Чего он от вас добивался? — спросила Пломбир вполголоса, когда я уселась за автомат рядом с ней. Не повернула головы и не смотрела на меня.

— Кто?

— Крыса.

Меня чуть удар не хватил.

— Как это Крыса... О ком вы?!

— Позавчера в «Марриотте». Сидел рядом с вами. Вы разговаривали. Я ещё вчера вам звонила, да не застала.

В голове началась полная сумятица, пришлось немного помолчать.

— Боже праведный, это был Крыса?!..

— Точно. Я же знаю его. Потому мне и запретили...

Автомат ошалел и выдал мне нежданно-негаданно малый покер. Ох, как я порадовалась — музыка давала перерыв в игре, к тому же заглушала разговор.

— Кто вам запретил и что?

— Заходить в «Марриотт». Чего он от вас хотел?

— Трудно сказать. Похоже, прощупывал, кого из шайки заприметила...

Хоть мы и спешили, все равно не успели больше ничего друг другу сообщить. Пломбир решительно взяла сумку, поместила на колени и при первой же возможности извлекла длительную музыку из своего автомата. Пробивала тройку. Музыка играла втрое дольше, чем при моем покере, и я с завистью взглянула на её экран.

— О чем он говорил?

— Да все насчёт везения и дублирования. Разглагольствовал про какой-то научный метод. Удочку забрасывал, проще говоря.

— Он вынюхивал, какие у вас данные. Что вы сказали?

— Ничего. Терпеть не могу болтовни за автоматом. Ни в чем не осведомлена, ничему не верю, завидую тем, кто на подъёме и вовсе с ними незнакома.

— Ох, слава Богу! Я нарочно туда заглянула, из-за того что мне запретили. И сразу увидела его рядом с вами. Убежала, надеюсь, никто не заметил.

Я слила из своего автомата жетоны и снова наделала шуму. Всем сердцем пожалела, что их не так много.

— Где он живёт, вы не знаете?

— Нет. Слышала кое-что. Про какого-то ребёнка — ищут маленького мальчика, только не поняла зачем...

— Зато я немного в курсе. Главное — почему его ищут? Он исчез, точно, а им-то что? Зачем его ищут и почему?

— Мне кажется, тут какой-то ужас. Ребёнка чуть ли не убить собираются. Подслушала я случайно, очень мало, поняла только, что он кому-то из них опасен. Сама боюсь до смерти, а вы уходите отсюда скорей. В любом случае Крысу вы видели...

Я извлекла жетоны и перешла к другому автомату, к фруктовому. И принялась обдумывать, как найти Гутюшу. С подстанцией на сорок два мой телефон не соединялся уже три дня, вчера на работе его не застала, он, возможно, и звонил, так меня не было, а с Тадеушем не работал — все давно закончили и сдали. Решила ехать к нему пополудни и оставить записку в замочной скважине, в крайнем случае послать телеграмму по телефону.

Автомат вёл себя на удивление прилично, то и дело платил, и я увлеклась, позабыв о времени. Вдруг около меня оказался столь жадно ожидаемый Гутюша, было уже двадцать минут пятого.

— Я прямо с работы, нигде тебя не найдёшь, значит, торчишь здесь, — объявил он. — Страшные дела.

— Что случилось? У меня тоже страшные дела, и тоже тебя ищу. Собиралась к тебе ехать.

— А меня там нет. Суетился, понимаешь, с корешами, вернее, с одним, да и того хватит. Бардак всюду гуляет.

— Гутюша, говори сразу, но по очереди: где бардак?

— В милиции. То есть теперь в полиции. По-разному идёт, но ещё далеко не дошло до сволочей, только порядочных людей и дают. Странно все. Бумаги есть, любой глухой видит, творится кошмар, а заняться всем этим некому. Постой, я уж все выложу, до последнего огурца, понимаю

вопросы твои, и я так же лоб расшибал. Распоряжения сверху нет, ну и следствие прекращено, и все вон, в шкаф. А в доверительном разговоре: они, мол, не акционерное общество, а государственная организация, лично что могли, то сделали. Насчёт, например, Крысы вообще очки набекрень, может, это и несколько человек, а не один. Акулы их беспокоят, потому как до мелкой рыбёшки никому дела нет, это первое, а второе, всякую мелочь вовсе никто не воспрещает ловить, ловите, сколько влезет. А крупный рыбец под надёжной охраной.

Я врезалась в Гутюшино повествование, понимала все и сама, со вчерашнего дня ориентировалась в ситуации — из ушей уже лезло. С общим положением нам не справиться, а потому следует заняться конкретикой.

— Я видела Крысу, — подчеркнула я с нажимом, чтобы до него дошло скорее. — Крыса меня тоже. Разговаривал со мной.

Гутюша онемел и воззрился на меня в тревожном ожидании.

— Обязательно тебе его покажу. — Я выдала полный отчёт. — Не знаю как. Придумай что-нибудь.

Гутюша сначала пожал плечами, затем начал рыться в карманах.

— Способ есть, может, и не первый сорт, но все же. У меня фамилии здесь и адреса...

— Чьи?

— Всех мужиков, работавших с покойниками, Стшельчиком и Залевским. Этот труп модельный из подвала — Залевский. Я, видишь ли, не засыпал золу грушами с вербы, а вцепился ещё раньше, ещё без тебя, а один мой дружок расстарался, ходы использовал и достал все, что надо. Вот, видишь...

Он разгладил вдрызг измятый врачебный рецепт и представил мне весьма специфический текст. Весь рецепт был исписан бисерным почерком, а между лекарствами находились записи вовсе не медицинской натуры. Я посмотрела через лупу, сосчитала — одиннадцать фамилий, около каждой адрес, в иных случаях даже телефоны.

— Честно говоря, получил все вчера. Заучить наизусть не для моего котелка, а на рецепте не очень-то разберёшь. Кто-то из них Крыса, а возможно, и ещё знакомцы обнаружатся. Я оторвалась от чтения, убрала лупу, вернула ему рецепт и принялась размышлять вслух.

— На этой чёртовой Праге я ещё не была. Теперь уж и не придумаю куда сперва — туда или сюда...

Гутюша уже продумал диспозицию.

— Я бы поехал к ним сразу. Этих каналов так просто и не заарканишь,

погляжу, что там за бражка. Понимаешь, освоиться на месте надо. Посижу себе на скамейке или прикинусь ханыгой, то и дело буду закуривать, знаешь, раздрызганный алкаш на природе. Всех засниму — портреты заимеем, а там посмотрим.

Замысел был неплох. Навестить одиннадцать адресов — ничего особенного, за полтора часа обернёмся, оставлю Гутюшу на месте и ещё на Прагу успею. Я оторвалась от автомата, и мы двинулись на охоту, сперва вместе, а после разойдёмся...

* * *

После того кошмарного обследования я это строеньице запомнила прекрасно и в бывшее блудилище — сейчас жилая квартира — попала сразу. Дверь открыла та самая девочка, только повзрослевшая на год.

— Добрый вечер, — начала я скороговоркой. — Я тут перед ремонтом обмеры делала и у вас тоже. Ты меня помнишь?

Она кивнула. Пожалуй, девочка замкнутая.

— У меня к тебе пустяковое дельце, может, поговорим?

Девочка снова кивнула, на сей раз слегка неуверенно. Из квартиры послышалось: «Кто пришёл?», голос женский, мать, наверное.

Я забеспокоилась — контактировать с маменькой не входило в мои планы, я не успела выдумать предлога, и добротное враньё не шло на язык. Девочка, впрочем, выручила.

— Это ко мне! — крикнула она. — Выйду ненадолго во двор!

Я все ещё стояла за порогом, отстранилась, девочка вышла и закрыла за собой дверь.

— Если вы ко мне, то дома негде. Все сидят друг у друга на голове, а мой брат подслушивать любит. В чем дело?

Она, по-видимому, чем-то обеспокоена и не жаждет семью посвящать. Меня это устраивало вполне.

— Помнишь, когда мы обмеряли вашу квартиру, к тебе пришла подружка, — начала я, усаживаясь на досках, сваленных во дворе.

Было уже темно, но свет из окон и от фонаря освещал её лицо, девочка смертельно перепугалась. Она тоже собиралась сесть, но тут напряглась, сдерживая желание удрать. Наверное, забеспокоилась из-за подружки.

— Сядь! — сказала я резко, но приглушённо. — Я тебе ничего не сделаю, и меня не касаются всякие ваши глупости. Хочу кое-что узнать и никому ничего не скажу.

Девочка замерла, но полусидячая позиция была очень неудобна, она тяжело плюхнулась на доски и глубоко перевела дыхание, по-видимому, с перепугу даже дышать не смела.

— Как приходила тогда подружка, вижу, помнишь, — я заговорила успокаивающе. — Вашего разговора я не слышала, занята была, донеслось до меня только имя какой-то Каськи. Эту Каську твоя подруга назвала душой. Меня интересует только одно, кто она, эта дура Каська?

Каська, очевидно, оказалось не самое страшное, девочка снова вздохнула с явным облегчением. Помолчала, собиралась с мыслями и преодолевала панику.

— Да была тут одна такая...

— Кто? Твоя соученица?

— Какое там. Приходила со своим парнем, таскалась сюда. Она того...

— Которого?

— Наркоманка...

Через меня не то электрический разряд прошёл, не то стайка муравьёв-спринтеров промчалась: нашла красивую пани Касю...

— Дорогая моя, я из-за этого и приехала. Сделай одолжение, расскажи все, что знаешь про эту Каську.

— А что? — недоверчиво покосилась девочка.

Я посмотрела на неё максимально серьёзно, в надежде, что она все-таки увидит в неверном освещении выражение моего лица.

— Я разве тебя спрашиваю про твои дела? А ведь могу...

— Да нет, мне все равно, — поспешно прервала она. — Так вот: она шлялась сюда и ждала того парня. Иногда оставалась ночевать в нашем доме... Где придётся. А мы с ней разговаривали.

Замолчала. Похоже, с Каськой дела неважные. Я решила поставить вопрос ребром.

— Слушай, мне необходимо знать все про Каську-наркоманку — её надо найти. Меня не интересует остальное, и плевать хочу на всякие романы и прочее. Я не слепая, вижу, ты чего-то боишься, бойся себе на здоровье, скрывай или сгруппированно проболтаешься, меня не касается. Даже если вы вместе с подругой убили кого-нибудь, смилуйся Боже, над его душой, моя хата с краю, никому ничего не скажу. Я понятно говорю? Скажи все про Каську и меня больше не увидишь.

— Нет, убийство нет... — вырвалось у неё. — Но... Значит... Все за Каськой тут ходят...

— Кто все?

— Разные. Приходили, спрашивали. Агате по морде съездили, потому

что сказала, ничего, мол, не видела, а она и взаправду не видела, а я, значит, сразу и созналась...

— В чем созналась, Господи Боже?!

— Мол, знаю её. Она дура, помыкали ею все, для своего парня на все готова, через него и в наркоту влипла., вообще добрая, помогала всем, любила детей и её парень тоже, возились с ребятишками...

Опять замолчала, немного подумала, внимательно на меня посмотрела. Я напряжённо ждала.

— Так и быть, — решила она вдруг. — С меня хватит. Пани — первый нормальный человек... Да я вас и знаю, вы ведь и сами догадываетесь, кто о ней спрашивал, а вы не из них, я вижу... Скажу вам все. Парень велел им сушковать, этим ребятишкам...

— Как это сушковать? — Так., ну, здесь в детском доме был мальчик, его фамилия Сушко. А этот Каськин парень научил ребят шваркать подошвами и бормотать тихонько под нос, и получалось так: суш-ко, суш-ко, суш-ко, целыми часами могли так шваркать, а он слушал, будто музыку небесную...

Я тоже слушала, будто музыку, может, даже в большем экстазе. Девочка отбросила опасения и говорила не переставая.

— Каська с парнем сюда за делом ходили, хотя какие дела у таких, у них и так крыша едет, и все же что-то там выполняли. И играли с ребятами. А когда исчезли, их начали искать, и милиция даже. Я никому не говорила, а вам скажу... У Каськи была семья, она просто убежала из дому, она уже совершеннолетняя — ей восемнадцать исполнилось. И деньги у неё были, кто-то давал. Её парень тоже из семьи...

— А не знаешь их фамилий?

— Нет, даже как зовут, не знаю. Она звала его Пёс.

— Как?!

— Пёс. Обыкновенно — пёс, и все тут. И у меня есть один адрес, Каська как-то здесь сидела одна, разве не видели? Да вы не могли не видеть, ведь мерили весь дом! Здесь, где мы теперь живём, такая комнатуха рядом, даже дверей не было, теперь временно поставили, она сидела в углу, а я заглянула — сторожиху искала, ну, и увидела её, ей плохо сделалось, стонала, ничего не хотела, только велела, ежели помрёт, передать одной женщине. Думаю, она ничего не соображала, кому говорит, меня не узнала, говорила как с чужой. На Саской Кемпе, Валечных, пять, первый этаж, Голковская Марианна. Голковской она и велела сказать, что померла. И все. А тогда не померла, лучше ей стало и ушла.

— А парень? О нем ничего не известно?

— Нет. Только противно с ней обращался. Упрямый, как черт. Все по его должно быть, и точка. О Голковской я никому ни слова, никто про это слыхом не слыхал.

Замолчала и снова перевела дыхание, словно тяжесть с себя сбросила. О Каське, видимо, и в самом деле все сказала.

— Порядок, — заключила я и придержала её за руку — она уже рвалась убежать. — Слушай, я обещала не совать нос в твои дела и не буду. Но я все-таки взрослая, а потому, если тебе понадобится помощь, вот мой номер телефона. Ты его выучи и запомни навсегда. Меня здесь не было, ты ничего не говорила, видела только за обмерами дома. Представь, я тоже боюсь. В случае нужды звони, только, ради Бога, никому об этом ни слова!

Девочка, видимо, прекрасно поняла мои переживания и сразу успокоилась. Кивнула, повторила вполголоса номер, встала спокойно, неторопливо. Пожалуй, мы заключили союз...

* * *

На улицу Валечных, пять я примчалась на следующий день около десяти утра. На особу, открывшую мне, посмотрела с великим вниманием и с ещё большим сомнением. Она отнюдь не располагала к себе, напротив: губы, сжатые в тонкую линию, подозрительный взгляд сразу лишали всякого оптимизма. Невысокая, худая, жилистая и, пожалуй, старая, она не спросила: «Кто там?», а открыла дверь, не снимая цепочки, и молча уставилась на меня.

— Пани Марианна Голковская?

Она кивнула, по-прежнему стояла неподвижно и молча, ожидая, что я ещё скажу. Кстати, у меня ведь есть пароль...

— Кася дала ваше имя и адрес. В случае смерти просила вас уведомить.

Марианна Голковская вздрогнула, прикрыла дверь, я уже решила — вот и конец общению, но нет, она просто хотела снять цепочку. И сразу же открыла шире.

— Войдите, — пригласила она шёпотом. Пропустила меня вперёд и снова накинула цепочку. Мы стояли в узкой прихожей, разглядывая друг друга. Очередь говорить, по моему мнению, была за ней.

— Умерла? — спросила она сухим, холодным тоном.

— Не знаю, — возмутилась я, шокированная её равнодушием. — Хотелось бы её отыскать, чтобы узнать. Рассчитываю на вашу помощь.

Она пожала плечами. Опять сжала губы, осмотрела меня сверху донизу, внимательно разглядывая туфли, и снова пожала плечами.

— А вы, собственно, кто?

Было очевидно, фамилией и профессией она не удовлетворится. Попробуй тут в двух словах объяснить, кто я, зачем ищу её холерную Каську, зачем мне пропавший мальчик, почему необходима полная тайна и по какой причине она обязана мне доверять. Легче было бы объяснить, кем я НЕ являюсь — королевой английской, сотрудником полиции, секретаршей государственного мужа, оперной примадонной, членом преступной клики... Путём исключений, возможно, к чему-нибудь мы и пришли бы.

— Я скажу вам, в чем дело, — решила я, хотя по-прежнему злилась. — Если бы мы могли где-нибудь сесть... Не люблю разговаривать стоя, а говорить придётся долго.

Она снова осмотрела мои туфли и вдруг, перестав колебаться, пригласила в комнату.

Мне не пришлось осмотреться, но создалось впечатление, что ни комната, ни вся квартира как-то не подходят к особе, их занимающей. И атмосфера, и обстановка имели иной характер и уровень. Марианна Голковская могла бы здесь убираться, поливать цветы, но не жить.

— Ну? — спросила она и села на краешек кресла у низкого столика. Манера сидеть тоже о многом говорила.

Я сообщила, кто я, извлекая из сумки разные свидетельства, включая водительские права. Она и не подумала делать вид — да что вы, да зачем же, — прочитала все бумажки с величайшим тщанием. Я пережидала молча, подавляя нетерпение.

Наконец она кивнула так, словно соглашалась на моё пребывание в этом мире и позволяла мне и дальше существовать. Я весьма остро ощутила нелегальность собственной жизни до этого момента. Ладно, пусть её. Я сгребла со столика бумаги.

— Касю знаю лишь в лицо, — холодно сообщила я. — Мне известно также, что она взяла с собой мальчика, которого считают пропавшим... — Этого маленького Сушко, да? — прервала она, и в её голосе зазвучало ядовитое удовлетворение.

Я постаралась скрыть, что попала впросак.

— Вы тоже осведомлены? Она кивнула и выжидательно взглянула на меня.

— В таком случае вас наверняка известили — его ищут. И не все из ищущих имеют добрые намерения. Мне необходимо не столько его найти,

сколько удостовериться, что ребёнок в безопасности. Ну и во всяком случае, получить сведения о том, где он находится...

— А за вами получит сведения тот... — сорвалось у неё, и она тотчас сжала губы.

Меня залихорадило: этой бабе известно больше, чем мне, возможно, даже все. Оборванная фраза значила колоссально много.

— Если получит сведения вслед за мной, то получит сведения и насчёт меня. А я ещё хотела бы немного пожить и постараюсь, чтобы никто ничего не узнал. Ведь надо же ребёнка обезопасить, пока до него не добрались, а до него добираются уже несколько таких типов. Не намереваюсь ничем рисковать, вы сами решите, искать ли мальчика с умом или плутать на ощупь. Чтобы искать с умом, мне надо кое в чем сориентироваться.

Марианна Голковская, возможно, и выслушала этот монолог, но думала по-своему.

— Убить-то его, пожалуй, не убьют, — раздумчиво сказала она. — Хотя голову на отсечение не дам. А вот дураком сделают полным, а он вовсе не дурак пока что. Пожалуй, и шею могут свернуть. Мне не говорили, где он.

— Это правда?

— Да. Я не хотела знать. И не хочу. Вам бы я сказала, вижу, вы не из тех. По ногам поняла.

Мой характер и ум определялись по разным параметрам в течение жизни, но чтоб по ногам!.. Я в наивном изумлении уставилась на пани Голковскую — раз все уж по ногам видно, на физиономии вовсе не обязательно ума искать...

— Туфли, — снизошла она до объяснения. — Уж и не знаю, что тут такое, только я всегда на ноги гляжу и ещё ни разу в жизни не ошиблась. Понимаете, все вместе — ноги, обувь, они либо хитрые и нечестные, либо порядочные, и всякое остальное тоже. Вы, пани, и вправду порядочная, потому выскажу, как думаю. Понимаете, ведь это Касина квартира.

Я охотно кивнула — это совпало и с моими наблюдениями.

— Я у них хозяйство вела. Касю сама растила, с младенческих лет, потому как её мать — говорить срамно, а отец ещё хуже. А здесь жила бабка, сейчас в санатории и живая не вернётся, а квартиру Касе завещала, Кася и не ведает про это. Да и не надо ей до времени знать, ещё сдуру продаст по дешёвке или что другое удумает. Пока этот её..., жених...

Здесь она прямо-таки зашипела. Жениха, видать, надлежало просто удавить.

— ..не подойдет... Или за ум не возьмётся, хоть я больно-то не надеюсь... Вот тогда и Кася вылечится... — Пока что нет ни её, ни его, — напомнила я. — Где-то оба скрылись. Вы не догадываетесь, где они?

— Догадываюсь. И так и сяк.

— Неважно. Я очень осторожно постараюсь навести справки.

— А вы себе уяснили, если ребёнка найдут, убьют непременно?

— Уяснила.

Она опять кивнула, по-видимому довольная своими убедительными аргументами. Да, всякого я могла ожидать, но снискать доверие по причине туфель, за умеренную цену купленных на летней распродаже в Торонто... Симпатичные туфельки, но чтоб до такой степени?..

— Есть тут один, продаёт это дерьмо, он может знать про них, наверняка кто-то из них к нему ходит. — Марианна Голковская начала высчитывать по пальцам. — Есть ещё хромая психопатка, у ней ум на свой лад закручен, из хорошей семьи, так она по всей Польше знает разные места, в основном на кладбищах, где и пожить можно в склепах. А третий там навроде опекуна, молодёжь пригревает, маленького Сушко тоже ищет, с теми бандитами не знается, а мне все ж таки не нравится. Четвёртая — Касина подружка со школы, все складно было, когда они дружили, а об их дружбе никто понятия не имел, я только, а мать Касина её и на порог к нам не пускала бы — ей все это без надобности. А девочка была хорошая, теперь уже взрослая, старше Каси на два года. Ну а пятый — один доктор, такой, по наркоманским делам. Порядочный человек, Касю жалел, считал, можно её вылечить, со мной разговаривал, похоже, сам её и спрятал. Адреса все есть, только в секрете, и кому другому ни за что не дала бы. Глянулись вы мне, пани, а ежели пани меня обманет, не миновать вам божеской кары. Погодите здесь, за мной не ходите и не подглядывайте, принесу сама.

Я замерла в кресле — не шевельнулась, даже ног не переставила, хоть и совсем затекли, не дай Бог, заподозрит в подсматривании. Не дрогнула, дождалась, пока она не притащила листок, вырванный из тетради, с фамилиями и адресами пяти человек. А сохранить хотя бы видимость покоя стоило мне немалых усилий — тем самым опекуном молодёжи оказался Божидар.

Марианна Голковская была предусмотрительна.

— Вы это себе перепишите. Своей рукой. И про меня молчок — ничего вы от меня не получали. Мой листок я сразу сожгу.

Она внимательно следила, пока я переписывала данные в свой календарик, после чего моей зажигалкой сожгла листок в большой

хрустальной пепельнице. Старательно перемешала пепел с моими окурками и посмотрела на меня.

— Как дознаетесь, уведомьте, что с Касей. Где она, её дело, только здорова ли. Повидаться с ней не смею и к ней не пойду, потому как меня сторожат. Глаз не спускают, когда выхожу, кругом всякие мерзавцы шныряют — а пусть их, плевать мне, кто они такие, пусть глядят сколько влезет. Я их к Касс не приведу.

Я решила дома переписать адреса из календарика в манере, чужим непонятной, а две странички вырвать и тоже сжечь. Лучше прямо сегодня же. Вышла я с озабоченной и разочарованной физиономией, и выражение сие призвано было означать для возможных соглядатаев тотальный провал, никто, однако, на меня внимания не обратил и никто не пытался учинить автомобильную аварию по моей вине...

* * *

— Пожалуй, уж лучше по-простому — завести телефонную книгу, — сварливо огрызнулся Гутюша, когда я доставила ему свой трофей. — Адресков все прибывает да прибывает. Из тех, прежних, я обскакал два дома, ни одна знакомая морда по нутру не пришлась, фотки есть, можешь полюбоваться. Осталось девять рож, а у тебя сколько? Пять, м-да...

— Четыре. Пятым заниматься не стоит.

— Ну, всего тринадцать. И людишек прибывает...

— Да, урезонься ты с арифметикой. Давай рационально. Эти задницы днём сторожить смысла нету, надо по вечерам...

— Или в обед...

— Допустим. А когда у них обеденный час? Попробуем пока раскурочить этих моих.

Я постучала пальцем по программе прошлогодних бегов: закомуфлировать фамилии и адреса, сообщённые Марианной Голковской, самое милое дело в программе бегов. Все программы были перечёрканы — клочка чистого не сыщешь. Чего стоили только постоянные замены жокеев! Пиши сколько угодно фамилий — идеальные закоулки для прятков. Даже улица Мадалинского числилась в качестве запасного жокея.

— Этот первый... — начал было Гутюша с сомнением.

— Этот первый не для нас, — прервала я. — На него бы частных детективов напустить, поговори со своими корешами. Может, у них кто на примете есть.

— Есть. Об этом я и хотел сказать.

— Прекрасно. Нам, значит, остаются хромуша-психопатка, подружка и доктор. Разделяемся или вместе двинем?

— Понятно, парой. Поглядим на месте, какой прогноз погоды.

Хромуша-психопатка жила вроде бы неподалёку. По пути я все удивлялась — адрес какой-то невероятно знакомый. Кабы не фамилия и не хромота, сочла бы, что это моя старая приятельница, которая как раз там и жила. Знакомства она водила удивительные, годилась на любую афёру, вот только фамилия другая и никогда не хромала...

И все-таки именно она открыла дверь.

— О Господи, морок сгинь, пропади! — завопила она и даже глаза протёрла под тёмными очками. — Привидение, что ли? Честью клянусь, сегодня ничего не пила!

— Вот повезло-то — Баська! — обрадовалась я. — Замуж вышла?

Баська отошла, приглашая войти.

— А что было делать, если этот старый хрен ни фиги на жизнь не оставил. Господи, спаси его душу. Будем галдеть разом или по очереди?

— По очереди. У меня тут к тебе серьёзное дело. Я, кстати, не вижу, что бы ты хромала, откуда слухи про хромушу?

— А этот пан кто такой? — Баська с интересом осмотрела Гутюшу.

— Вполне наш человек. Гутюша, представься. Дело к тебе у нас общее.

— Хромота, скажу тебе, замечательно скрашивает жизнь, — засмеялась Баська. — Когда-то я растянула ногу и ходила с тростью. Сама удивляюсь, как шею не сломала — чёртова палка вечно путалась под ногами и доставляла массу хлопот, зато я на всех производила отличное впечатление. Каждый встречный рвался помочь. В конце концов я эту палку оставила себе, и она многие проблемы вместо меня решает. Роль хромоножки не так уж трудна, главное — не забыть, на какую ногу хромаю.

— Женщина — натура изменчивая, многоотраслевая, — куртуазно вмешался Гутюша.

— Я тоже так считаю, — согласилась Баська. — А насчёт мужа вот какая петрушка вышла: был чьим-то там свойственником, черта с два выцарапаешь наследство у его семейки, вот я и решилась на другого — выбора не было. Другому было восемьдесят семь лет и поступил деликатно, умерев через четыре месяца после свадьбы, теперь есть на что жить. С Анджеем, конечно, Анджеем у меня остался.

— А его нет дома? — забеспокоилась я, заглядывая в глубь квартиры.

— Случается и по делам выходить. Видела ведь, я сама чай

заваривала. А что? Тайна?

— На всякий случай имей в виду — гранит, колодец и чёрная могила. Впрочем, сейчас сама поймёшь.

Баська кивнула. От неё не надо было требовать разных клятв, молчать умела конкурсно. Она хранила секреты самым простым и великолепным способом: трепалась о них напропалую. Все были убеждены в её прямо-таки бушующей искренности: душа нараспашку, говорит все, что знает, и ещё немного больше, словом, признания извергались Ниагарой. De facto о том, что хотела скрыть, никогда не произнесла ни единого слова, а сомнений ни у кого не возникало.

— Валяй про дело, вижу, тебя просто распирает, — поощрила меня Баська.

— Ты знала одну наркоманку Касю, — начала я.

— Она таинственно исчезла, и ты ищешь её вместе со всем городом, — подхватила Баська. — Не думаю, что ты заодно с разными сволочами. Ищешь её, чтоб всем насолить, или ещё по какой причине? Так, из любопытства спрашиваю.

— По многим причинам. О ребёнке тоже слышала?

— Догадалась. Знаю эту идиотку давно, ну, пожалуй, года три, хоть убей, не помню, как с ней познакомились. Думаю, по пьянке, потому как однажды проснулась я ранним полуднем, и оказалось, она ночевала у меня. Родить она не родила — это верняк, младшего брата никогда у неё не было, раз говорилось о ребёнке, значит, откуда-то раздобыла чужого. Похоже, украла. Так или нет?

— Почти в яблочко. Знаешь, где она?

— Несколько месяцев назад знала, а теперь уже нет.

— А что?

— А вернула мне ключи от склепа. Я поняла: Каська-наркоманка находила себе убежище в одном из родовых склепов Баськи, разбросанных по разным кладбищам в зависимости от расположения бывших имений. Склепы эти являли собой либо внушительные наземные сооружения, либо обширные подземные катакомбы. В них можно было жить вполне удобно.

— А ты уверена, что она не обзавелась вторым ключом?

— Вообще-то на неё не похоже, но твоя воля, хочешь — проверь. Даже не очень далеко, не доезжая Пулав, в деревне Здзитов. Склеп грандиозный, сразу увидишь. Возможно, протекает крыша.

— А помимо склепа, куда она могла подеваться? Не догадываешься хоть чуть-чуть?

— Возможно, и есть кой-какие мыслишки, но все очень сложно и,

честно говоря, неохота в такой переплёт вступать. Тебе что надо — где Каська или где она спрятала ребёнка?

— А это разные вещи?

— Совершенно.

— Тогда меня больше беспокоит ребёнок. За Каськой, сдаётся, никто не охотится, чтобы ей шею свернуть.

— Ну, так я скажу тебе по порядку, а ты кумекай. Знала я когда-то одного мужика. Запомнила по гроб жизни из-за его странных вкусов. Упёрся всеми копытами — пойду, мол, лесничим в дикий лес и займею множество детей. Вовсе не стремился нарожать сплошь сыновей, согласен был и на девчонок, и очень уж меня этим отпугнул. Где он сейчас, не знаю, но допускаю, сделался-таки лесничим — упрям как сивый мерин.

Баська допила чай и закурила. Я терпеливо ждала.

— У Каськи была подруга, — продолжала она. — Обращаю твоё внимание — это совсем другой факт, никоим образом не стыкующийся с иными. Совершенно не понимаю, почему она всячески скрывала свою подругу, но — факт, скрывала. Об этой подруге я знаю только одно: её изнасиловали. Каська не из болтливых, но однажды на неё нашло — разоткровенничалась, рассказала об этом насилии, а юмор в том, что насильник очень нравился своей жертве. Зачем так сопротивлялась ему, не понимаю, кончилось же тем, что она откусила ему кончик уха.

— Сожрала или выплюнула? — внезапно заинтересовался Гутюша.

— Вот ведь незадача — я как-то не подумала, — сказала Баська. — Может, от нервов и проглотила? Может, не разжёвывая...

На несколько минут Каська-наркоманка и пропавший мальчик были забыты. Мы всю обсуждали, как и почему откусывают ухо, причём нам явно не хватало личного опыта. А посему проблема не была решена.

— Вернёмся к нашей теме, это уже все про второй факт? — спросила я.

— Нет, ещё не все. Нравился он ей, ну и после уха напали на неё угрызения совести и она просила прощения. Он тоже. В результате подружились, как положено, связанные ужасной тайной, оба чувствовали себя до крайности глупо. Он вовсе не был присяжным насильником — только в тот единственный раз черт его надоумил. Вот и все. А., ещё нет! Насилие совершилось в лесу, а он был лесничим.

— Ассоциация напрашивается сама, только вот есть ли хоть тень смысла, — заметила я критически. — Предупреждала, неизбежен тяжкий умственный труд, — наставительно произнесла Баська. — Что касается третьего факта, его вообще нет. Только вот одинокое дерево на лугу

бросается в глаза, а в лесу его совсем не видать.

Гутюша и в самом деле умел думать.

— Если этот лесничий отработал свою программу, то одним ребёнком больше или меньше — никому в башку не стрелит. Где теперь это ухо?

— На голове, смею предположить, — изумилась Баська, поглядывая на Гутюшу с лёгким сомнением.

— Он спрашивает, где твой лесничий, — перевела я.

— Ни малейшего понятия не имею. Мы не виделись лет пятнадцать. Чтобы вам не морочить голову, сразу заявлю: не представляю, где живёт и как фамилия той пострадавшей подруги.

— Неважно. У нас есть её адрес, — сообщила я. — Так или иначе мы все равно к ней поедem, а к тому же ещё и ухо есть. Правда, как тут подступиться — вопрос деликатный.

— Можно получить полный список всех лесничих в Польше, — подсказала Баська. — С датами рождения, отбрось всех очень молодых и очень старых... Пстой, пстой, ему теперь, пожалуй... Пятнадцать и двадцать три, сколько будет?

— Тридцать восемь, — машинально ответил Гутюша.

— Я не стану протестовать, если немного накинете или сбросите, — усмехнулась Баська. — Определяю на глаз. Из этих выберете одного с откушенным ухом, и дело с концом. А теперь расскажи, как вообще жизнь и что слышно...

Визит у Баськи затянулся, спускались сумерки, и Гутюша мрачно потребовал переброски. Сначала я не уразумела, о чем он — об игре на бeгах, о переключении на велосипеде или о преждевременно открытой карте в бридже, однако чуть погодя поняла. Следовало переброситься на преступников и отправиться по адресам иного контингента.

По-моему, сперва следовало навестить врача, возможно, Каська где-нибудь на лечении. Гутюша заупрямился. Проссоровившись всю дорогу, мы добрались до Новаторской, и я припарковалась около канцтоваров.

— Болван ты, ну чего стоило приехать в другой день! Это очень хороший магазин, а теперь амба, все закрыто! — ворчала я. — И где тут сторожить, окстись, торчать, что ли, Симеоном-Столпником или стражем у Бельведера?..

— Зелень, — невозмутимо бросил Гутюша. — Воздухом подышим.

Мы уже вышли из машины и отошли метров на пятнадцать, когда из-за угла дома показался какой-то ферт и сел в стоящий у тротуара «ниссан». К счастью, мы оказались на противоположной стороне улицы, под тенью любезной Гутюше зелени. Я приросла к тротуару. И в свете фонаря...

— Крыса!..

— Это он!..

Наши приглушённые возгласы раздались одновременно. Я мигом нашлась:

— Гутюша, скорей обними меня! Целуй, только не сильно. В такой позитуре возраст не различишь.

— Сзади лицей, спереди музей, — галантно согласился Гутюша.

— Кретин! — прошипела я. — Ты откуда его знаешь?!..

Гутюша осторожно поцеловал меня в лоб.

— Вроде как молодая со всех сторон, — шепнул он успокоительно. — А он — тот самый, в носках! А где Крыса?

Я застыла в его объятиях, будто статуя в Саксонском Саду. Настоящая Галатея. Переполох в сером веществе поутих лишь после исчезновения «ниссана» вместе с содержимым.

— Гутюша, это был Крыса. Что значит в носках?.. Ты его видел?!

— Так ведь этот молодец красовался тогда в «Мозаике»! Рожа отпечаталась, ведь я все ж таки работаю в архитектурно-проектной мастерской, у меня зрительная память — твои друзья-приятели по профессии вбили в меня! На нем сидели эти носки, ну, такие, калориферные!.. Ну, в рёбрышки, прости Господи!

Я села в машину и обрела дар речи.

— Пошёл на мокруху — лично убил недоумка, видать, горело под ногами, а под рукой никого не случилось. Ох, наверняка подслушал тот наш разговор с недоумком...

— А выглядел наоборот, — прервал Гутюша. — Не такой уж эlegant, куртка на нем, похоже, была или ещё что, а теперь такой очень лордовый. Только по роже и узнал.

— В списке жильцов должен числиться. Давай справимся, всех перепишем.

От волнения я соображала не больно-то ловко. Гутюша был куда спокойнее. Извлёк из кармана рецепт.

— Чего копать, здесь все написано. По этому адресу живёт Мариан Возняк — справились на работе, фамилия настоящая, не работал же под псевдонимом? Крыса, значит, под вывеской Возняк, который на моих глазах убил некоего Стшельчика. Я был трезвый тогда, совершеннолетний, никому из сторон не родственник...

— Брось балаганить, я что тебе, судья?!.. Боже милостивый, что же делать с этим финтом!

— Амба! — решил Гутюша. — Пока что. Следует передать

информацию кому надо и увянуть, как розы цвет. Я займусь этим.

— Надо же Пломбиру сказать. Пусть девушка уносит ноги, господи Боже, её убить могут в любой момент...

— Никто не убьёт, пока не запакуют чемоданы. Слушай-ка, может, я не совсем дубина. Ты говорила, он играл около тебя? И что? Выигрывал или как?

Гутюшина рассудительность подействовала на меня умиротворяюще.

— погоди. дай сообразить... О черт, конечно же, выигрывал! Двадцать пять миллионов набил в казино! Сумки или ещё какого багажа не было, как же так? Постой, он же электронщик, не скомбинировал ли, случаем, что-нибудь для себя особое?..

Вся сцена в «Марриотте» представилась мне ясно: интуиция, шестое чувство или иная сверхъестественная сила подсказали ответ. Гутюша смотрел выжидательно.

— Этот паршивый перстень! — воскликнула я. — С орнаментом, толстенное кольцо на левой руке, знаешь, выглядело как маленькая мембранка у глухонемых.

Гутюша поначалу удивился, но потом кивнул утвердительно.

— Мы играли на покерном, я ничего в этом не понимаю, но прибор, даже маленький, на дубль может быть рассчитан. Он выигрывал, когда опирался рукой на автомат: тут же появлялась двойка. Прикрывал рукой первую карту, мол, все это метафизика, как бы не так: прикладывал перстень к машине, не хотел, чтобы двойки были видны...

Гутюша то и дело кивал, соглашаясь. О перстне его поделщики могли и не догадываться. Крыса сам себе деньги загребал. В голове пронеслось, а не шантажнуть ли его — видно, криминал заразителен, но тут же сообразила — толку никакого не будет. Меня элементарно отправят в мир иной при первой же оказии, а может, и ещё быстрее, странно, что до сих пор ничего такого не случилось... Мысли уже скакали наперегонки.

— И даже дирекции казино не скажу ни словечка, ни за какие соколовища, я вовсе не уверена, что они не заодно. Выигрывает вот такой гусь и выигрывает... Хотя и не зарывается, седой всякую совесть от жадности потерял, его сразу и убрали, а все-таки... Для персонала, например, видимость надо соблюдать, не могут же все быть в заговоре...

Гутюша кивал и кивал — видно, у него уже дурная привычка появилась. Я замолчала, а он все ещё кивал. Кивать перестал тогда, когда рот раскрыл.

— Уматываем. Когда магазин работает, почему бы и не постоять, а перед замком какого рожна. Поехали к врачу, не примет — не помрём, а

попробовать можно...

* * *

На Вислостраде Гутюше показалось, что за нами следят. Я заволновалась.

Чтобы проверить, не едет ли кто за тобой, надо объехать вокруг чего угодно да попетлять к тому же: преследователь по необходимости поедет за тобой и повторит любой идиотизм, какой придёт тебе в голову. Надо только запомнить едущих сзади.

Я дважды объехала площадь Вильсона, и оказалось, на хвосте у нас такси — белый «полонез». Я решила оторваться. Вернулась в центр, по дороге изложив Гутюше свои намерения.

— Если не будет дорожного знака, проедем безнаказанно. Увидит кто-нибудь — пришлют штраф или ещё раз пойду сдавать экзамен. Черт с ним. В любом случае на Пружной выскочишь, а на Маршалковской вскочишь по методу командос — на ходу. Он будет нас караулить на трассе на Жолибож, и пускай ждёт до упоения, мы поедем с другой стороны.

Запланированный манёвр удался вполне. Гутюша вышел, прокрался к Маршалковской, я переехала через тротуар, втёрлась между деревьями и мусорными контейнерами, Гутюша прыгнул в машину, и мы помчались в южном направлении.

В ретровизор видела, как белый «полонез» пытался исполнить мой предосудительный финт, в чем ему помешали прохожие. Слава Богу. Я уже повернула к Дворцу культуры, а он все ещё путался в этих манипуляциях.

Мы ехали в Трускав, где жила потайная подруга Каськи-наркоманки. Самой Каськой я перестала заниматься — она лечилась, о чем уведомил нас врач. Отказался сообщить, где она, и лишь пообещал в случае крайней необходимости организовать встречу с ней, а без нужды не разрешил нарушать лечение. Подруга, возможно, могла бы заменить Каську.

Мы разузнали её фамилию и адрес, но представления не имели, как она выглядит. Знали только возраст: двадцать — двадцать один год. Всю дорогу мы и так и сяк высчитывали время:

Баськин лесничий планировал ускорить прирост населения пятнадцать лет назад; для достижения цели женился, надо полагать. Подруга Каськи в то время насчитывала пять вёсен отроду, а потому в расчёт не принималась. Когда же он успел её изнасиловать, если это вообще он? Баська не помнила его фамилии, только имя, к счастью, довольно нетипичное — Игнаций.

Может, и в самом деле надо начинать с какого-то лесного отдела кадров и допытываться насчёт лесничего по имени Игнаций. Найти и осмотреть ухо... Жертва осталась с ним в дружбе, скажем, эти страсти разыгрались четыре года назад: вдруг да и в самом деле у неё есть адрес и кадры удастся обойти. Но если окажется действительно все в одном клубке и маленького Сушко сунули в эту ораву ребятишек, она ни за что не признается даже в знакомстве. Следует изобрести предлог...

И вдруг я кое-что припомнила.

— Гутюша, у меня мысль. Когда-то один молодой лесничий — здесь работал, в Кампиносе, — в страшной тайне писал стихи. Дал мне прочитать, дабы выслушать вердикт. Представь, очень хорошие стихи, во всяком случае те отрывки, что удалось прочитать — почерк у него был кошмарный. Я измучилась ужасно, почти ослепла и вернула ему тетрадь с просьбой переписать попроще. Дело того стоило, но продолжения не последовало, потеряла его из виду, наверно, уехал работать в другое место. Давай скажем, ищем, мол, его из-за стихов. Он скрывал это изо всех сил, никто о его творениях не знал, а мы можем утверждать, что его звали Игнаций. Как его имя на самом деле, не помню. Что думаешь, а?

Гутюша похвалил мысль. Даже предложил себя в качестве представителя издательства, которое жаждет получить эти стихи и разыскивает автора. На том и порешили.

Панна Мариола Кубас трудилась в садике за домом. С ленцой выкапывала позднюю морковь, занятие это, по-видимому, не входило в число излюбленных, она охотно оставила его. Кругленькая, пышная и веснушчатая, производила впечатление простой девахи, а вовсе не женщины-вамп, только потом я поняла, что не в том дело.

Рассказ о талантливом лесничем выслушала с интересом и не преминула нас разочаровать. Теперешний, живущий на опушке леса, вряд ли тот, кого мы ищем: во-первых, здесь совсем недавно, года два самое большее, во-вторых, не подходит по возрасту, а в-третьих, уж на поэта как-то совсем не похож. А кроме того она не понимает, почему, собственно, с этим вопросом мы обращаемся к ней.

— Я слышала, вы дружны с каким-то многодетным лесничим, а зовут его Игнаций, — брякнула я, была не была. — Фамилии того человека не знаю, имя такое же, а детей у него столько, что я всегда путалась в счёте. Ещё маленькие были, минимум штук шесть. Возможно, сейчас уже больше.

Мариола Кубас бровью, может, и не повела, но чуть-чуть удивилась.

— Откуда вам известно?

— Просто предполагаю. Он любил детей...

— Нет, откуда вам известно, что мы с ним друзья?

Так — все-таки нашли! Только поосторожней. Не хотелось ссылаться на Баську, лучше уж признаться в знакомстве с Каськой-наркоманкой, благо были разные предлоги. Обмеры здания длились довольно долго, даже и подружиться успели бы.

— От Касыси, — ответила я простодушно. — Косвенно подтвердила это и пани Голковская, у которой был ваш адрес. Вот я и попыталась. Иначе пришлось бы долго и нудно узнавать через министерство лесоводства.

Мариола Кубас внимательно разглядывала меня и довольно долго что-то обдумывала.

— Игнаций переехал в Боры Тухольские, — сообщила она наконец. — Не смогу вам объяснить, где это, но есть его адрес, только не здесь. Я весь последний год прожила у приятельницы...

Она смутилась, вздохнула и пригласила нас на бревно, лежавшее в саду. Мы рядом усадились все трое.

— Я бы очень желала ему успехов, — продолжала она. — Не знаю, поэт он или нет, я никогда не слышала, чтобы писал стихи, но и вправду мог скрывать. И мы видимся редко, раз в год, он по службе приезжает в Варшаву, недавно был. А я вообще-то живу в квартире приятельницы — она за границей и бывает только в отпуск, тогда я перебираюсь сюда. У нас договор такой, во время её пребывания здесь я ей не мешаю. Вес мои вещи у неё, она как раз приехала, и, если бы вы могли подождать с недельку, я нашла бы адрес. Оставьте мне ваш телефон, позвоню, как только найду. Договорились?

Я согласилась без долгих размышлений. Все ясно: Мариола Кубас врёт, так же как и я, и время ей нужно, чтобы выяснить, в чем дело. Лесничего знает наверняка, хочет проверить, кто мы такие, и все разыграла как по нотам. Если маленький Сушко прошёл через её руки, она отлично спрятала концы в воду.

— А вы, пан, из редакции? — внезапно обратилась она к Гутюше.

— Из «Жыча Литерацкого». — Он тяжело вздохнул. — Нештатно, вольный стрелок на договорах. Честно говоря, хочется попасть в один новый издательский кооператив, а эти стихи — ух как пригодились бы для начала. Я лично заинтересован, болтать неохота, боюсь сглазить. Ещё раз вздохнул так, что я сама почти поверила в его журналистские мучения. Я отыскала визитную карточку с номером телефона, дописала домашний телефон Гутюши и вручила Мариоле.

— Здесь телефонов нет, а у приятельницы есть, — сообщила она. — Я дам вам номер, но умоляю не звонить раньше, чем она уедет. Дней через

десять, она может остаться до последней минуты, а.., о Боже, уж скажу вам правду, а то вдруг позвоните раньше; она влюблена смертельно, заперлась дома с парнем, а я поклялась никого к ней не допускать. Пожалуйста, по-человечески учтите все это...

* * *

— Гони вовсю и тарань любой телефон, — потребовал Гутюша, едва мы двинулись в обратный путь. — Баба с понятием, в момент полетит звонить, а я должен успеть первым.

— А что?

— Секретарь в редакции «Жыча Литерацкого» — мой приятель, надо успеть предупредить его, что он меня нанимает. Если она туда не позвонит, пусть я пером обрасту или даже конским волосом. А приятель — работяга каких мало, задница к стулу прикипела — всегда на месте.

Мы успели. В первом же почтовом отделении просидели полчаса, и Гутюша упредил приятеля. За Марианну Голковскую я не беспокоилась — канадские туфли сотворили из меня личность благородную и достойную доверия.

— Никак не возьму в толк это насилие, — задумалась я, уходя с почты. — Нормальный мужик, порядочный, женат и вдруг такое...

— Как? Так ты не заметила? — От удивления Гутюша остолбенел.

Я тоже остановилась.

— Чего?

— Мать честная, эти бабы насчёт разных приколов ни черта... Где у тебя глаза, соблазн-то какой, от девки прямо током шарахает! Я бы и сам не прочь.

— Маленькая, толстая, плотная, веснушчатая, одета кое-как, физиономия обычная, без выражения, фи... Да где же этот сексапил?!

— Да вокруг. — Гутюша направился к машине. — Я объяснять не мастак, ты как бы в других понятиях, или что там ещё, а не права: вокруг неё магнитный натяг, даже в дрожь кидает. Хорошо, один изнасиловал, странно, что весь город не дежурит раза по три в день. Правда, куда тебе секс понимать.

Ну, понять-то я поняла. Когда-то знавала девицу, в ней и тени красоты не усмотришь, а не случилось мужчины, чтобы на улице не оглянулся на неё. Мариола Кубас напоминала её фигурой. Видно, есть тут что-то этакое. Ладно, это вопрос десятый, другие дела не терпят отлагательства...

— Я поговорил с кем надо, мальчонка видел самого шефа, — докладывал Гутюша, сидя за соседним автоматом. — Про шефа ничего не известно и вообще никто ничего не слышал. А у этого мальчика глаза есть и может того шефа пальцем показать, хоть вроде и того, из ума вылетел. Посему желают его пристукнуть.

— Я тоже могу пальцем его показать, тоже видела...

— Ну и что, проходил двором, каждый волен.

— Павел его видел и Зося. В подозрительных обстоятельствах...

— Все обстоятельства такие же подозрительные, как персидский базар. Стоял и глядел, подумашь. Мальчонка видел его за чем-то другим. Ты сама сообрази, все, о чем мы знаем, знаем с другой стороны, и все исключительно потому как мы этакий мыслящий камыш.

Паскалем Гутюша меня добил. Не могла сразу вспомнить слова «тростник», все татарник да татарник... Я даже взвинтилась.

— Пломбира нет, телефон не отвечает, черт-те что происходит, а мы тут ждём, как колоды. Я, пожалуй, снова поеду к той Каськиной подруге, притормозила нас виртуозно...

— Сморчок долбит на автомате, — прервал Гутюша. — Раз он играет, значит, пока все другое тоже играет. Ну вот, хоть тройку дал. Пробить?

— Делай как хочешь, у меня с этим дублем всегда неудачи, мне до фарта, как отсюда до Австралии. Слушай, я серьёзно боюсь, не убили бы её.

— Полагаю, срок не вышел. Пожалуй, рисковать не стану. Видишь ведь, коготки-то у них так и тянутся к деньгам. Нету пока признаков, что манатки пакуют.

— А как ты оные признаки представляешь? — Очень даже страшно. Обдумал в целом. Так сразу закончить, и слава труду, никакого смысла нету. Жадюги. Ну, скажешь такому: хватит, дескать, эльдорадо, больше деньги не будет, прикрываем контору, и что? Ведь его колотун разобьёт! В нервах такое коленце отколет и такое саданёт — все полетит в тартарары. Двумя больше, двумя меньше, на счетах прикинуть ведь без разницы, по-моему, они всех отправят догонять седьмого.

— Да уж, успокоил меня рекордно! — разозлилась я. — Вдруг с Пломбира начали?

— Нет, я думаю, сперва они окна заколотят. Сколько их за игрой сидит? Трое, Пломбир четвёртая, разве что кого-нибудь проглядели, а

Крысу не считаю. Это тебе не в горшок с кашей дуть, едва ли им захочется столько мокрой работы свалить, да ещё каждый раз комбинировать несчастный случай или самоубийство, не такие уж они трудяги. Сперва кончат игру и поглядят, стоит ли этим заниматься, может, и так кое-что сойдёт с рук, нет, ты погляди только: не автомат, а свинья, пока играл по два — фкг, а по одному — сразу каре, я эту суку удвою-таки!

— Мне не смотреть?

— Без разницы. И так заслону. Масофизически.

Несмотря на большую привычку к Гутюше, долго доискивалась до смысла реплики. Дубль-каре Гутюша давно перебросил на кредит, а я все ещё не была уверена, что он сказал: метафизика, масонерия или мазохизм. Похоже, гибрид двух первых... Настроение у меня было паршивое. Мариола Кубас придержала нас на бегу, два дня я терпела, на третий начала докапываться — терпение никогда не числилось моей главной добродетелью. Поддакивала Гутюше, а сама думала, что мы предосадно бездействуем: если не можем ничего сделать, надо, по крайней мере, все разузнать, все-все, во всяком случае, больше, чем теперь. Ведь знание, говорят, сила...

— А все же я поглядела бы, — угрюмо заявила я.

— На что? — заинтересовался Гутюша.

— Убьют они кого-нибудь, так хоть очевидец будет. Откуда тебе известно, может, этот сморчок играет в последний раз? Где остальные?

— В «Марриотте». Хочешь, сходи посмотри. Я отсюда теперь не уйду — пусть чёртов автомат возвращает мне кровные, слушай, как так, бездушная скотина и терзает человека, как ей заблагорассудится. А вдруг она душная?..

— Хватит! — неожиданно для себя заорала я и слезла с табурета. — Сидим тут остолопами! Заболею, если не узнаю, что с Пломбиром, ведь она рассказала все — помощи просила. А от меня та ещё подмога, меня и самое того и гляди кондрашка хватит...

В «Марриотте» сидели трое. Высокий парень, Крыса и пузан. Меня удивило такое сборище, до сих пор никогда не играли вместе, это неспроста. Мало того, забеспокоилась: играть было не на чем — они заняли три покерных автомата, к четвёртому мне пришлось бы протискиваться через них, а Крыса меня знал. Играл он, правда, с другой стороны, но, без сомнения, присматривал за сообщниками. Дабы не обращать на себя внимания, предпочла более дешёвый автомат, оказавшийся свободным, к тому же расположенный подальше. Видела со своего места парня и пузана. Крыса о себе заявлял исключительно

звяканьем жетонов и музыкой.

Я начала играть осторожно, размышляя, что бы означало это сборище. Напрашивалось самое простое объяснение: все за работой, потому как спешат нахапать денег перед окончанием мероприятия, даже Крыса включился с этим своим перстнем, несколько тактичнее действует, но тоже вполне успешно. А где же тогда Пломбир?..

Очередное происшествие свалилось неожиданно. Имея, с одной стороны, этих бизнесменов, а с другой, собственный автомат, я оглохла и ослепла на все остальное. В уборную отправилась по необходимости, вход в неё был общий, и лишь далее учитывалась разница полов, и в прихожей наткнулась на хмыря. Невысокий, щупленький, прикинутый в вечерний костюм: гарнитурчик — тёмный фиолет-металлик, рубашка вышитая, муха под цвет, я аж оглянулась на него — не из-за костюма, а из-за физиономии. Видела его прекрасно. Память у меня хорошая — зрительная, — ох, сдохнуть можно, Боже праведный, это же тот пугливенький-трусоватенький молодец!!!..

Запуталась я вконец. Пугливенький, получающий деньги за высокого парня в «Гранде», и пугливенький в уборной «Марриотта» прямо-таки разные люди. Пожалуй, все-таки это он. Выйдя из уборной, я попыталась удостовериться более или менее незаметно. Что он здесь, черт, делает?..

Углядела его за рулеткой в самом углу. Что-то ставил, на игроков за автоматами не обращал никакого внимания. Меня бросило в жар, неразбериха в мозгу, уже подточенным неуверенностью и беспокойством, усилилась. Я всячески убеждала себя: при том парне пугливец разбогател, за получение денег имел свой процент и теперь наслаждается жизнью. Одеться при деньгах невелика заслуга...

Успокоиться таковым объяснением мне не удалось: когда позднее все трое вышли вместе, около одиннадцати, я тоже вышла, сама не знаю зачем. Пугливца уже проворонила, потеряла столько времени, что эти трое пять раз уже успели бы исчезнуть из виду, значит, следствие отпадало. Зато в турникете внизу встретила Гутюшу.

Выражение его лица встревожило меня не на шутку. Он меня вроде бы не заметил, а потому, не выходя из вертушки, я вернулась за ним в помещение. Гутюша же, пихая дверь, вышел на улицу. Я отправилась за ним, он снова обратно. Мне пришло в голову, что мы будем торчать в этом турникете до конца жизни, все кружась и кружась в нем, а какая-нибудь добрая душа будет носить нам еду... Но оказалось, Гутюша меня видит, вовсе не избегает, а наоборот. Я рискнула и осталась в помещении, панически ожидая, что он теперь сделает. Гутюша выбрался из вертушки и

оказался около меня.

— Курва... — пробормотал он сквозь сжатые зубы, глядя куда-то неподвижными глазами.

— Пошли отсюда и говори, что случилось, — сказала я вполголоса.

Гутюша сел в машину и произнёс несколько выражений — редких, забористых и абсолютно непечатных даже в самую разнузданную эпоху. Затем перешёл к словам более казистым.

— Ни хрена, нету трупика. И всегда-то я врезаюсь в разгар представления... Этого сморчка вычеркнули, и так из себя доходяга, а теперь и вовсе нету. На лестнице, пол-этажа пролетел и все...

Я прервала, ничего понять не могла:

— Постой! О ком ты? Про линиялого сморчка?

— Ну да, говорю же!..

— Толком говори!

— Ты меня там взвинтила, и этот чёртов автомат перестал меня любить: может, случай такой, только я пошёл за ним, не знаю зачем. В башке гуляло насчёт того, что деньги-то они куда-то доставляют, а он возьми и попрись домой, я сдуру за ним, а он, гад, лифтом проехал...

Гутюша нервничал, ощупывал карманы, очевидно, хотел закурить. Я предложила мои сигареты и заодно зажигалку. С минуту он держал в руках обе зажигалки — свою нашёл, — но, похоже, не знал, что с ними делать. Я одну отобрала и щёлкнула.

— Ну и что? — подгоняла я. — Как?

— Сверху летел. Я стоял внизу, все думал, думал, а лифт слышно было: закрылась и открылась дверь, и вдруг это. С четвёртого этажа, ослепительного грохота не было, но все-таки... Я помчался вверх, пока люди не набежали, тот на площадке лежал, клубочком свернулся, голова странно набок, видно сразу, все кончено. И глаза — труп. Пол-этажа всего-то, я знаю как...

— Что?!.. — простонала я. — Чушь какая-то: убился на лестнице, а поднимался ведь лифтом, откуда лестница...

— Ну не сам же полетел. Его дверь от лифта близко, не поехал наверх только затем, чтобы спуститься, не гимнастикой же занимался. Его столкнули, и знаю кто, падал с сумкой, а помер, сумки уже не было, не верю, что прибыль под дверью оставил, а сам побежал падать... И с такой силой, что шею свернул, с головы, что ли, начал?..

Я поняла. Некто убил линиялого сморчка и забрал его сумку с выигранными деньгами и электронным прибором. Вряд ли напал посторонний бандюга, подсмотревший его успехи в казино и ограбивший

его, вряд ли смертельный исход — случайность. Вздор! Если бандюга попробует воспользоваться прибором, шайка вычислит его мгновенно, хотя из всех зол я бы предпочла уж случайность...

Гутюша лишил меня этой надежды.

— Худшее под конец. Я там не торчал, люди начали из дверей выглядывать, меня смыло с места, около дома подождал, не от мыслей, а наоборот. Одурел совсем. И цвести мне чем попало, если из других ворот не выбежал тот амбал в замше! Видно, есть переходы по крышам, держал ли что в руках, не рассмотрел — он промелькнул, но галлюцинации исключаю, пожалуй, ты была права, начали ликвидацию дела, Господи, что с Пломбиром...

Я пыталась собраться с мыслями, но Гутюша меня все время отрывал. Понемногу он выходил из шока, и это сопровождалось бурным негодованием.

— В нормальной стране там бы уже шастала полиция, надо все с лупой оглядеть, быть того не может, чтоб не осталось какого следа. Собаку бы, ведь таился он где-то, в воздухе не висел, всем известно, микроследы каждый оставляет за собой пшеницей и овсом! Собака бы приехала, разобралась. А здесь как, приехать-то они приехали, да наверняка придумают несчастный случай — споткнулся и упал, на фиг им надо добираться до этой обезьяны в замшах? Старая песня, уж и не знаю, такого только пристрелить, как бешеного пса, чтоб у них все данные набекрень съехали, тогда, может, займутся всерьёз...

Все ясно: мошенники начали отстрел. Я прервала Гутюшу.

— К Пломбиру! Красивая девушка, вдруг ещё не убили, сидит где-нибудь под замком...

У Пломбира в комнате все было перевёрнуто вверх дном. Нам разрешила заглянуть к ней пожилая пани, хозяйка квартиры, сдающая одну комнату. По её словам, она не имеет обыкновения вторгаться к своей жилище и не видела её по меньшей мере два дня. В комнату нас не пустила: бардак не бардак — дело жилицы, вернётся и приведёт все в порядок.

Что делать?

— На Жолибож?.. — неуверенно предложил Гутюша.

— На братьев Пиллат! — вспомнила я. — В последнее время ей велели ездить туда. Её наверняка там нет, но вдруг все-таки что-нибудь узнаем...

Дверь квартиры номер два никто не открывал, хотя мы и решились позвонить. Определили расположение окна балкона-террасы. Дверь на балкон казалась приоткрытой, из-за портьеры пробивался слабый свет.

Довольно долго мы простояли в темноте под балюстрадой.

— Который час? — вдруг спросил Гутюша. Я посветила зажигалкой на часы.

— Пять минут первого. А что?

— Я бы заглянул туда, на балкон.

— Я тоже. Если её связали...

— Нет, ты не пойдёшь. Включи зажигание и жди в машине с открытой дверцей. Чтобы успеть смыться, если меня примут за грабителя.

Это имело смысл. И в случае если бандит сидит дома, и в случае если там окажется нормальная квартира, никаких объяснений быть не может. Следует уматывать в рекордном темпе. Я заколебалась.

— Я включу и открою дверцу, потом вернусь сюда. Мотор работает тихо.

— Психичка, открыто и включено, первый же встречный уведёт машину...

— Не уведёт, я присмотрю.

— Твоё дело...

Я устроилась где-то на половине пути между балконом и машиной. В темноте едва видела, как Гутюша ухватился за поручни балюстрады, оттолкнулся ногой от подмуровки и умело перемахнул на другую сторону. На секунду слабый свет вспыхнул из-за портьер. Я ждала в жутком напряжении, одним глазом следя за окном, а другим за машиной; ничего не происходило, где-то подальше слышались голоса, наверно на автобусном кольце. Прошла неделя, месяц, а может, и год.

Когда в ночной тишине увидела тёмный силуэт, слезающий с терраски, меня охватило вместе облегчение и разочарование. Я пошла к машине. Гутюша догнал меня, едва я успела сесть за руль.

— Скорей! — прохрипел он страшным голосом.

Я вздрогнула, и машина рванулась, как выброшенная катапультой. Ехала где придётся.

— Что ещё... — начала я на Пясечинской, уже недалеко от Идзиковского. Гутюше уже удалось закурить.

— Перо, — бормотал он глухо. — Вечное перо. Ручка. Нет, вроде неё. С чернилами. Карандашное.

Я тормознула — мелькнула паническая мысль, а не двинуть ли в «Скорую помощь», с Гутюшей явно неладно...

— Гони! — заорал он вдруг. — Гони, только бы подальше, на всю катушку гони!

Я сбросила скорость только на Бонифация.

— Гутюш, да что же такое!!!!.. Он перевёл дыхание.

— Ладно, хватит. Больно уж много на одну телегу... Он там лежит, оторвался жбан от ручки, не забыть вовек, выигрыш лотерейный, плохо топят... Видать, натолкнулся на нечто невероятное и психанул. Я резко нажала на тормоз.

— Пломбир?!!!

Гутюша успел схватиться за распределительный щит и не удариться головой в ветровое стекло.

— Пломбир, никакого Пломбира, сам лежит...

— Кто?!!!

— Да тот, как его, Нога, первый помощник, тот, что седого вылечил. Над рулеткой тёрся, этого пузана в «Марриотте»...

— Рука!

— Ну да, он. Труп, и не сразу, а в глазу торчит ручка, плох я совсем, мне бы рюмку водки...

Да и мне было не до смеха. Водки не было, а на заднем сиденье лежала сумка с банками пива. Я остановилась, Гутюша достал себе одну.

— Литературной смертью помер, мне кажется, — проворчал он и открыл банку, расплёскивая пену.

— Гутюша, расскажи ещё раз и, ради Бога, по порядку, — умоляла я, преодолевая дурноту. — Я, знаешь, не в силах задавать наводящие вопросы.

— Ну, влез на балкон. — Гутюша глубоко дышал, глотал пиво и помаленьку приходил в себя. — Темнота, полумрак, лампочка где-то в углу, для надлежащего уюта, но я сразу увидел его. На полу лежит. Духами там не благоухало, правда, на вкус и цвет... Так я сразу и понял, что это не хризантемы, сперва осмотрелся повсюду — две комнаты с кухней, в ванной тоже народу нет. Лежит, клянусь, я трезвый как стёклышко, да и теперь тоже, а в глазу торчит это, вечное перо, значит. Жёлтое с чёрным.

Перед внутренним моим взором прошла описанная Гутюшей картина. Говорить ещё не могла. Гутюша полез в карман.

— Это вот на столе лежало. Я прихватил на всякий случай, то ли он роман начал и по нервности себе в глаз всадил, потому как его застопорило, или ещё что, только обстановка кошмарная. С меня довольно таких пейзажей. Может, я и не эстетический Пифагор, то есть нет, другой, который, наоборот, обожал роскошь...

— Эпикур, — вырвалось у меня.

— Он самый. Понимаешь, ещё и не первой свежести... И в жизни-то красавцем был умеренным, а помер, и того хуже. А эта ручка в глазу,

Господи, зачем?!..

На такой вопрос при всем желании нельзя было ответить. Я взяла бумажку, которую он мусолил, и включила лампочку. На бумажке написано: «Я, Катажина Вежховская...» И больше ничего.

— Какая такая Катажина, на кой дьявол бабу приплёл, вот я и прихватил с собой. Больше ничего не трогал, живу в тумане, в ослеплении. И не ведаю больше, что делать.

Я тоже ничего не понимала, сидела потерянная, оглушённая. Искали Пломбира, ещё, возможно, живую, а нашли её опекуна, по словам Гутюши, бесповоротно мёртвого, да к тому же с вечным пером в глазу. Тут и носорог занервничал бы. Кто его убил, почему, каким способом... Все наши предположения перепугались: сверзившийся с лестницы линиялый сморчок подтверждал их полностью, а опекун с ручкой в глазу приводил все в невообразимый хаос.

О Пломбire мы так ничего и не узнали. Я предложила ещё раз съездить на Жолибож, но Гутюша упёрся всеми копытами.

— Дудки. Третий труп, это уже перебор, черепушка лопнет. Надо сперва обмозговать или что ещё, в общем, я поговорю с этими моими знакомцами. С утра завтра. И тебе передышка в самый раз.

Я вяло согласилась — последнее происшествие меня доконало. Отвезла Гутюшу и вернулась домой.

На почтовый ящик взглянула машинально — там лежало письмо. На конверте с фривольным цветочком стояло незнакомое имя — Лилиана Птась из Ожарова. Не знаю я никакой Лилианы Птась, никогда о ней не слышала, после сегодняшних переживаний Лилиана Птась ни в коей мере не интересовала меня. Вскрыла конверт, чтобы заняться чем-нибудь, ибо галоп вверх по лестнице никогда не был моим любимым развлечением, а чтение позволяло снизить темп. На третьем этаже темп упал до нуля. Я остановилась, пытаюсь уразуметь следующее:

«Меня уже нет. Прошу Вас, пожалуйста, сходите в четверг к особе, которая была сопровождающим и бросила курить. Я об этом узнала случайно. Позвоню туда в шесть вечера и все объясню, позвоню по автомату. Простите, но я боюсь. П.»

Я поднялась ещё на один этаж, открыла дверь, вошла в квартиру, поставила чайник на газ, вымыла руки, надела халат и все это время гадала, кто, черт побери, был сопровождающим. Когда-то знавала двоих, но они вроде бы не бросали курить. Почему Пломбир, а это, конечно же, она под именем Лилианы Птась собиралась звонить в случайное место, вполне понятно — мой телефон прослушивается, Гутюшин, очевидно, тоже.

Способ контакта она придумала неплохой, только вот куда. Боже праведный, мне идти?!

Утешительно одно; раз уж я этого не знаю, никто другой тоже не додумается. Кроме того, если не разыщу некурящего сопровождающего до четверга, он сам сообщит мне, что звонила таинственная особа по имени Пломбир. И сообщит, конечно, по моему телефону... А вот этого уж ни в коем случае нельзя допустить. Надо собрать все силы, сосредоточиться...

Весточка от Пломбира меня явно подбодрила.

В половине второго ночи я уселась в кухне с чаем и начала думать. Кратенько припомнив всех сопровождающих, оставила их в покое и занялась бывшими курильщиками. Курить бросил мой собственный сын, но никогда не был сопровождающим спортсмена. Две мои приятельницы бросили — одна доктор медицинских наук, вторая растолстела на двадцать кило. Мой первый муж уже умер, отпадает. Зося вовсе не растолстела, хоть и бросила курить...

— Иисус-Мария, Зося!!!..

Зося была рейдовым сопровождающим очень недолго. Ездила с известным спортсменом, в глаза не бросалась, и очень немногие об этом помнили, оставила работу лет пятнадцать назад, заявив, что нервы не выдерживают. Но ведь была, а Пломбир узнала случайно, конечно же, это Зося!

В четверг. А завтра ещё среда. Только бы пережить эту среду и не свихнуться...

* * *

— Умоляю, скажи только об одном, — терзала меня Зося, когда мы ждали шести часов, чтобы проверить мои домыслы. — Павел замешан?

— Нет. Был замешан с самого начала, а теперь совершенно ни при чем. Павла это не касается, успокойся.

— Слава Богу! Не понимаю, почему ты... У тебя действительно ужасный характер. Я не представляю, в чем дело и даже думать не хочу...

— Вот она, журналистка! — заметила я язвительно. — И ты ещё работаешь в журналистике! Все вы такие же журналисты, как я примадонна. Все вы одинаковые, потому вся наша пресса до сегодняшнего дня сидит в заднице...

Мы не успели хорошенько поссориться, зазвонил телефон. Зося шарахнулась, словно на неё нацелилась ядовитая змея.

— Это Пломбир, — слышалось в трубке. — Пани Иоанна?..

— Конечно. Я поняла, куда надо прийти.

— Я была уверена, что вы поймёте. Муж этой пани, только вы ей не говорите, он — бывший муж, он вас тоже знает. Я сбежала. Мне удалось, по-видимому, в последний момент. Что там происходит?

— Такой плюгавенький, худой... Иреней Медзик, вы знаете его?

— Да. Что с ним?

— Умер. Упал с лестницы.

— Мать Божия... Я предчувствовала. Пожалуй, я первой назначалась на отстрел... Что с Рукой? Вы ничего о нем не слышали? Возможно, видели его?

— Я не видела. Мой знакомый видел. Он тоже умер, и этого не...

— Это я его убила, — прервала Пломбир. — Ох, Боже, вы уверены?

— Да. Успокойтесь. При чем здесь вы, у него вечное перо...

— Именно этим. То есть наверное. Я не хотела убивать, это он меня намеревался.., я хотела бежать!

В полном ошеломлении я решила, что её надо как-то успокоить.

— Все нормально, лучше уж так, дело сделано, не вините себя. Только вот как вам удалось?!..

— Там мои имя и фамилия, — после краткого молчания сказала она глухим голосом. Я поняла.

— Ничего не осталось. Эта бумага исчезла навсегда. Что вы, собственно, начали писать?

— Он заставил, велел писать вроде бы какое-то заявление, но я догадалась, у него был шприц... Я потихоньку все время наблюдала, у меня в руках оказалась авторучка, хотела его оттолкнуть, а он как раз наклонился, вот я и попала ему в лицо... Схватила этот шприц и убежала, не понимаю даже, зачем схватила, выбросила в мусорницу. Надо было листок взять, но я совсем ума лишилась со страху. Захлопнула дверь. Слышно было, как она перевела дыхание. Я не сочла нужным уточнять, куда угодило перо.

— Я вам сейчас все скажу, — продолжала она. — Там в принципе правит Крыса, у него есть шеф, кто-то из бывшей партийной верхушки, фамилии не знаю. Кончат с автоматами, войдут в какие-нибудь предприятия или акционерные общества, убьют всех, кто о них хоть что-нибудь знает. Уничтожили свои бумаги, я имею в виду личные дела. Держат в руках, шантажом конечно, тридцать два человека, я раздобыла список этих фамилий, то есть записала и оставила, чтобы вы нашли, только боюсь сказать где. Но вы там бывали.

— И что же? — вырвалось у меня с досадой. — Мне предстоит посетить все знакомые места?

— Нет, что вы. Это оставлено у одного человека, где вы видели брусничник, а ваша знакомая ловила рыбу под зонтиком...

До меня дошло, что Зося суёт мне стакан воды, взволнованная, очевидно, выражением моей физиономии. Я взяла стакан и выпила воду для Зосино спокойствия.

— Знаю, — ответила я. — Дорогу найду. Кто?

— Вы помните, тогда пришли двое? У того, кто моложе. Я не сказала, что это для вас, не хотела, чтобы вы рисковали, на конверте номер вашего первого телефона, первого, не следующего, плюс дата того дня, когда вы видели меня на улице, вспомните, пожалуйста! Без этого он даже не сознаётся, что у него вообще что-то есть.

— Ладно. Вспомню.

— Я специально искала эту информацию. Позвоню ещё раз, не уверена только когда и как. Сейчас я в Дании, временно, сегодня же уезжаю отсюда, вы часто бывали здесь, скажите обо мне своей приятельнице, которая любит сад, от неё я могла бы узнавать про вас, если что понадобится. И ещё одна просьба — предупредите Вальдека и Романа...

— Какого Вальдека и Романа?! Кто они?!

— Пока ещё живы, наверно? — после паузы ответила Пломбир, и я поняла. Остальные игроки — высокий парень и пузан, кто из них Вальдек, а кто Роман, не имеет значения, и в самом деле, надо постараться их спасти. Я ответила, что поняла.

— Ну, это, пожалуй... А! Ещё секунду. Насчёт Валленрода догадались?

— Нет, пока ещё нет.

— Так он живёт с вами рядом. Скажите ему, что на него охотятся, знают о нем. Он для них опасен. И не уймутся, пока не найдут мальчика, его хотят убить...

Когда я положила трубку, Зося взорвалась.

— Господи, да что это такое? Что ты такое узнала, я уж думала, погрёшь на месте...

— Немного не хватало...

Я сидела неподвижно и смотрела на неё, стараясь хоть чуть-чуть упорядочить сарабанду в голове. Не получалось.

— Раз уж не померла на месте, надо кое-что предпринять. Ты сказала, не хочешь ничего знать. Спасибо за телефон, привет, у меня ни секунды...

— Про тебя все знают, — брякнула я с ходу Янушу, когда он открыл дверь. — Фамилию, где живёшь, и вообще ты на повестке дня. А я вот не желаю, чтобы тебя убили, фанаберия такая меня одолела. Ну, так как?

— А я не желаю, чтобы тебя убили. — Он затащил меня в прихожую и закрыл дверь. — У меня тоже полно фанаберии. Здесь чисто, проверяю ежедневно. Справлюсь, это моя профессия, однако мне необходимо ориентироваться, откуда твои сведения.

И тут я почувствовала — у меня есть настоящий союзник, профессионал, действующий по собственной инициативе, со знанием приёмов, средств и прочих полезных вещей. Чувство это бальзамом пролилось на мою изболевшую душу, зубы у меня перестали лязгать со страху, а роковой узел, из-за которого я вся изнервничалась, словно бы ослабел. Я приняла мужское решение.

— Слушай, я тебе доверяю. Должна доверять. Не могу жить, не могу даже водить дружбу с кем-то, кому не доверяю, может статься, это врождённый недостаток, но: нет доверия — нет и человека. Потому так легко сделать из меня кретинку или провести, правда, обмануть можно только один раз...

— Знаю.

Я подозрительно посмотрела на него.

— Откуда?

— Все о тебе знаю. В сложившейся ситуации лучше тебе об этом сказать — ты мне ужасно необходима...

Я обалдела и на минуту оглохла. Сообразила вдруг, что таких слов не слышала много лет, последний был Дьявол — необходима я была ему безумно, он и не скрывал этого, пока не перестала быть необходимой. А вот Божидар такого не произнёс никогда. Господи, какие бурные годы... Сколь не правдоподобно долго длилась молодость, а ведь некогда сорок лет считала абсолютным закатом: дряхлая старость, гроб и могила, что за идиотизм! Да, возможно, тут проблема характера: корпус увядший, а душа молода... Ладно, не надо преувеличений, корпус ещё в приличном состоянии, а вот душа, пожалуй, даже возвращается в те годы...

Снова донеслись слова Януша.

— ..такое ощущение, будто прыгаю головой вниз, а там.., или бассейн с водой, или яма с негашёной известью, или вообще пропасть. Не уверен, простишь ли меня, но если сейчас не признаюсь, не простишь никогда. Я

тебя подслушивал.

Я подскочила так, что все остальное вылетело у меня из головы...

— Подробно! — потребовала я настоятельно, алчно и с мощным натиском.

— Твой телефон прослушивался уже давно, не я этим занимался, пришёл на готовое...

— Кто?!..

— Об этом чуть позже. Я ушёл со службы лишь для виду, ты уже поняла. Тебе и трубку не нужно было поднимать, все, о чем говорилось в твоей комнате, записывалось. Во второй комнате нет, ещё раньше установили, что там ты ни с кем не разговариваешь, а если чем занимаешься, то молча. Я прослушал все записи. Твои соседи получили квартиру из-за того, чтобы я сюда переехал — уже было ясно: съешь голову в петлю. Клянусь, и отдалённо не думал, что люблю тебя...

Ну, что же, за последнее я на него, пожалуй, не в обиде.

— Ты наши сведения дополнила весьма существенно, предупреждаю: буду подслушивать и впредь, ты не отдаёшь себе отчёта, какая опасность тебе грозит. Тебя охраняют, можно сказать, из последних сил. Когда те двое явились убить тебя, в планы входил и этот Гутюша.., я прибежал, конечно же, не случайно...

— Тапки!!! — вырвалось у меня с энергией океанского прилива. — Эти твои чёртовы тапки!!!

— Какие тапки?..

— На тебе тогда были домашние тапки! Каким чудом ты их не уронил, не потерял в свалке?!

Он выглядел так, будто забыл набрать воздуха.

— Это вовсе не тапки, это гимнастические туфли на особой подошве, для борьбы вроде каратэ.

Благодать низошла на меня. Эти тапки дьявольски мучили меня и отравляли жизнь. Я извелась из-за них, подозревая жуткую тайну, и вот все выяснилось — какое блаженство!..

— Ты меня сбила, теперь не помню, что-то ещё хотел сказать, но самое важное изложил. Жду приговора. А ты вообще-то знаешь, какая ты красивая?..

Да уж, субъект, ожидающий приговора, высказываясь подобным образом, может не сомневаться насчёт решения в его пользу. Что же касается моей красоты, всякие иллюзии на этот счёт перестала питать давно, но, в конце концов, тут — вопрос вкуса. Янушу легко удалось убедить меня, что я и в самом деле ему нравлюсь, даже слишком...

— А теперь давай серьёзно поговорим, — начала я примерно через полчаса. — Кто завёл подслушивание? Я уверена, ты осведомлён!

— Да. Этот, скажем так.., твой предыдущий партнёр по жизни.

Я, собственно, не удивляюсь мужчинам, когда они деловые разговоры с женщинами считают тяжким Божьим наказанием.

— Нет, ты только представь себе, если бы я вышла за него... — ужаснулась я. — Не вышла только потому, что супруги — помнишь, был такой закон? — не имели права на две разные квартиры. Я согласна жить вместе с мужчиной, но при условии, что это будет замок комнат на сто, он в первой, а я в девяносто девятой, понадобится, можем и поближе сойтись. И ещё прислуга нужна для уборки. При таких запросах супружество, понятно, не состоялось.

— И прекрасно. Тебя использовали две группы, говоря в общем и целом. Задача была вроде бы и одна — борьба с коррупцией и прочим свинством, только понималась она по-разному. Они стояли за партийную чистку, мы — за смену строя. Пояснять дальше?..

— Да нет, зачем же, в общем-то я понимаю, меня интересуют технические детали. Подожди, дай я подумаю, чего не понимаю...

— Нет, сперва я должен расспросить, что случилось. О чем насчёт меня сама догадалась, а что узнала и от кого? Я имею в виду сегодняшние события, обо всем позавчерашнем я и так в курсе...

* * *

Мариола Кубас не откликалась уже пятый день. Януш всеми святыми заклинал хоть ненадолго прервать нашу деятельность. Гутюша тоже предостерегал — его приятели велели переждать. Трехстороннее удерживание вывело меня из себя, и я решила скоротать хоть несколько часов за успокоительным занятием.

Марок накопилось у меня вагон и маленькая тележка: валялись повсюду, сыпались с полки и скапливались во всех углах. Поэтому собралась привести все в порядок, а сие прежде всего требовало отклеивания и высушивания. Я закрылась в ванной и принялась за работу.

С того времени как я отдалась своей страсти, для просушивания филателистических ценностей употребляла «Трибуну Люду». Не раз вызвала ошеломление в киосках, где покупала её оптом, но лучшей периодики для моих целей просто не существовало. Газета большого формата, скверная, хорошо впитывающая влагу и легко доступная. Я

разложила по всей квартире мокрые газетные полотенца, испещрённые марками, и взяла с полки сложенные экземпляры, приготовленные для окончательной просушки под прессом.

Наверно, укладывала уже четвёртый слой, когда машинально взглянула на фон, и старательно и ровненько разложила влажные прямоугольнички. Замерла с пинцетом в руках... Сначала посмотрела как обычно, рассеянно, уложила очередную марку, посмотрела снова.

Сперва даже не поняла, что вижу. Потом не поверила своим глазам. Потом взяла другой экземпляр того же издания, ещё не выложенный марками, надела очки, взяла лупу и включила дополнительный свет.

Матерь Божия!!!..

На первой странице газеты двенадцатилетней давности задом к читателям стоял первый секретарь, а перед ним лицом к зрителю государственные мужи угодливо хлопали в ладоши с приятным выражением лица. У второго слева нос клёцкой...

Я сбросила все с полочки под лампой, ожидающие своей очереди марки прикрыла другой «Трибуной Люду», придавила телефонными книгами и расписанием железнодорожного движения, потом дрожащей рукой набрала номер Зосино телефона. Её не было. Позвонила Павлу. Застала.

— Зося, — обратилась я к нему. — Тьфу, не Зося, Павел, где твоя мать?! Сейчас же поезжай к ней, я приеду туда, Иисус-Мария!

— Мать дома, верно, вышла с собакой. Что случилось?

— Ничего. Все. Скорей приезжай, я сейчас буду. Давай быстрее!

— Но у меня...

— Даже если ты сломал обе ноги, пусть тебя привезут «скорой помощью»! Все! Через пятнадцать минут!

Бросив трубку, я схватила два экземпляра «Трибуны», с третьего этажа вернулась, чтобы снять тапочки и надеть туфли. Захватила сумочку, о которой, естественно, забыла. Лишь на улице проверила, во что одета, повезло — не в халате. Через двенадцать минут уже ломилась к Зосе.

— Что такое? — забеспокоилась она, открыв дверь. — Только что влетел Павел, говорит, с тобой плохо...

Я ворвалась в комнату и торопливо разложила на столе привезённую прессу.

— Вот. Смотри! Оба смотрите! Я, часом, и спятить могла! Говорите, что тут видите!

— О Господи, это он! — крикнул Павел.

— Покажи... Иисусе! — запричитала Зося. Ничего не нужно было

объяснять. Хорошо, привезла две газеты, одну разорвали бы на клочки.

— Это невозможно, — нервничала Зося. — Слушай, вдруг нам только так кажется — просто случайное сходство...

— Учти, у меня приличная зрительная память. Когда ты описала этого типа впервые, мне постоянно лезло в голову: не могла я его где-то не видеть! Клёцка, очень порядочная. Тысячи раз видела эту харю, только вспомнить не удалось, а здесь он весь как на ладони!

— Второй слева товарищ Анастазий Суш-ко, — прочёл Павел.

— Что?!..

— Ну, этот самый. Второй слева, раз, два, это он. Товарищ Сушко.

Я почувствовала удар в голову, только не снаружи, а изнутри. Зося и Павел читали подпись под снимком: торжество по поводу каких-то наград. А я не удосужилась и подпись прочитать, вообще её не заметила. Боже милостивый, вот почему ищут мальчика по фамилии Сушко!..

— Зося, ты журналистка, — напирала я. — В редакциях все известно, только вы скрываете. Делай что хочешь, но разузнай, женат ли этот Суш-ко, есть ли у него дети и так далее! Все про товарища Сушко! И чем он сейчас занимается?!..

— А откуда мне знать, — нервничала Зося. — Ладно, я попробую, но не гарантирую... Зачем тебе, какое тебе до него дело?!

Не было сил в двух словах объяснить, какое мне до него дело, мешал гул в голове. Я уже интуитивно понимала ситуацию, предчувствовала разгадку, однако с уверенностью могу сказать — разум здесь был ни при чем.

— Когда-то в тебя был влюблён один тип, — вlepила я не слишком тактично. — Однажды я его видела, ты сказала, он какой-то партийный делегата...

— Ну знаешь! — возмутилась Зося, искоса взглянув на Павла. Павел захохотал.

— Ладно уж, я оглох, ничего не слышал, только не делайте из меня идиота. Кроме того, всякий имеет право влюбиться в мою мать — законов на сей счёт нету. Я догадываюсь, о ком речь, такая маленькая гнида. Он, пожалуй, из тех, кто обо всем осведомлён, да на всякий случай не говорит. Неважно, я сам все разузнаю.

Зося слушала поначалу спокойно и вдруг сорвалась.

— Что это значит? Что ты разузнаешь? Павел, я не желаю, чтобы ты вмешивался!

Ну вот, ещё ссоры не хватало. Я призвала на помощь всю свою логику и напомнила Зосе, что Павел вмешался с самого начала и это по его

милости мы попали на окольные тропки, ведущие в буераки и трясину. Умница, молодец, кроме того, год как живёт самостоятельно и справляется не хуже, чем мы обе вместе взятые. Не знаю, как выяснит, уверена, через молодое поколение... Павел кивнул с довольным видом.

— Правильно, через Адама...

Зося не выдержала, облаяла нас обоих, но скорее так, для остротки, без убеждения, чтобы разрядить эмоциональное напряжение. Я оставила им один экземпляр газеты, второй взяла обратно — достать сейчас «Трибуну» не было никаких шансов, а марки требовалось высушить. И вымелась от них — времени и так мало.

От дверей в квартиру меня окликнул Януш.

— Что случилось? Я ведь ещё слышу твои разговоры. Ждал твоего возвращения, ты же пулей вылетела из дому, что за открытие?

Я показала газету.

— Пожалуйста, вот портрет шефа мафии. Товарищ Анастазий Сушко. Зося и Павел его тоже узнали, я тебе говорила о нем, слово «шеф» сказано было лишь однажды, но и того довольно. Я уже чувствую ситуацию!

Януш посмотрел, прочёл надпись под снимком, помолчал.

— Порядок. Я тоже чувствую. Проверю все. Только умоляю, не говори об этом у себя дома!

— Самоубийства не планирую. Зато хотелось бы знать, когда демонтируется это тайное прослушивание. Или сделано на совесть, так просто не демонтируешь?

— Не думаю. Однако придётся подождать... Ты не знаешь этих людей!

— Не скажи, малость познакомилась с ними. Что будет? Посадят их наконец или нет? Сбегут? Переквалифицируются снова в этиких благодетелей общества? Поверят, что я возлюбила их больше жизни или у меня амнезия началась? Чего мне ждать?

Ни на один из вопросов я не получила ясного и логичного ответа. Чёртова тайна снова запаскудила мне жизнь...

* * *

Информацию о товарище Сушко я получила в рекордном темпе с трех сторон. Особенно отличился Гутьюша.

— Дела на них есть, то есть досье всяческие, — оповестил он меня с удовольствием, бросая в автомат по одному жетону. — Черт, и что мне делать с этой одной парой, дубль явно все сожрёт. Они угадали, это полная

вошь. Смотри-ка, пробил!..

— Перебрось на кредит, — посоветовала я нетерпеливо. — И что из этого досье ты узнал?

— Первое *primo* — он сменил фамилию, последние три года ходит Татаровичем. Второе *primo* — у него была жена, оказалось, сумасшедшая. На винтики в семействе экономия, травилась, будучи молодой панной, так и осталась с приветом, а этот ухажёр ни бельмеса не раскусил. И женился, потому как её дедок в Лодзи камни из мостовой выворачивал в девятьсот пятом году. Эта парочка одна может человека заколотить, куда полагается. — Гутюша, в гроб меня вгонишь ты! Говори как-нибудь связнее, хоть про эту лодзинскую мостовую!

— Ну, интеллектуальная кондиция жены перестала ему соответствовать, подобрал ей местечко в дурдоме в Творках, а она возьми и роди. О черт, масть же!.. На кредит. Он с ней развёлся по-тихому, келейно, мышь под метлой в костёле. Ребёнок тоже насчёт винтиков сплоховал, остался с ней, потому как заартачилась, материнская истерика в ней разыгралась, несмотря на сумасшествие, а может, именно потому. Алименты ради святого покоя платил ей через курьеров, у него уже времена наступали потруднее малость. Она из Творок сбежала, хотя её никто не преследовал, всякие разности в свою биографию вносила, а сорванцу папочку специально показывала — как ей это удалось, ума не приложу, я пока не спятил, логику набекрень не знаю. А вот через минуту-другую и впрямь спячу, ежели эта скотина не станет платить.

— Мой автомат тоже не даёт, я же не жалуясь. Отсюда вывод, ты был прав, ребёнок увидел там папашу...

— Это не я прав, а мои приятели. Так вроде выходит.

— А что он теперь делает?

— Сидит в углу, будто его и нету. Нацепил маску, работает в управлении жилыми зданиями, не ориентируюсь, как и что, все равно ничего там не делает. Живёт в доме на Рацлавской, теперь оказалось, унаследовал его от предков. Предки прошли морфологию, и камни из лодзинской мостовой их уже никак не касаются, они всегда были за собственников. И достояние им вынь да положь. А про предупреждение это ты говорила или Пломбир?

Сперва я расшифровала, что морфология означает метаморфозу, затем впопыхах переключилась на другую тему.

— Пломбир. А что?

— Пузан здесь сидит. Пока живой. Я в спину ему тихонечко сказал, что сморчок наоборот, так он чуть с табурета не свалился. Не в курсе,

видать.

Я вздохнула свободнее.

— Хорошо сделал, меня выручил. А о товарище Сушко все?

— В принципе все, нам ведь его медали ни к чему? Когда война кончилась, ему было два года, ну и партизанское прошлое приделать оказалось хлопотно. Такая тихая гнида он, что никто ничего о нем не ведаёт, они мне не хотели верить, когда рассказал. Кабы тебя не понесло в подвал, ничего бы не вышло на свет Божий, ну, и кабы не ребёнок, но про тебя он не догадывается, а за ребёнком охотится.

— Трудно сказать, догадывается или нет. Не помню, много чего дома трепала. Надо ехать за этим списком.

— За каким списком?

— Да тех, кто под шантажом! Пломбир составила список. Никакого терпения не хватает дольше ждать, к тому же шантаж — штука о двух концах. Шантажированных вопреки их воле и на нашу пользу можно подвигнуть, понимаешь, что я имею в виду? Не обязательно мы лично...

Гутюша подумал, понял и согласился со мной. Я предложила ехать прямо завтра.

— Далеко это?

— Около трехсот в одну сторону. Вечером вернёмся.

— Вроде можно и поехать. А сегодня надо бы поглядеть на проделки пузана. Не дурак, сразу жареное учуял, ручонки затряслись, а морда побагровела вроде апоплексии. Плохо, неведомо, где живёт.

— Все равно поедет с сумкой на Жолибож?..

— Как сказать. Там его и прикадрят. А вдруг да не поедет, ведь я его перепугал? Хотя мне сдаётся, в логове его не тронут, потому как нету красавца, жизнь покончившего письменной смертью, это первое, а второе, стараются соблюсти вид случайности и где-нибудь подальше от малины, сама подумай, сморчок не поехал. Да, они, пожалуй, изменили свои привычки.

— Вполне возможно, решились прямо в его доме потому, что не поехал...

Мы оставили в покое товарища Сушко и прикинули и так и сяк насчёт ликвидации персонала. Разумные преступные замыслы не желали рождаться в наших умах, я беспокоилась, что надо предупредить высокого парня, но он не появился ни в «Гранде», ни в «Марриотте», это я уже проверила, разыскивая Гутюшу. Оглянулась на пузатого.

Или спятил со страху, или решил больше сюда ни ногой, словом, совсем очумел. Добил двадцать миллионов, взял квитанцию и играл

дальше, всем своим видом выказывая оголтелую решимость. Я встревожилась. Чужой человек и, казалось бы, какое мне до него дело, но смотреть спокойно, как лезет на рожон, это уж слишком.

— Я бы за ним последила, — повернулась я к Гутюше. — Не убьют же его на глазах свидетелей, а отсрочка пригодится. Едем?

— А не лучше взять такси?

— Пожалуй, лучше, да в себе я уверена, а в таксисте нет. Испугается и оставит нас где-нибудь на мели. А так прикинемся, случайно, мол, попали.

Подумав, Гутюша согласился. Мы дождались, пока пузан наконец уgomонился, слез с табурета, отёр взмокший лоб и получил деньги. Вышел из казино и задержался на улице.

Мы сели в машину, припаркованную близко, и все исправно видели. Пузан стоял со своей сумкой, и его мыслительный процесс прямо-таки в глаза бросался. Решился на что-то, перешёл дорогу и сел в такси.

Мы доехали за ним на Гоцлавек. Многие нас обгоняли, по-видимому, таксист предпочитал безопасную езду, за нами явно никто не следил. На Гоцлавке таксист встал, пузан вышел, хотя перед ним находилась стройка, а жилой дом был дальше. Я не хотела ждать, пока наш подопечный скроется из виду, петляя по строительной площадке, поэтому остановилась чуть подальше, мы вылезли и отправились за ним.

Сразу стало ясно, почему он не подъехал к дому. Подъехать было невозможно, в нескольких метрах от здания тянулись каналы центрального отопления и канавы канализационной сети. Глубокие, метра три глубиной, на дне свалены кое-как разные трубы. Стемнело, и некоторое время я пузана не видела, ощущалось лишь смутное движение. Крался под самой стеной строения, согнувшись, почти на четвереньках.

— Смотри-ка, ума палата, — похвалил Гутюша. — Боится кирпича на голову, а под самой стеной в безопасности...

Он ещё чего-то бормотал, когда перед согнутым пузаном выросла новая фигура, хорошо видная в свете фонаря. Мы, на счастье, как раз оказались в тени, я невольно остановилась, Гутюша тоже. Пузан на корточках сидел под стеной, а фигура стояла перед ним по другую сторону глубокой ямы. Мужчина высокий, плечистый...

— Это он! — прошипел Гутюша мне в ухо диким шёпотом.

— Кто?

— Да замшевый! По гроб жизни его запомнил!

Замшевый неожиданно двинулся к пузану через яму, словно по воздуху. Видно, там перекинута доска. Пузан, по-прежнему на четвереньках, попятился, замшевый шёл к нему по краю канавы, между

ними лежала куча досок для настила — барьер непреодолимый. Оказались друг напротив друга, замшевый спиной к яме, а пузан скорчился под стеной.

До меня наконец дошло.

— Гутюша, надо действовать! — зашептала я. — Возьми какую-нибудь палку, он думает, никого нет, убьёт без свидетелей!..

Прежде чем Гутюша успел отреагировать, пузан вдруг свершил нечто мало предсказуемое. Видимо, страх и отчаяние накопились и взорвались в нем: он выпрыгнул из-под стены и бросился на замшевого. Сразу же споткнулся о доски, но в стремительном падении успел ударить замшевого прямо в грудь каким-то продолговатым предметом. Удар был настолько неожиданный, что замшевый не успел заслониться и рухнул в яму. Трубы внизу загремели...

Нас парализовало, ноги отказывались слушаться. Пузан лежал, потом поднялся неуклюже и с расстановками. Вылез из досок, подполз к краю ямы и заглянул.

Зрелище, верно, не очень ему понравилось, его передёрнуло так, что видно было даже издали, по меньшей мере метров с тридцати. Тот, на дне, по-видимому, не представлял опасности, пузан не вскочил и не бросился бежать, а тяжело плюхнулся на доски. Отёр лицо рукавом, посидел, встал наконец и продолжил свой марш теперь уже на четвереньках, без помощи коленей, укрываясь вполне успешно среди всяких строительных материалов. Вскоре пропал из виду.

— Поглядеть бы? — ошеломлённый, неуверенно спросил Гутюша.

Наверняка мы отправились бы посмотреть, не будь я в новых туфлях. Территория стройки вовсе не соответствовала их назначению. Не то чтобы я это вполне понимала, чувствовала только, что не могу дефилировать по бездорожью, извести, глине, бетонным обломкам и поломанным доскам. Жизни пузана уже ничто не угрожало, потому я и шагу не сделала. — Давай сперва подедуцируем, — предложила я робко. — Посмотрим, что дальше.

— Дальше ничего не будет, ночь в плюсе, а люди в минусе, — здраво заметил Гутюша. — Дедуцировать — пожалуйста, сколько угодно. Пузану везенье — со страху да впопыхах тюкнул замшевого.

— Все это и так было видно, кой толк дедуцировать. Он, видимо, живёт вон в том доме. Боялся, у подъезда будут ждать, вот и карабкался с этой стороны...

— Подъезд с той стороны, иначе все не имеет смысла.

— Ясно, с той. А замшевый разгадал и небось порадовался своей

смекалке.

— Да и я бы обрадовался. Местечко золотое, слов нет...

— Все это хорошо, но почему приехал один? Раньше всегда на пару ходили.

— Первое ргіто, сморчка тоже один уработал. А второе ргіто, на кой черт ему ещё кто-нибудь, этот ползун психованный со страху мог окочуриться...

— Не пешком же он пришёл. Интересно, где оставил машину.

— А с той, другой стороны и подъехать наверняка возможно. Я бы тоже поглядел.

На такое предложение я согласилась безропотно, вернуться к машине можно осторожно — туфель не испорчу. Мы объехали половину Гоцлавка и порядком поплутали, пока нашли нужное место. По дороге решили просмотреть список жильцов, и хотя фамилии ничего нам не дадут, зато имя знаем, пузана зовут не то Роман, не то Вальдемар. Окажись Романов и Вальдемаров не один, позвоним ко всем и осмотрим их лично.

Романа в списке не значилось, Вальдемар был один. Жил на третьем этаже, фамилия — Козловский. Вспомнили, приехали-то мы сюда отыскать пустую машину, ожидавшую замшевого. Пустых машин оказалось сколько душе угодно, хотя стоянка ещё не была оборудована. Найти нужную машину шансов никаких, мы сразу отступили и вернулись к дому.

— А зачем визитировать этого доходягу? — задумчиво спросил Гутюша. — За рукав хватать не надо. Что, спросим, не повысилась ли температура?

— Не знаю. Убедиться бы, что жив, и дело с концом. Вдруг второй ждал у подъезда...

В этот момент одна пустая машина вдруг ожила. Кто-то открыл дверцу и задрал голову, глядя на дом. Дедукция моя заработала полным ходом.

— Гутюша, вон второй. Пузан совсем окретинел с нервов, зажёг свет в квартире, а этот туда глядит. Ясно, удивляется — какого черта мертвец иллюминацию устроил...

— А может, думает, корешок там?.. Второй вышел из машины — сомнения сразу рассеялись: тот самый второй, помню его хорошо после налёта на мою квартиру. Захлопнул дверцу, вошёл в подъезд и вышел на другую сторону. Согласно предвидению Гутюши второй выход был. Я побежала, Гутюша за мной.

Я снова сделала объезд и припарковалась на том же месте — удобно, темно да и в тени от строящегося здания. Мы подкрались к углу. Поделец замшевого шёл медленно, пристально осматриваясь и проверяя фонариком

все ямы и канавы.

Нашёл. Тонкий луч на мгновение замер на месте, потом погас. Поделец смотрел, как бы ему спуститься вниз. Немного отступил, потом съехал по довольно крутому спуску и низом вернулся туда, где пузан атаковал замшевого. Мы видели его вояж — он светил фонариком, сваленные трубы делали дорогу не очень-то удобной.

Что он делал у тела замшевого, один Бог ведаёт, во всяком случае, через довольно продолжительное время вылез и быстро направился обратно к дому. Что-то держал в руках, верно, сумку пузана.

Дорогу я уже изучила неплохо, мы успели вернуться к подъезду до него. Он не пытался проникнуть в дом и убить пузана, сел в машину, включил зажигание и рванул так, что машину занесло.

— Ну, такие пироги, теперь придётся провентилировать обстановку в этой яме, — решил Гутюша. — Если не хочешь, готов один. Больно кислый компот получается. Замшевый не мог разбиться вдребезги — не с десятого этажа падал, так почему же поделец не горит желанием его спасти? Давай двигай!

По дороге я предположила: второй сделал то же самое, объехал, чтобы прихватить замшевого с той стороны. Там ближе. Гутюша не спорил, твердил только, тем более, мол, надо все проследить.

В пятый раз я объехала стройку в поисках телефона-автомата.

— Назовусь себе обыкновенно, Пендзяком, — вещал Гутюша слегка охрипшим голосом. — А потом поглядим, что менты сделают. Сглазили меня или морок какой, почему это сплошные трупы да мертвецы на жизненном пути?..

— Так ты сам пожелал, — напомнила я.

— Вовсе не пожелал. Подумал, вдруг он ещё жив. Там труб навалом, хряпнулся позвоночником, и пополам. Кабы кто специально такое вычислял, хрен бы ему удалось, а, кстати, саквояжик-то тот прихватил... Неплохо придумали, нам и в голову не пришло, да откуда ж знать, что пузан живёт в таком комфорте — для мокрухи лучше не придумаешь! Бесплезно и комбинировать, каким манером разделяют друг друга, сами лучше нас знают...

— Не так уж долго мы возились с этими загадками-разгадками, — возразила я. — Одним исполнителем меньше...

На шестой раз после объезда я остановилась на порядочной дистанции, и все представление мы видели издалека. К счастью, в машине всегда вожу бинокль. Полиция сделала, что надо: труп извлекли из ямы и увезли в морг. На нас, конечно же, никто не обратил внимания.

— Завтра, то есть сегодня утром, поехать не удастся, — сказала я по дороге домой. — Мне просто необходимо выспаться, не знаю, как тебе. Расспроси своих приятелей, начнут расследование или опять подведут под несчастный случай.

— Ну, ты даёшь! — изумился Гутюша. — Ты ещё сомневаешься или как? Бац в яму — ясно, случайность, головой отвечаю, место — золото! Этот подедец свидетельствовать не пойдёт, а мне сдаётся, он у них, ненаглядный, на мокрой работе. И Крыса. Об этом пузатом павиане никто ничего ведать не ведаёт, я с ним на собрание не пойду и тебе не советую, он скумекает одно, мы его, дескать, шантажнуть хотим, а уж коль один раз ему так здорово подфартило, разохотится вполне ещё разок свою методу применить... Интересно, сейчас небось продолжает со страху трястись. Гвоздями, поди, свою берлогу заколотит для сохранности?..

— Ладно, подумаем. Послезавтра. Поедем, времени пропасть будет...

* * *

Наносить визит в соседнюю квартиру уже сделалось у меня привычкой. Януш не спал и ждал меня. Рассказала ему про все и потребовала прокомментировать.

— Потеря одного исполнителя для них не такое уж больше горе, — расхолодил он меня. — Случись нужда, найдут других. Правда, этот принадлежит к банде, потому был удобнее... Желаешь выступить свидетелем?

Я возмутилась.

— Да ты что! Ни за какие коврижки!

— В таком случае ещё один нулевой результат, ещё одно прекращённое дело. Лично меня это не касается, а Козловскому не желаю ничего плохого. Но правду сообщу — обязан.

— Сообщай. А я тебя предупреждаю, от всего отопрусь, Гутюша тоже.

— Да нет, я имел в виду неофициальный разговор с глазу на глаз. Никаких показаний, никаких магнитофонных записей, никаких подписей. Сомневаюсь, чтобы кто-либо привлёк убийцу, бесспорно действовал в целях самозащиты, возможна даже другая версия: пострадавший сам свалился в яму. Скажем, Козловский хотел бежать, вскочил, споткнулся о доски, а нападавший в тот момент замахнулся...

С энтузиазмом я подтвердила, что так оно и случилось. В мгновение ока поверила в предложенную версию и сразу решила скорректировать

ошибочные Гутюшины взгляды. Поскольку мы стояли вместе, то должны были видеть одну и ту же картину.

— Так сложилось, что я в курсе, кто зависит от этих кровососов, — задумчиво продолжал Януш. — Зависимый тип, возможно, и поступал бы как порядочный человек, да уж очень дорого это обходится. Пока что нет никакой надежды. Клика развалится ещё не скоро: трещины хоть и возникают, но цементируются с большим талантом. Весьма ловко создали замкнутый круг, держат в руках как раз тех, кто мог бы их выдать, потому и никакое расследование невозможно... Чем ты намереваешься заняться?

— Пойти спать, — раздражённо объявила я. — Меня клонило в сон уже три часа назад. Сегодняшний день весь псу под хвост!

— А завтра? — Сам догадываешься, зачем мне ещё тебе докладывать. Еду к лесничему за списком Пломбира. Вдруг пригодится!

Януш не протестовал, меня даже удивило. По-видимому, поездка в лесничество не опасна. Это было правдоподобно — о списке. Пломбире и лесничем, кроме нас, никто не знает...

* * *

Насчёт жилища лесничего не хотелось никого спрашивать, а потому дорогу я нашла после долгих блужданий, правда, ещё до полудня. Гутюша упорно и нетерпеливо донимал, по каким признакам ищу дорогу.

— Была здесь в прошлом году весной, — объяснила я в конце концов. — Нет, не в прошлом... Хотя, именно в прошлом. С приятельницей. Жарища, солнце пекло, а ей вздумалось ловить рыбу, только не спиннингом, а удочкой, вот мы и отправились на озеро.

— Так здесь же везде река?

— Ну и что? В реке не клевало. Мы нашли озерко. В озерко с берега выступал помост со скамейкой, правда, уже старый, прогнивший, но держался ещё вполне, только тени не было, а её солнце допекало. Вот она и сидела на лавочке под зонтиком — удочка в одной руке, зонт — в другой, а когда наконец поймала рыбу, пришлось ловить зонтик. Я же бродила по мелководью в купальнике, искала ей наживку, потом отправилась в лес и наткнулась на такие брусничники, что мне плохо стало. Это дурость — ездить в такие места в неурочный сезон, когда брусники ещё нету! Но дело в другом. Пришли двое, лесная служба, один постарше, другой моложе, тот, что постарше, очень мило сообщил нам, что мы нарушили закон, нас следует прогнать, да ещё оштрафовать.

— Почему?

— Во-первых, нельзя на машине въезжать в лес, даже метра на три от опушки, а во-вторых, озеро — частное владение и рыбу ловить запрещено. В-третьих, моя приятельница не имеет рыболовного удостоверения, но этой темы мы не успели коснуться толком. Оба разговаривали вежливо, признались, что мы правы — на озере не поставлено объявление, и вообще выглядели так, будто весьма не жаловали владельца.

— А сколько рыб поймала та баба? — прервал Гутюша.

— Одну. Небольшую.

— Ну, владелец не больно-то обеднел. Вряд ли во всем частном озере развилась одна-единственная рыба персона. Даже в государственном больше водится.

— Ты прав. Они насчёт штрафа не возникали, поболтали мы вполне по-дружески. Рассказали, где живём, они тоже, откуда, где какие правления, где лесные сторожки и всякое такое, они ещё руками часто махали, показывали, где что. Лесничий помоложе, сорока нет, мало говорил, редко слово-другое вставит, а смотрел так, будто все это ну очень ему смешно. А после случилась ключевая сцена...

Я вовсе не намеревалась сделать эффектную паузу, прервалась, чтобы закурить, Гутюша тут же вспылел. — Уж и не понимаю, ты нарочно, что ли, мне досадишь... Ну досаждаешь... Я слушаю, прямо как угорелый пузырь, а ты прерываешь передачу!..

Я так и сяк вертела, пытаюсь понять, с чего разозлился. Употребил совершенный вид глагола «досаждать», но при чем тут «угорелый пузырь», может, воздушный шарик, надутый до последнего и готовый лопнуть, а пузырь появился по ассоциации с рыбой?.. Ну, прервать передачу — это ясно.

— Вовсе не досаждаю, слушай дальше. Из-за машины — мы въехали в лес — зашёл разговор о возрасте леса, нельзя, оказывается, въезжать в очень старый или очень молодой лес... Возраст видно по деревьям, разветвление сосенок поэтажное и так далее. Показали нам. Я пошла с ними, неподалёку, ближе к дороге, росло одно очень приметное дерево, хотела посмотреть. Честно говоря, я и без них хорошо в этом разбираюсь, но делала вид, что ничего не понимаю, дебилность часто весьма полезна в общении. Потом мы попрощались, я услышала, как младший спросил старшего: «Домой?», а старший кивнул; свернули они на своём «джипе» по этой дороге. И поехали в направлении, куда и мы сейчас едем.

— Подсмотреть бы ещё, где свернули на последней развилке, — вздохнул Гутюша. — Есть хочу. Найти бы его до ночи!

Нам повезло, на выбранном направлении стояла только одна сторожка, и мы таки туда попали. Я не стопроцентно уверена, что именно та самая, но решилась расспросить.

— Гутюша, внимание, имеем дело с поэтом, — напомнила я ему, остановив машину. — Ни о каких конвертах и речи не должно заходить. Сперва постараюсь узнать человека в лицо.

— Раз уж такая оказия, погладим на ухо, — предложил Гутюша и вылез. — Мариола говорила, этот её насильник обосновался в Борах Тухольских. А в этих Борах мы уже плутаем два часа, вполне возможно, это здесь. Вроде бы все сходится...

На мой взгляд, это было бы просто сверхъестественно, хотя все сходилось не только у Гутюши, но и у меня. С самого начала нам бросились не столько в глаза, сколько в уши четверо орущих детей разного возраста, мальчики или девочки, отличить было трудно — все одеты в штанишки. Они развлекались, швыряя друг в друга рыбьим скелетом весьма солидных размеров. Потом я увидела во дворе машину.

Расслышать что-либо не было никакой возможности, все заглушали дети. Я ткнула Гутюшу локтем, а он кивнул в ответ. Сомнительно, чтобы лесничий раскатывал в «мерседесе», видно, кто-то приехал с визитом и вовсе не стоило этому кому-то показываться на глаза. На всякий случай мы обошли дом и двор и с другой стороны встретили мальчика, которому девчушка в окошке грозила кулачком.

— Отцу пожалуюсь, так и знай! — кричала она. — Не стану за тебя краснеть! Свинья какая, я за тебя сделала, а ты за меня что? Два задания ещё остались!

— Отцепись, вечером сделаю! — огрызнулся мальчик. — Вишь орёт!..

— Ты идёшь или нет?! — рявкнул неподалёку стоявший паренёк постарше.

— Судя по количеству детей, твои надежды оправдались и мы попали-таки к насильнику, — сказала я Гутюше, даже и не пытаясь говорить тихо — тут и охотничий рог не перекрыл бы звонких воплей. — А где же родители этих сорванцов?

Гутюшина логика не раз меня удивляла. И сейчас он сделал весьма остроумный вывод.

— Гостей здесь нету, иначе детвору в момент бы заткнули. Если приехали, значит, пошли куда-то. Зайдём?..

Мы зашли. В доме нас встретила лесникова жена, державшая на руках двухлетнего ребёнка в пижамке. Взглянула на нас чуть ли не с отчаянием.

— Я сейчас сойду к вам, подождите, прошу прощения. Только этого

уложу, потому как сегодня уж окончательно можно сойти с ума.

— Восьмой, — сосчитал Гутюша, задумчиво глядя на поднимавшуюся по лестнице женщину. — Ты права, это наверняка тот самый лесник. Тут и трех малолетних Сушко можно подложить, орава и есть орава.

— Девятый, — уточнила я и кивнула на девочку лет восьми, которая тарахтела в углу за тахтой множеством крошечных автомобильчиков. А сверху слышалась возня, выдававшая присутствие десятого, а может, и одиннадцатого ребёнка.

Жена лесничего спустилась к нам.

— Мужа нет, — проговорила она в изнеможении. — Недавно ушёл. А вы тоже из этой комиссии?

— Из какой комиссии? — вырвалось у меня.

— Нет, мы по личному делу, — вмешался Гутюша.

— Ну, сдавать на лето мы ничего не сдаём. Сами видите, с таким выводком никто не выдержит. Какая-то комиссия приехала насчёт озера и его владельца, владелец тоже здесь. А вы? Я ничего не знаю...

Я прикусила себе язык, меня так и подмывало спросить, оба ли уха у её мужа целые. Гутюша спас положение.

— Мы, собственно, тоже к этому владельцу. Как бы частным образом, по поводу озера, конечно, сперва с вашим мужем поговорить, ну, вы понимаете...

Один лишь Бог ведал, что понимала лесникова жена, но кивнула несколько раз с явным облегчением и пальцем показала в окно.

— Они туда и пошли, я-то ничего не знаю, чтобы он продать решил, на озере их и найдёте, несколько минут вон той тропкой через лес...

— Мамочка, я уже все съела!!! — взвыл плачущий детский голос из кухни. — Йоля мне ещё положила!!!..

Мать всех этих детей ничего больше не произнесла, посмотрела только на нас так, что мы мгновенно оказались за пределами дома. Показанное направление более или менее отвечало моим воспоминаниям о местонахождении частного озера.

— Напрямик всегда протоптано, — решил Гутюша, и мы пошли в лес.

Озеро открылось внезапно, и я сразу догадалась, что мы вышли почти с противоположной стороны от мостка со скамейкой, точнее, немного наискосок. Вот оно, это место, где собирала червяков с каким-то странным названием, оступилась на гнилом пне и расцарапала себе пятку. Моя приятельница, доктор медицинских наук, забинтовала ногу тем, что оказалось под рукой, а именно эластичным бинтом километровой длины, и в течение нескольких часов я хромала как тяжкая калека, жертва акульего

нападения. Поэтому прекрасно ориентировалась, как легче и ближе пройти к мостку.

Но нам пришлось остановиться.

— Черт, забыла бинокль! — спохватилась я.

— Вот удружила! — фыкнул Гутюша.

— Да тяжеленный, будто булыжник.

— А я-то на что?..

Предаваться сожалениям было поздно. Ни живы, ни мертвы, как трухлявые пеньки вокруг, мы беспрепятственно созерцали группу на мосточке. Лесничий выделялся мундиром, товарища Сушко я узнала — все ж таки нос такой, что с расстояния семидесяти метров узнаешь эту клёцку. Третий был незнаком.

— Слушай, ты, это же он! — прошипел Гутюша придушенным голосом. — Одет прямо как тогда в кабаке!

— Какой он?

— Да Крыса! И одет так же! Отсюда не видать, носки есть?..

Теперь меня уже окончательно пригвоздило к месту. Знала Крысу в качестве изысканного джентльмена из казино, в другой ипостаси его не видывала. Гутюша знал оба воплощения, я поверила сразу. Из зарослей вдруг выскочил некто четвёртый.

Мы дружно охнули, говорить не было нужды — появился поделён замшевого. Схватил лесничего за руки со спины, зажал, лесничий пытался достать его пинком.

— Кур-р-р-ва мать!!! — рыкнул Гутюша, бросился вперёд и увяз в трухлявых пеньках. Я рванула его обратно.

— Да не сюда, кретин, ноги поломаешь! Лесом! Вон тропинка!

Это была скорее не тропинка, а более сносный обход по берегу к мосткам, но, к сожалению, тростник заслонял видимость. А между тростником и твёрдой почвой тянулся болотистый пояс, весь в гнилых стволах и пнях. Мне известно было два места, где удалось бы продрасться через все это и видеть озеро, ибо количество червей, необходимых моей приятельнице, вынудило меня тогда тщательно изучить местность. Не успела я сообщить об этом, а Гутюша уже ломился через заросли, как разъярённый буйвол. Я оставила его и выглянула.

Увиденное отбило у меня всякую охоту к прогулкам на долгое время. Согнувшись, судорожно уцепившись одной рукой за какой-то сук, а другой за ветки ивы, стараясь удержаться в своих туфлях на скользком пне, я смотрела жадно, с диким ужасом, чувствуя, что глаза у меня вылезают из орбит и тянутся, рвутся в сторону увиденного. Разум ещё сомневался в

доподлинное™ происходящего, зато душа не сомневалась: это зрелище навсегда останется моей единоличной тайной. Да, никогда в жизни, ни за какие сокровища никому слова не пикну...

Когда я наконец добралась до места и нашла Гутюшу, мосточка уже не существовало. У берега торчали останки сломанных опор. От скамейки и следа не осталось, если не считать плавающих в воде многочисленных обломков. Лесничий лежал под сосенкой метрах в десяти подальше, как-то странно скорчившись, однако живой — стонал.

У Гутюши свело челюсти, не мог слова сказать, только хрипел...

Я могла бы говорить без усилий, да желания не было. Подождала, пока Гутюша оклемается.

— Бросил его, — прохрипел он наконец. — Когда я прибежал, он и бросил. Тащил его и бросил. Я не могу больше, тошнит меня, ты взгляни только, как те выглядят, ох, не гляди лучше, тебя вырвет...

Да уж, зрелище эстетичным не назовёшь. Я спросила все-таки:

— А ты как, за ноги?..

— А как ещё?.. — проклацал Гутюша. — Само так получилось, все руки сами сделали, человек глуп, придурок я или что... Руки, не разум, а руки, говорю тебе...

Я поняла. Руки его сами вытащили утопающего. А потом его разум запротестовал и восторжествовал в конце концов над конечностями, ведь двоих оставил там, где упали. Все правильно, по-моему, там им всем и место...

— Я засвидетельствую, что ты брякнулся в обморок, — известила я Гутюшу. — Будь добр, не перечь. Давай осмотрим лесничего.

— Этот кто-то.., тот, кто бросил...

— Никого не было, — прервала я его требовательно. — Они сами перестрелялись, лесничий хотел их разоружить и тоже своё получил, потерял сознание и тоже ничего не видел. Ты лесничим занимался, а этих в воде увидел гораздо позже — кусты заслоняли.

— А этот?..

— Вот именно, увидел его, бросился спасать, но увидел других и — в обморок. Я тебя привела в чувство, все прочее тебя не касается.

Гутюша перестал сипеть, лязгать и хрипеть. Помолчал весьма основательно, после чего его высококачественный ум начал работать.

— А ты хоть раз в жизни падала в обморок?

— Насколько помню, четыре раза, включая период раннего детства. А что?

— А я в этом деле профан. Расскажи. Я рассказала про самочувствие

при потере сознания. Лесничий тем временем застонал громче и зашевелился. Я отошла подальше от места битвы, спустилась к озеру в другом месте, зачерпнула пригоршней воды и плеснула ему в лицо. Несмотря на возможный процент планктона, бактериальной фауны и прочего, вода была довольно чистая, коль в озере жила рыба. При оказии рассмотрела лесничего. Все сходилось, этот, более молодой, сопровождал старшего, когда они нас застукали за ловлей рыбы. Левое ухо несколько отличалось от правого. Сверху оно явно было надкушено...

Гутюша оклемался окончательно и достал из кармана фляжку.

— Подержи-ка парня, волью ему глоток. Первая винтовая пробка почти вся расплескалась, вторую лесничий выпил и даже не поперхнулся. Попытался сесть, застонал, глубоко вздохнул и повторил попытку. Посмотрел на нас, сперва мутными глазами, затем сознательно и с вниманием.

— Что случилось?.. — прошептал едва слышно.

Гутюша двумя очередными пробками подкрепился сам, третьей снова угостил лесничего, а затем удовлетворил его любопытство.

— Мы к вам насчёт поэзии. Не сейчас, конечно, когда вернётесь домой...

Выражение физиономии лесничего превзошло все, что довелось мне в жизни наблюдать. Лежащий в лесу, тяжело избитый человек вдруг узнает, что привели его в сознание субъекты, прибывшие насчёт поэзии, о коей он никогда, верно, и не слышал. Я не сумела овладеть собой, шальным галопом умчалась подальше, чтоб меня не услышали, истерически взвыла, уткнувшись в мох, ревела и хохотала так, что ребра заболели. Все никак не могла успокоиться. Старалась вспомнить какое-нибудь трагическое событие, все напрасно. Муравьи ползали по мне беспрепятственно.

Когда я вернулась, уже способная симулировать насморк и кашель, оба сидели под елью в превосходных дружеских отношениях.

— Вы лежали здесь, а я, кажется, чуть подальше, — вещал Гутюша. — Моя приятельница прибежала и привела меня в сознание. Что тут случилось, вопрос не для меня, а вы, по всему видно, возжелали на это ристалище броситься на щите...

Гутюша уже ловко манипулировал нашей версией, я начала переводить. Лесничий умственно вполне владел собой — не по голове получил, сориентировался в ситуации мгновенно и с жаром поддержал Гутюшу. Передёрнулся, правда, когда поднялся на ноги, и посмотрел на озеро туда, где был мосточек, но, по-видимому, возобладало чувство облегчения. И не в нем одном...

События Гутюша подытожил во время возвращения в Варшаву, с удовольствием вспоминая только что пережитое.

— Концерт экстракласс. Никакая сила нас не уличит, а лесничий — крепко сбитый гарнитур, гляди-ка, не похож, а ухо то самое. Первое *primo*, в поэзию уверовал, как в Господа Бога, а тебе я бы за идею Нобелевскую сразу отвалил или какое-нибудь биеналле...

— Не все как ты...

— Говоря откровенно, никто, а ведь все до единого могли притворяться и молчать, хоть Швейцарские Альпы изображать! А второе *primo*, я и сам могу голову под пень сунуть — фактически он попытался помирить тех методом мягкого убеждения с использованием рукоприкладного аргумента, ему врезали, последнюю часть фильма он не видел. А который этот маленький сопляк пропавший? — Я сразу же угадала, и правильно. Это девочка, которая играла машинками в углу и тарыхтела.

— Что ты говоришь, а как узнала?

— У меня двое сыновей. Один постоянно тарыхтел. Нет, он умел и говорить, просто обожал машины. А тарыхтящей девочки ещё никто на свете не видывал.

— И ведь догадались перерядить её, мысль экстра-прима! А эти за ней явились? То есть за ним?

— Лесничий говорит да. Я перекинулась с ним парой слов с глазу на глаз. За ребёнком приехали.

— Избивать его начали, когда упёрся, мол, о каком мальчике речь, ему невдомёк, а они сразу усекли, что сами во всей этой ораве ни в жизнь не разберутся, а может, и времени мало было. Интересно, как пронюхали, ведь ещё до нас явились, а не за нами. Мы-то сами толком не знали, как доберёмся, а они откуда?

На мгновение я запуталась в Гутюшиных рассуждениях, но все распуталось само собой. Я тоже задумалась, откуда они доискались, где мальчик, ведь приехали специально за ним, об этом мне успел сказать лесничий. Мы про мальчика слыхом не слыхали, ехали за списком Пломбира. Доверила она список тому человеку, который и маленького Сушко принял — вот так и исполнилось благочестивое желание Гутюши, случай, а то и высший промысел?..

— И спросить не у кого, со всеми покончено отрицательно, —

продолжал Гутюша с некоторым недовольством. — А хорошо бы уразуметь. И менты, любопытственны, за кем ехали, за нами или за ними? Ты как, предчувствовала, что нам на шею свалятся, нет?

— Предчувствие не предчувствие, но опасалась. А что?

— Так ты этот конверт со списком вырвала у лесничего прямо в броске. Номер на конверте чертовски длинный, надо же, запомнила?..

— Гутюша, мой первый номер телефона помню отчётливо и по сей день, а Пломбира видела на улице четвёртого сентября прошлого года.

— Правильно. А откуда менты все-таки?

Господа из Главного управления, сопровождаемые представителями местных властей, появились через четверть часа после окончания спектакля и взяли инициативу в свои руки. Я поспешила со списком, поскольку предполагала такой поворот событий — очень уж легко Януш согласился на мой индивидуальный выезд на природу... Подозревала я и Гутюшу, он, со своей стороны, мог кое-кому проговориться насчёт этого дела и связанных с ним перспектив.

— А ты, часом, своим приятелям пару слов не подбросил? — откровенно спросила я.

— О конверте и о Пломбire ни одного! — поклялся Гутюша. — А вообще-то они уже ориентировались получше меня!

— Так чего удивляешься?

— Да я не дивлюсь, а думаю. Смотри ты, а носки другие были... Ох, хотелось бы усечь, каким манером они друг дружку отоварили, я даже рыдать не стану, на такие трупки и посмотреть приятно, только пусть начхаю я на себя, если понимаю, как все случилось. Лесничий — нет, о не из таковских, сам лежал бы там мордой в озере, а всех этих детишек сиротинками оставил. Богом клянусь, кто-то ещё там был и тихой такой сапой, я-то лез напролом, слышно издадека, видно издадека...

— Запомни, Гутюша, — сухо прервала я. — Никого больше не было, конец и точка. На мой взгляд, тот, кого не было, с финкой пошёл с ходу... Свихнулся сгоряча, чему я вовсе не удивляюсь.

— У Крысы тоже был ножичек.

— Вот именно. Гутюша подумал.

— А!.. Стало быть, сам себе харакири?..

— Рука у него подвернулась. И чего тебе ещё надо? Не следствие же ведёшь? Ни у кого никаких сомнений, только вот тебя гложет?!..

— Нет. Уже не гложет. А говоря по правде, жалею, не успел раньше, хоть бы одного каблуком уработал за Юзефа. Утешительно хоть одно — благодаря нам финиш случился...

— Что ты имеешь в виду?

— А ты сама рассуди. Что, скажешь, они не за нами пришлепали? В духов веришь, сама говорила, каждое слово подслушивали, значит, уши хорошие, а глаз нету? Ну ладно, никто на хвосте не висел, так ведь на каждом углу могли сторожить с приборами, к примеру, один столболаз по дороге встретился — по столболазам лазал, не видела? Сверху у него неплохой просмотр открывался, и я не уверен, не на нас ли глаз положил? Эти сволочи неизвестно как попали, ну а уж милиция точно за нами. Так считаю.

— Пожалуй, правильно считаешь. Я на их месте тоже бы так сделала, единственный способ.

— Вообще-то они ведь так просто, лично и приватно, ехали на экскурсию. Сверху приказа не было, разумеется, возможно, теперь будет, когда главные гниды, Господи прости, сию юдоль оставили. Ну, и что делать с таким орешком — ни следствия, ни дела какого... И как это, чтоб человек не имел этих, как их там., моральных тормозов... Ничего не поделаешь: клопов давить надо голыми руками, меня другое удивляет, что никто раньше не догадался, один только и нашёлся, да и того вовсе не было. Да ещё Пломбир и пузан, дай им Бог здоровья. А знаешь, я сейчас наконец чистым воздухом дышу!

— Дыши, дыши, заруби себе, пузан просто упал случайно, а о Пломбаре вообще забудем, а?

Гутюша затаился сигаретой, выпустил целое облако чистого воздуха и удивлённо взглянул на меня.

— А что мне забывать? Раз в жизни видел её где-то, словечком не перекинулись. А ргорос ^[5], не успел ещё тебя информировать, вчера поймал этого приятеля из прозекторской, они в момент расчихали, почему это писательское орудие оказалось таким геройским. Ручка, которая торчала...

— Иисусе... Ну?

— В мозг вошла. Что-то там повредила, научно разобъяснили, что именно, но я забыл. Могли бы его спасти, если бы сразу на стол, но за недосугом, как понимаешь, в «Скорую» никто не позвонил. Покойник тоже не звонил, сознание потерял. Но там команды вышли поровну, один к одному, а на этой озёрной пристани, видится, прямо противоположно. Один к трём?..

— Трое и все тут. Сколько тебе повторять, сами они перегрызлись...

Гутюша снова посмотрел на меня, на сей раз подозрительно.

— Ты там где-то прокопалась, когда прилетела, вся горчица кончилась...

— Ладно, скажу, — решила я вдруг. — Если и был там четвёртый, все равно никакая человеческая сила не вырвет у меня, кто это, я смотрела издали и могла не узнать. То есть наоборот: издали смотрела и не могла узнать. Выскочил из лесу, в руке холодное оружие. Крысу уложил первого: оступился, видать, упал и случайно ударил. Поделец замшевого держал лесника и даже оттолкнуть того, из лесу, не успел, а товарищ Сушко целиком и полностью офонарел. Любезность тебе сделала, а больше никогда все вышесказанное мои уста не произнесут.

Гутюша в полном упоении выслушал моё сообщение, помолчал, видимо, приводил в норму полученные данные.

— Все! Полный порядок на чердаке! Значит, так: орали они, препирались... Мостик развалился...

— Что развалился, все видели.

— Трухлявый был. Развалился прямо под ногами, ну, а он того... К владельцу, мол, возмещай ущерб... А, нет, ведь владец тоже там лежал... Значит, понимаю: на веки вечные тайна и все тут?

— Правильно.

— Ладно, пускай так. И смотри ты, отдал концы в родном и единоличном озере из-за плюгавого несчастного случая, к тому же из-за собственного небрежения: мосточек надо было в новом экземпляре поставить... И снова следствию крышка! Оно и пусть, впервые восторгаюсь такому раскладу, на радостях упьюсь, как кабан в кукурузе...

* * *

Назавтра после столь волнующих событий позвонила Мариола Кубас. Говорила второпях, запинаясь.

— Я знаю... Вам этот адрес ни к чему... Мне позвонили... Нельзя ли с вами увидеться...

Насчёт присутствия Гутюши совсем не возражала. Я почувствовала приближение очередной тайны и поспешно согласилась. Встречу она назначила в квартире Марианны Голковской, чем заинтриговала меня вконец.

С первых же слов выяснилось, что Марианна Голковская родная тётка Мариолы Кубас. Видимо, тётка держалась не самого лучшего мнения о племяннице, и в квартире сгустилась атмосфера порицания. Я призналась в своём вранье насчёт поэзии, это встретило полное понимание и прямо-таки поддержку — камуфляж был прекрасный. Взамен я выяснила, кто получил

адрес лесничего. Божидар. Меня ещё раз неслабо потрянуло, ибо, вопреки очевидности, я никогда не догадывалась касательно его принадлежности к мафии. Но как ни крути, он был единственным слабым звеном, через которое информация могла просачиваться в ненужном направлении. Каська-наркоманка лечилась под надёжной опекой, строго изолированная от мира, не говоря уже о такой мелочи, что ведать не ведала об этом адресе. Никому другому Мариола адреса не давала, а письма всегда посылала из Варшавы, опуская в почтовый ящик на главпочтамте и не обозначая на конверте фамилии отправителя. Ребёнка отвезла туда ещё в прошлом году с помощью тогдашнего поклонника её заграничной приятельницы, настоящего француза, которому было все едино, какой дорогой покидать нашу страну. Французский язык Мариола знала плохо, но вдолбила в него, что это сынишка лесничего, которого она как раз забрала из больницы. Могла так уж и не стараться, француз вообще не заметил, что везёт, занятый исключительно своей пассажиркой. Он приклеился бы к ней по меньшей мере на неделю, кабы не многочисленная мелюзга лесничего. Выдержал сутки, она осталась там ещё, и он уехал.

Божидар произвёл на неё великое впечатление. Он разыскал её раньше нас и велел молчать под страхом смерти: он, мол, единственный ей друг, а все остальные враги. Она поверила беспрекословно, и не мне, во всяком случае, её за это осуждать.

Марианна Голковская оказалась куда прозорливей, её Божидар не очаровал, по-видимому, его башмаки произвели не лучшее впечатление.

Облаяла племянницу, как святой Михаил дьявола, причём раскрыла ещё один секрет.

— Вовсе не потому не ходила Мариола к Касе, что Касина мать её прогнала, слишком, дескать, простая деваха, — кипятилась Марианна Голковская. — Ну дура, да ведь школу-то кончила, и дело совсем в другом: в какой дом ни придёт, где парень или мужик есть, на порог её не пускают. Летят на неё, будто всякий разум отшибло, четырнадцать лет ей было, когда и Касин отец ошалел, любая женщина, как увидит, не пускала её в дом. Наказание Божие. Мне стыдно, что она моя племянница, да надеялась, хоть какой умишко все же есть у неё, а оказывается, вовсе нету. Чистое чудо, как на злое дело все не обернулось, ведь убитое невинное дитя могло там лежать, а ты бы, дура, угрызеньями мучилась!

Мариола Кубас заливалась слезами и во всем соглашалась с обличительницей. О событиях на озере она узнала от лесничего, позвонившего ей, он все описал детально и тоже выступил с претензией, после чего она впала в майдраж и раскаяние. Одна только мысль, что её

заподозрят в сговоре с преступниками, лишала сна и всякого покоя, к тому же душила ярость на Божидара: выудил сведения, а все надежды обманул. Однако из двух зол предпочла девичью глупость и принялась молить о прощении, которого добилась без особого труда.

С моего телефона наконец сняли дополнительные детали, и я тотчас же позвонила Алиции.

— Учитывая, что ты мой единственный друг, пребывающий за границей, к тому же имеешь бзик на пункте садово-огородном... — начала я намёками.

— Да, знаю, — прервала Алиция. — Что ей сказать?

— Алиция, ты божественна! Передай, она может мне звонить, как любой нормальный человек. Наступила вождеденная развязка.

Пломбир позвонила через час. Я передала ей официальную версию событий, сильно напирая на трухлявость мосточка, оный, рухнув под ногами сражавшихся, всех утопил в озере. Количества бойцов, равно и других деталей я не уточнила, но и так уже давно не доставляла никому столь утешительных сведений.

— А как Игнаций? — с живостью заинтересовалась она. — С ним ничего плохого не случилось?

— Совершенно ничего, в полчаса пришёл в себя. А я как раз хотела спросить, откуда вы его откопали? Тут такой клубок совпадений.

— Игнаций мой двоюродный брат, — прервала она. — Я ездила к ним летом в этом году, так он рассказал мне о зонтике и рыбной ловле. Он вас знал, впрочем, вы ему сказали, что поселились неподалёку, на турбазе, вы обе там числились... Он ведь проверил, чем-то вы его ужасно насмешили... Ну, я и решила, вы, конечно, все помните и наверняка найдёте дорогу, а Игнацию можно доверять.

Я задумалась. Двоюродный брат Пломбира изнасиловал Мариолу Кубас, но любой насильник может оказаться чьим-то двоюродным братом... И все же в этом деле случай создал неплохую комбинацию.

Третью тайну мне открыл Павел.

— Слушай, оказывается, этого товарища Сушко вполне можно было вычислить давно! Знать бы, на что обратить внимание, а я совсем недавно оповестился.

Любопытство моё разыгралось, и Павел продолжал его дразнить.

— Адам.., помнишь, о ком говорю?

— Да, помню.

— Не он один расплевался с родителями. Помнишь того парня, наркомана, он ещё вдвоём с герлой шлялся?..

— Помню.

— Это близкий друг моего приятеля, из-за которого во все вляпался, помнишь? Не перепутай морально падших индивидов...

— Помню. Не перепутаю.

— Это я тебе излагаю всю цепочку, через которую до меня дошло. Как раз вовремя. Ну, так тот парень с девахой тоже послали своих предков подальше, с Адамом они знакомы, все в одной среде. С товарищем Сушко он тоже знаком и ориентировался в его тёмных делишках, чувства к нему питал сильные, только с обратным знаком. Что там у него в мозгу варилось, сказать трудно, клёцка, видать, его крепко достала, уж больно странно мстил. Нет чтобы сказать что-нибудь, так он отколол такой номерок, как бы это определить... Каким-то детям во дворе велел шаркать ногами да приговаривать: Суш-ко, Суш-ко...

Я застонала. Павел продолжал.

— И все это было там, во дворе на Праге, где гниды тёпленькое логово себе организовали. Ты слышала про это шарканье?

Я попыталась изобразить, как это звучало. Павел подтвердил. С минуту мы сушковали по телефону не хуже тех детей.

— Понимаешь, он считал, умный, мол, поймёт. Отец ему запретил даже имя Сушко упоминать и за это бабки отвалил, вот он и не говорил, а упёрся на сушковании. Как связано с Сушко, не понимаю, а он упирается, что связано. У меня времени не хватает его поприжать, а тебе говорю, потому как он, по всей видимости, знает всю подноготную, ну и пусть расколется кто-нибудь другой. Он все ещё в нервах, может, и расколется...

Я поняла, откуда Каська-наркоманка обо всем разведала и каким образом несчастного ребёнка товарища Сушко убрали из поля зрения папаша. Да, эти двое держали руку на пульсе. Припомнила я и другое: выяснение туманных предпосылок и разгадывание тайн не входит, к счастью, в сферу моей профессии, и по такому поводу испытала огромное облегчение...

* * *

— Все-таки, — смущённо заговорил Януш, — возможно, не в свою пользу, но в любом случае я обязан сказать тебе правду. В мафии он не был, не способен он на это. Только.., как бы выразиться.., мне неудобно...

— Я ей объясню, — великодушно предложил Гутюша. — Меня все это не касается, ну и к вашим услугам, мадам. Знаю от приятелей. Твой

бывший экс или как его там, трудился в одиночку, прямо как Зося-Самося. Союзников себе находил все хуже и хуже, не приведи Господь, в основном бабье, последняя — всю жизнь гадай, не угадаешь, оказалась пани Татарович, ну, последняя жена товарища Сушко. То есть экс-товарища Сушко.

Я ожидала чего-нибудь невероятного, но такое побило все мои ожидания. Я очумело уставилась на Гутюшу, потом на Януша и опять на Гутюшу. Мы собрались у меня и шампанским запивали успех операции, достигнутый, правда, не только собственными силами, а при оказии обсуждали разные подробности. Товарищ Сушко-Татарович в качестве доверенной подруги и подельницы Божидара чуть не доконала меня окончательно.

— Все правильно, — подтвердил Януш. — Только он про Сушко ничего не знал.

Я потребовала уточнения. Кто и чего не знал? Божидар про товарища Сушко или товарищ Сушко про похождения жены?

— Это первое *primo*, — подытожил Гутюша, неизвестно почему с большим удовлетворением. — Познакомился он с пани Татарович, не так ли? О товарище Сушко, как таковом, понятия не имел, а второе *primo*, — коли и ведал о нем, то как все прочие: обыкновенная, мол, гнида, усохшая и безопасная, бывший подлипала, а теперь притаился, как мышь на метле. Мимикрировался товарищ Сушко, как те самые в природе!

Я отпила шампанского — вроде слегка отпустило. В конце концов, я всегда подозревала, что Божидарова оценка человеческих разновидностей радикально расходится с общепринятой, удивляться нечему. Ну, а представительниц прекрасного пола выбирал в помощь по привычке, что вполне понятно: нормальный мужик из другого мужика кумира не сотворит, а дуры-бабы в этом смысле весьма полезны, и все-таки с пани Сушко-Татарович Божидар побил все свои рекорды. Понятно, откуда товарищ Сушко получил известие, где искать ребёнка.

— Интересно, почему Божидар сам не поехал за мальчиком, — вырвалось у меня.

— Собирался, — поддержал Януш. — Оpozдал на день.

— А пани Сушко вообще прикинулась овцой, — вмешался Гутюша. — Слезы, горе, муж злодей, скотина, а она — невинность, добродетель, все мужнины чёрные замыслы накрест перечёркивает. Вот с твоим эксом они вместе и перечёркивали. Уже с год все черкали да черкали. Сошлись они на проливании горячих слез в жилетку — аж текло с твоего экса, будто из ведра окатили, от приятелей слышал, не выдумал.

— Которая же это жена? Не сумасшедшая же?

— Нет, третья. Первая просто померла, вторая сбрендила, а третьей, чудом красоты, Сушко владел уже лет пять. Сумасшедшая допекла его больше всех.

Товарищ Сушко начал меня интересовать гораздо больше Божидача.

— И что? Этот экс-партийный поскрёбыш сам организовал мафию? По клёчке судя, с головкой у него не так чтоб очень...

— Внешность обманчива, — назидательно изрёк Януш. — Он самый главный и был, двое помогали, да при первой же возможности слиняли из страны. Деньги с самого начала за границей держали. Пользовались любой оказией, возможности у них неограниченные, а твой Павел все правильно понял: торговлю наркотиками возглавляли, Сушко был как бы тайным контролёром. Официально же очень сильно боролся с наркобизнесом.

— И мой приятель, тот, что в сторонке трудился, вполне оценил ситуацию, — снова прервал Гутюша. — И мы правильно поняли: Сушко на шантаже ехал, шантажом погонял, и они ему добрый кус отваливали, держал бы пасть на замке. Им выгода шла немалая, а все же он числился в очереди на отстрел.

— Я вообще удивляюсь, как нас всех не прикончили, — вдруг обиделась я. — Эту психопатку тоже следовало, шантажиста...

— Да и так делали что могли. Мало тебе ещё? А психопатка второй на очереди стояла: непокладистый ребёнок заглянул-таки в дыру тогда, при обвале, мамашу оповестил и весь детский дом, что папаню видел за делом.

— И мальчик, в сущности, единственный свидетель, — продолжил Януш. — О подлинной роли Сушко знали Крыса и Рука. Крыса числился замом одного из тех двоих, что сбежали — один служил в министерстве внутренних дел, второй был из многоуважаемого политбюро. Естественно, никто из них не светился — всего только секретарь или советник. Краха системы ожидали уже лет десять и обезопасили свои капиталы. Потому и нервничали из-за бриллиантов: беспокоились — доходы уплывут. Наконец-то я в целом представила всю картину. Тихой сапой, используя власть, в темпе сколачивали огромные личные состояния, каждый злотый был на учёте — зёрнышко к зёрнышку копили... На самом финише не могли допустить потерь, два бриллианта пани Крысковой вызвали чуть ли не панику...

— А почему, собственно? — заинтересовалась я.

— Что почему?

— Почему нас не пришили? Один раз налёт не удался и что? Испугались?

— Да нет, просто не видели необходимости. Вы ведь как бы притихли, а ещё раньше от бриллиантов отказались, да и в последнее время не высовывались, а они больше всего опасались болтовни. К примеру, ты ведь не сказала дирекции казино насчёт своих наблюдений...

— А откуда мне было знать, не в сговоре ли они?

— Вот именно. Не в сговоре. И мошенники долго не намеревались испытывать судьбу, прекрасно понимали, в конце концов кто-нибудь обратит на них внимание. А зарвались они ещё в прежние годы и рассчитывали, что все сойдёт с рук, вероятно, так и случилось бы. Людей, решающих нынче такие дела, скрутили шантажом, и по сути говоря, не без оснований уверовали в безнаказанность. Потому и возня с вами не стоила свеч, в смысле ликвидации тебя и Гутюши, не говоря уже о такой мелочи, что вас, если честно, подстраховывали. Существуют же какие-то пределы...

— Ха! — с большим удовольствием вдруг высказался Гутюша. — Ха-ха! Ха-ха-ха!

Мы с беспокойством посмотрели на него.

— Гутюша, что с тобой?

— Ничего. Я делаю выводы.

— Сделай выводы подробнее. О чем речь?

— Да о безнаказанности. Он таки прав. У них бы и голова ни с одного волоса не слетела, а тут пожалуйста — все по высшему разряду! Ох, пропали наши любезные птенчики, сверхъестественная сила всю работу на себя взвалила, и если по этому поводу человек тридцать не упилось в стельку, то я дикий испанец, а не поляк!

— Гутюша, на Божескую милость, ты сам, случаем, не упился в стельку рюмкой шампанского?..

— Да что ты? Я на радостях, во мне все аж повизгивает от восторга. Сверхъестественная сила конфисковала всех вместе с подгнившим мосточком, да ещё и приглядела, чтоб ни один черт морду из пресной воды не высунул...

— В холодильнике есть ещё бутылка, — попыталась я отослать Януша.

— Сейчас. Мне не терпится подробности узнать: и как все на этом мосточке попритчилось? Ты ведь видела?

— В холодильнике есть ещё бутылка, — упёрлась я.

Если мужчины и надеялись, что после второй бутылки шампанского я выболтаю правду, ошиблись радикально. Я приняла великое решение: раз и навсегда иметь свою личную тайну. Звонила Пломбиру ещё разок, узнала, что пузан и высокий парень знакомы, скрывали только своё знакомство;

высокого парня и предостерегать не требовалось: пузан все сделал по собственному почину. Парень вовсе не был идиотом, пузан, вопреки видимости, тоже нет. Лесничиха слышала — кто-то приехал на мотоцикле, но видеть никого не видела; мотоцикл исчез, будто сон золотой, ещё до прибытия полиции. Я, стало быть, единственная, кто знал выскочившего из лесу налётчика, а у меня и в мыслях не было судить справедливый поступок.

— За здоровье сверхъестественной силы! — провозгласил Гутюша.

Фужеры у меня вместительные, часто служили вазочками для цветов. Януш торжественно поддержал тост, глаза у него подозрительно поблёскивали.

— Я бы хотел насчёт этой силы слегка сориентироваться, так, с точки зрения технической, настаивал он. — Учебной, так сказать. Опыт позаимствовать.

— А что? Изучаешь методы борьбы на гнилых мостках?

— Нет, пожалуй, не совсем так. Меня интересуют результаты обучения специальным методам в армии. Кстати, подобным методам во время службы в армии обучался некий Роман Ярчик...

— Мне ни про какого Романа Ярчика слышать не довелось, — возмутилась и даже обиделась я. — Зато очень интересно, по какой такой причине и с какой стати в Борах Тухольских через полчаса после нас оказались люди из Главного управления...

— Оказались бы за полчаса до вас, не случись автомобильной пробки, которую пришлось объезжать. Просто осечка вышла.

— Для кого осечка, а для других прямо наоборот. И вообще перестань. Не желаю больше про страшные сцены, и так по ночам будут сниться; только вспомню, того и гляди в обморок грохнусь. И пожалуйста, оставим эту тему! Ничего я не видела, ничего не помню. Кое-что другое меня интересует. Об этом списке, оставленном Пломбиром, они хоть догадывались?

— Ничуть. Умная девушка. И как ей это удалось.., думаю, через подруг — все молодые, красивые, и все-таки я полон восхищения... Жаль, мы раньше не получили. Прекрасное оружие, можно было бы начать действовать...

— Вот именно, мне кажется, мафиози сваляли дурака. Оставить манекен в подвале, труп, как его, Залевского?.. Он же приятель Пломбира, она узнала всю историю, не случись этого, пожалуй, и не вмешалась бы в акцию. На кой черт они поставили его в стене, вместо того чтобы убрать и все следы замести?

— У них была определённая цель. Правда, во многом все это мои домыслы, никто из шефов уже никогда и ничего не скажет, показания дают лишь всякие подручные, и все приходится складывать из кусочков. Тело собирались уничтожить в кислоте, однако понадобилось время, и они законсервировали труп. Кому могло прийти в голову, что его найдут, ведь место какое — ну кто туда полезет. Не сунься вы в подвал, всякий след был бы потерян. Кстати, эту выбоину в стене и в самом деле необходимо было обмерить для ремонта?

Я постучала по лбу. Двадцать ремонтов обошлось бы без заколоченного хода. Не ищи я, как проникнуть в логово, Гутюша не оторвал бы доски... А главная заслуга тут Павла...

— Кабы не Юзеф, я тоже не полез бы, — сознался Гутюша. — А теперь в голове у меня наконец уборка закончилась. Наркотиками они промышляли давно, бриллиантами тоже пользовались давно, а на технические достижения клюнули в последнее время и убрали всех, кто мог помешать. Насчёт Крысы — сплошные сумерки, пожалуй, в путешествие собирался, а вот товарищ Сушко языками иностранными не владел, зато владел озерцом и виллой на Раковце, да ещё несколькими недвижимостями. Сдаётся, предпочитал отечество осчастливить своим постоянным присутствием. Так приятно они все процветали, а мы влетели, как грибки в сливовый компот. Эдакие посторонние личности, а таких надлежит опасаться.

— Ещё двух моментов не понимаю, — заявила я, подумав. — Не уверена, не вылезет ли на свет Божий какая-нибудь новая афёра, — девочка, сказавшая мне о Марианне Голковской, до чёртиков чего-то боялась.

Януш тут же все объяснил.

— Наркотики. Подружка уговорила, она приняла участие в сеансе, а один сопляк перебрал и его увезла «скорая». Девочка перетрухала до смерти, а больше всего боялась, чтоб родители не дознались. Это мы проверили.

— Слава Богу. Может, навсегда перепугалась. И ещё остался тот дохляк трусоватый-пугливенький...

— Какой дохляк трусоватый?

— Да тот, плюгавенький, худой, деньги получал за Романа Яр., хотела сказать, за того высокого парня. Ясно, этот парень хотел все запутать, чтобы лишний раз не бросаться в глаза. Но трусоватого я однажды видела в «Марриотте», вырядился, как церковный сторож на праздник Тела Господня, подозрительно мне это...

Януш открыл было рот, закрыл, молча, смущённо посмотрел на меня. Зато энергично ворвался Гутюша.

— Ты не делай из себя идиотку. От приятеля информация — один из лучших сыщиков. Дохляк пугливость симулировал. У него и в голове все ладно и с прочим не хуже: чёрный пояс по каратэ. Ты хоть знаешь про чёрный пояс?

Случайно знала. С упрёком посмотрела на Януша.

— Ну, понимаешь... — начал он неуверенно, и вдруг решился. — Ты все-таки учитывай, люди порядочные не обязательно должны страдать дебилизмом. Скажем, мафия внедрила своего человека к нам, а антимафия может иметь своего агента у них. И никаких законов нету насчёт того, что порядочным людям запрещается работать хотя бы и в полиции. Если временно у них связаны руки, уж материал-то стараются собрать основательный.

— Не знаю, что бы они со своих материалов поимели, кабы не счастливый случай на озере, — дополнил Гутюша. — Товарищ Сушко лишился жизни в своей частной собственности, приобретённой ранее путём махинаций. Вот она, высшая справедливость. Под рыбок предлагаю! — Шампанское?.. — удивился Януш. Я посмотрела на него внимательно. Нравился он мне. Нормальный человек. Живёт рядом. И смотрит так, будто я ему тоже нравлюсь, черт знает почему, ибо никакого пожитку с меня уже не получишь — подслушивающее устройство в телефоне демонтировано. А моё личное отношение к нему..

Стоп. Так ли уж обязательно это отношение разглашать? Пусть останется тайной для него и вообще для всех...

Примечания

Принадлежность гусарской экипировки: высокая бляха в форме птичьего крыла или рамки с вправленными в неё перьями, чаще всего орлиными или ястребиными.

Гвоздь, главная приманка (фр.).

Конрад Валленрод — герой одноимённой романтической поэмы Адама Мицкевича (1828). Литвин по рождению, воспитанный немцами, он становится (XIII в.) великим магистром Ордена крестоносцев и предаёт его, помогая одержать победу литвинам.

Альдона — возлюбленная Конрада Валленрода в поэме А. Мицкевича «Конрад Валленрод».

Кстати, между прочим (фр.).